

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

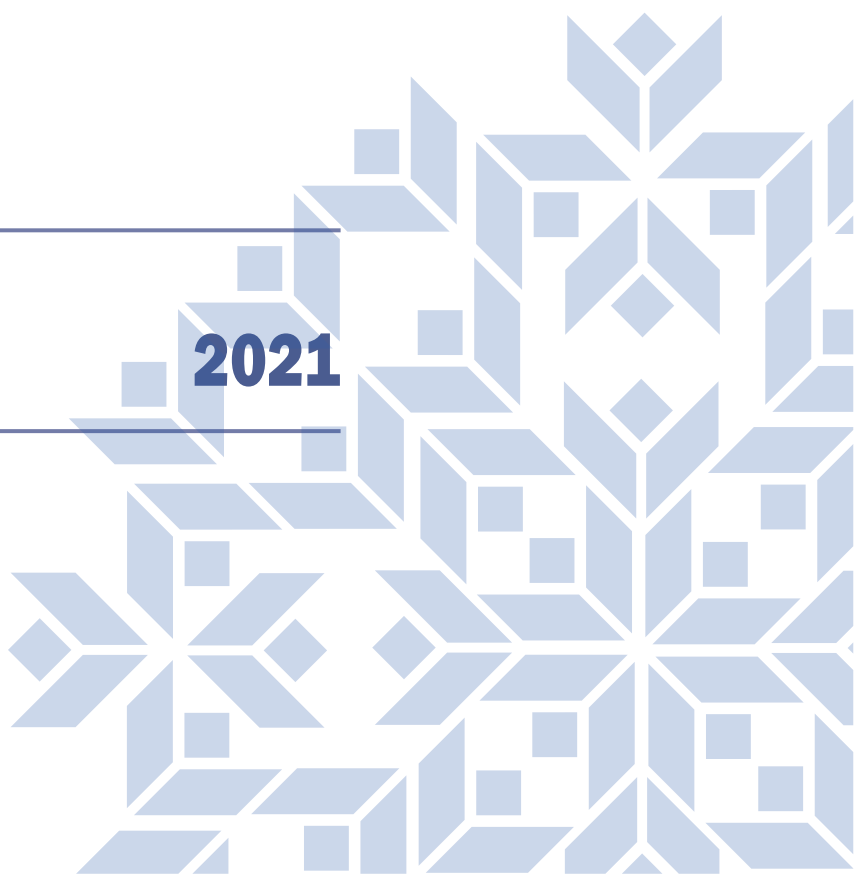
Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

3

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

Бакиров В. С.	Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г.	Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З.	Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А.	Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Латина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер Иэн	Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р.	Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л.	Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К.	Венский университет, Вена, Австрия.
Цуленер П.	Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tanar2002@tut.by
<i>Bakirov V. S.</i>	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
<i>Beznyuk D. K.</i>	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Hihin V. F.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Doktorov B. Z.</i>	Independent analyst and consultant, USA.
<i>Karol A. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Korosteleva E. A.</i>	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
<i>Lapina S. V.</i>	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Makallister Ien</i>	Australian National University, Canberra, Australia.
<i>Mamedov A. K.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Narbut N. P.</i>	RUDN University, Moscow, Russia.
<i>Semen'ska-Zhokhovska R.</i>	Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Simkhovich V. A.</i>	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
<i>Titarenko L. G.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Toshchenko Zh. T.</i>	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
<i>Filinskaya L. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Halman L.</i>	Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
<i>Herpfer K.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Zulehner P. M.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

УДК 316(476)(092)

VIVAT UNIVERSITAS! 100 ЛЕТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИИ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описываются этапы развития социологии в БГУ, раскрываются их содержание и особенности. Утверждается, что институционализация социологии на территории Беларуси началась с открытия БГУ и создания в нем кафедры социологии и первобытной культуры, где студентам читали лекции по генетической социологии, проблемам труда, праву, истории культуры, социологии семьи и брака. После отождествления исторического материализма с социологией преподавание социологических дисциплин было исключено из учебных планов БГУ. Возродилась социология в 1960-х гг. после образования Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ. Благодаря ее деятельности, а также работе сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов были созданы условия для открытия отделения социологии и кафедры социологии в 1989 г. Отмечается, что родоначальником современной белорусской социологии и основателем белорусской социологической школы является профессор Г. П. Давидюк. В настоящее время работа в области социологической науки и образования в БГУ ведется в Центре социологических и политических исследований и на кафедре социологии факультета философии и социальных наук. Делается вывод о том, что БГУ – один из ведущих университетов на постсоветском пространстве, где активно развивается социологическая наука, преподают известные ученые, которые готовят высококвалифицированных специалистов, способных работать в условиях глобальной нестабильности и достойно отвечать на новые вызовы времени.

Ключевые слова: социология; Белорусский государственный университет; институционализация социологии; белорусская социологическая школа; вековая традиция; история; этапы развития.

Образец цитирования:

Данилов АН. *Vivat universitas!* 100 лет институционализации социологии в Белорусском государственном университете. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;3:4–12.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-4-12>

For citation:

Danilov AN. *Vivat universitas!* 100 years of institutionalisation of sociology at the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;3:4–12. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-4-12>

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

VIVAT UNIVERSITAS! 100 YEARS OF INSTITUTIONALISATION OF SOCIOLOGY AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article identifies three stages in the development of sociology at BSU, reveals their content and features. It is argued that the institutionalisation of sociology on the territory of Belarus began with the opening of the Belarusian State University and the creation of the department of sociology and primitive culture, where students were given lectures on genetic sociology, issues of labour, law, cultural history, and sociology of family and marriage. After the identification of historical materialism with sociology, the teaching of sociological disciplines was excluded from the curricula of BSU. Sociology revived in the 1960s with the creation of the Problematic Research Laboratory of Sociological Studies at the BSU. In its depths, as well as in the sector of applied sociology at the department of philosophy of the humanities faculties, personnel were trained and the necessary conditions were created for the opening of the section of sociology and the department of sociology in 1989. Professor G. P. Davidyuk is rightfully considered to be the founder of modern Belarusian sociology. Currently, at BSU, centuries-old traditions in the field of sociological science and education are being developed at the Center for Sociological and Political Researches and at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences. It is concluded that BSU is one of the leading universities in the post-Soviet space and it possesses everything necessary for its further development. Sociological science and scientific schools are actively developing at BSU. The university staff includes well-known specialists who provide the training of highly qualified personnel with competences to work in conditions of global instability and readiness to give an adequate respond to the new challenges of the time.

Keywords: sociology; Belarusian State University; institutionalisation of sociology; Belarusian sociological school; time-honored tradition; history; stages of development.

Введение

Колыбелью социологической науки и образования на территории Беларуси стал Белорусский государственный университет. Так сложилось, что он аккумулировал в своем развитии философскую и социально-политическую мысль белорусских ученых, ввел их идеи в образовательный процесс и научный оборот. С самого начала работы университета социологические дисциплины были внедрены в учебные программы. И не беда, что они не очень походили на современные курсы, ведь вплоть до 1960-х гг. шел сложный процесс накопления теоретического, ме-

тодологического и практического опыта для формирования белорусской социологической школы. Ее лидером стал профессор Г. П. Давидюк (1923–2020). Позже А. Н. Елсуков признавал: «...белорусская социологическая школа активно заявляет о себе фундаментальными и прикладными исследованиями, участием на международных конференциях, разветвленной сетью социологических служб, подготовкой молодых специалистов высокого класса и вносит существенный вклад в развитие социологии – одной из важнейших наук современного общества» [1, с. 11].

Дух эпохи

Двери БГУ открылись 30 октября 1921 г. Время было тяжелое, все было в дефиците. О том, что представлял собой университет на первых порах своей истории, лаконично описано в воспоминаниях профессора С. Я. Вольфсона: «Белорусский государственный университет родился... правда, условия его существования в первые месяцы были суровыми. Аудиторию нередко представляла, напряженно слушая лектора, сотенная толпа, которая стояла между четырех стен. Стояли студенты – отсутствовали скамейки, стоял профессор – отсутствовало кресло. В галошах, в пальто, в шубах, некоторые с поднятыми воротниками. А в факультетской канцелярии писали в перчатках и карандашами: чернила замерзали. Но университет жил...» [2, с. 16].

Чтобы передать дух эпохи, приведем некоторые фрагменты из доклада заместителя Наркомпроса ССРБ С. З. Каценбогена (1889–1946) «О состоянии и проблемах БГУ», с которым он выступил 25 августа 1922 г. на заседании СНК Белоруссии. Речь идет об итогах первого года работы университета. Именно С. З. Каценбоген вскоре стал тем человеком, который вместе с В. И. Пичетой взвалил на себя тяжелую ношу по созданию нового учебного заведения. В биографии С. З. Каценбогена интересна его административная, научная и педагогическая деятельность [3]. Назначение ученого в БГУ вышло «...далеко за пределы его собственных желаний. Значение фигуры видного управленца в государственных делах республики и политическая

благонадежность делали интеллектуала-чиновника востребованным в руководстве БГУ. Выполняя решение X отчетной конференции Центрального бюро КП(б)Б, где значительное внимание было уделено политическому соответствию состава профессоров и преподавателей первого белорусского университета, с целью усиления марксистской составляющей педагогического процесса в БГУ было предложено С. З. Каценбогену вместе с В. М. Игнатовским и В. Г. Кнориным читать соответствующие учебные курсы. Для создания противовеса В. И. Пичете, как и всей приглашенной старой профессуре, заместителями ректора были поставлены преподаватели-партийцы. И первым на эту должность был назначен С. З. Каценбоген» [2, с. 15].

С. З. Каценбоген входил в состав правления БГУ, был деканом факультета общественных наук, заведовал кафедрой социологии и первобытной культуры, читал курс генетической социологии на всех отделениях факультета, стал первым профессором-социологом в Беларуси [4, с. 14]. Следует отметить, что научная и публицистическая деятельность С. З. Каценбогена наиболее ярко проявилась именно в период работы в БГУ, где сформировались его основные идеи. Широко известны научные труды философа: «Спорные вопросы в учении о происхождении брака и семьи» (1923), «Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана “Батуала”» (1923), «Философские и социологические основания марксизма» (1925), «Курс марксистской социологии» (1925), «Марксизм и социология» (1925). Еще до прихода на работу в БГУ С. З. Каценбоген опубликовал книгу «Пролетариат и крестьянство (социологический труд)», которая вышла в Минске в 1920 г. Данное издание можно считать первым историко-социологическим исследованием в Беларуси, где с учетом новых мировоззренческих тенденций автор попытался оценить динамику хозяйственной жизни республики с позиции движения рабочей силы.

Курс генетической социологии С. З. Каценбогена представлял собой историю развития социальных идей и общественных форм, своеобразный сплав историко-социологической мысли и первобытной истории [5, с. 241]. Идеи теоретической социологии еще не отделялись от социальной философии. Можно сказать, что последняя полностью включалась в состав общетеоретической мысли социологии. И хотя этот курс нельзя назвать в полном смысле социологическим (скорее, историческим), он давал достаточно хорошее представление о теоретической социологии. В нем, помимо материалистической концепции общества К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. Плеханова, упоминаются и основоположники позитивизма, представители биологизма, органицизма и психологизма, что свидетельствует об определенной логике развития классической

социологии уже в рамках белорусской школы, ибо эти теоретические парадигмы еще не противопоставлялись марксистским, а рассматривались наряду с ними.

Дух эпохи проявлялся в противостоянии старой профессуры, столкновении разных смыслов жизни с новой революционной целесообразностью, неизбежностью смены вех. Социология тогда рассматривалась как наука обновления, революции. Ее традиционно воспринимали как науку, направленную на ниспровержение старого строя. Русский ученый М. М. Ковалевский описывал курьезный случай, свидетелем которого он стал: «Мне припомнились слова жандармского полковника на границе, допрашивавшего меня: “Нет ли у вас книг по социологии? Вы понимаете... в Россию – это невозможно”, вспомнилось мне сожжение книги весьма консервативного американского писателя Уорда под заглавием “Динамическая социология”. Автор ее до сих пор уверен в том, что поводом к сожжению послужило смешение динамизма с динамитом» [6, с. 2]. Поэтому неудивительно, что только по прошествии XIX в. социология стала признанной научной дисциплиной в России и, естественно, в Беларуси, входившей в то время в состав Российской империи, а позже в состав СССР.

Открытие БГУ преследовало также цель «перекроить» молодежь, сформировать свой слой красной интеллигенции. В своем докладе С. З. Каценбоген информировал членов СНК Белоруссии: «...в университете существует три факультета: рабочий факультет, факультет общественных наук и медицинский факультет. Рабочий факультет насчитывал в своем составе 264 человека, сплошь рабочие и крестьяне. В настоящее время мы, оценивая работу рабфака, полагаем влить туда свежую струю, которая составит основное ядро этого факультета, ибо должен сказать, что на рабочем факультете пока имеется недостаточный кадр коммунистических преподавателей» [7, с. 38]. Заботил СНК и вопрос «...о приеме новых студентов. Как вам известно, к Белорусской Республике (вернее, к белорусскому университету) прикомандированы ряд губерний: Брянская, Гомельская, Смоленская и Витебская. Оттуда мы получаем много заявлений о приеме. <...> Большинство подающих прошения – это делегируемые Совпрофбелом или партийными инстанциями, и согласно разверстке большинство мест, до ста, представлено профессиональными и партийными организациями» [7, с. 42].

Больше уделялось внимания факультету общественных наук. «Фон (факультет общественных наук. – А. Д.) делится на отделения: социально-историческое, этнологическое-лингвистическое, социальное и правовое. <...> До сих пор у нас в университете числилось 75 профессоров и преподавателей и 68 человек административно-технического

персонала. <...> Теперь, в связи с расширением университета, увеличивается это число до 134 профессоров и преподавателей и 90 ассистентов... <...> На фоне перед нами стала задача укомплектовать достаточный кадр квалифицированных марксистских сил, и в этом отношении нам удалось достигнуть чрезвычайно много» [7, с. 39–40].

Работе молодого университета помогали всем миром, надеялись на помощь РСФСР и устанавливали живую связь с заграницей. Пристальное внимание уделялось деятельности библиотек. По этому поводу заместитель Наркомпроса С. З. Каценбоген отмечал: «...библиотека значительно подтянулась. У нас было до ста тысяч томов, в настоящее время библиотека усилилась такими основными библиотеками, как библиотеки Карского и Тихомирова. Затем мы получаем из Москвы благодаря содействию Государственного ученого совета все ныне выходящие на территории РСФСР издания, и таким образом удалось уже получить до 5 тысяч книг, вышедших на территории РСФСР и представляющих крупный интерес. Больше того: нам удалось установить живую связь с заграницей, которую не имело большинство высших учебных заведений. Мы связались с Лейпцигской книжной фирмой “Кюмель”, и эта фирма присылает нам много очень редких изданий» [7, с. 41]. «Для оборудования своих клиник и аудиторий мы полагаем получить средства из нескольких источников. Основной источник – это Россия, мы уже получили из Москвы 14 микроскопов, и при нашей бедности 14 микроскопов представляют собой довольно значительную ценность. <...> Основное, что нас интересовало к предстоящему учебному году, – это организация и изготовление необходимой мебели для аудиторий и лабораторий. <...> К величайшему сожалению, те цены, которые поставил нам Союз деревообделочников за изготовленную мебель, феноменальны... Вопрос о топливе является для нас также одним из основных вопросов. В прошлом году занятия сильно хромали из-за отсутствия топлива. В этом году... дело обстоит лучше: мы получили 150 пудов торфа, что нас несколько устраивает» [7, с. 41].

Не хватало всего, но главной заботой был профессорско-педагогический состав. Многие приглашались из других регионов. «...Президиум ЦИК по-

шел навстречу по поводу выдачи невыплаченного жалования профессорскому и административно-управленческому персоналу, и было предложено Тарифному совету выдать нам 14 миллиардов. Между тем прошло две недели после этого, а денег мы все еще не имеем. Имеем, правда, резолюцию – выдать деньги, но денег нет, я это подчеркиваю, что в области финансовой университету чрезвычайно тяжело живется. <...> Большинство переданных нам зданий ветхи» [7, с. 42]. «Остро обстоит у нас вопрос с квартирами. Профессора уже съезжаются, но мы не имеем возможности их разместить, так как те квартиры, которые были представлены нам номинально, фактически в нашем распоряжении еще не имеются, и этот вопрос у нас обстоит очень тяжело» [7, с. 42–43].

После революции 1917 г. социология, казалось, обрела все признаки важной и социально значимой науки, однако ее позитивистский дух все больше и больше входил в противоречие с основными теоретическими положениями марксизма и идеологическими установками новой власти. Реальная жизнь оказалась намного сложнее намеченных планов, плохо поддавалась новым методам управления. Социологическая наука превращалась в зеркало, в которое новая власть уже не хотела заглядывать. Так трагически уходил в историю *первый этап* развития социологии в БГУ.

В этот период пострадали и белорусские обществоведы. В 1929 г. был смещен со своего поста В. И. Пичета. В 1930 г. он был арестован (в числе других 115 научных сотрудников), обвинен в связи с белой эмиграцией по так называемому делу историка С. Ф. Платонова и сослан в Вятскую губернию (после освобождения в 1936 г. работал в научных организациях Москвы). Кафедра социологии в БГУ была закрыта, из учебных планов исключены курсы генетической социологии. В послереволюционный период «социология скорее была постепенно изжита, “вымыта” из корпуса обществоведения в силу жестких рамок становления идеологии, теории и практики советского строительства; функции социологии передавались марксистско-ленинской философии и другим социально-гуманитарным наукам – экономике, истории, правоведению, этнологии и даже филологии» [8, с. 106].

Советский период

О социологии в СССР вспомнили, когда в мире она уже давно была признана всеми и преподавалась в ведущих университетах мира, когда ни один мало-мальски заметный проект не обходился без социологических прогнозов. Вполне закономерно, что у истоков возрождения социологической науки в Беларуси стоял БГУ. Здесь «сформировалось активное ядро исследователей, было восстано-

лено социологическое наследие – не только труды социологов 1920–30-х гг., но и социологические идеи выдающихся дореволюционных философов, писателей, статистиков, юристов, демографов и др.; создавались новые подразделения, готовились кадры» [9, с. 15–16]. Так начинался *второй этап* развития социологии в БГУ (1960–1980), который можно назвать периодом возрождения и признания

социологической науки. В стране ощущалась потребность в новых знаниях, реально отражающих социальные процессы и противоречия, новые теории прогнозирования и управления обществом. К тому же необходимо было выходить из международной изоляции.

Еще до официального восстановления социологии в правах опальный академик Г. Ф. Александров в 1956/57 учебном году прочитал для студентов 4-го и 5-го курсов исторического и юридического факультетов БГУ курс лекций «История социологических учений», которые вышли в 1958 г. отдельным изданием [10]. В 1967 г. открывается Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований БГУ (ПНИЛСИ БГУ) [11]. В ее структурах сформировалась плеяда хорошо известных в стране и далеко за ее пределами ученых. В новой лаборатории изучались проблемы студенческой молодежи, семьи, трудовых коллективов, методы эффективной воспитательной работы и социального управления. Научно-исследовательская деятельность ПНИЛСИ БГУ развивалась по двум направлениям: реализация крупных проектов на долгосрочной основе, проведение прикладных социологических экспериментов по заданиям государственных и общественных структур. Исследования обычно носили оперативный характер, спектр изучаемых проблем был весьма широк.

Символом возрождения социологии в Беларуси и, естественно, в БГУ стал профессор Г. П. Давидюк. Так, Ж. Т. Тощенко писал: «По моему личному восприятию, здесь очень много сделал проф. Г. П. Давидюк, еще в 1979 г. в издательстве “Вышэйшая школа” в Минске он выпустил в свет один из первых учебников нового поколения “Прикладная социология”. Именно в этом учебнике Г. П. Давидюк сформулировал свое представление о функциях социологии, ее основных категориях, законах, которые были использованы шедшими за ним более молодыми исследователями. Эта книга примечательна еще двумя чертами: во-первых, в ней была сделана едва ли не первая попытка дать очерк современной советской социологии, ее трудов и их авторов за 60–70-е годы, и во-вторых, сформулированы предложения и размышления, как построить учебный процесс (на примере белорусского университета)» [12, с. 3]. Далее Ж. Т. Тощенко отмечал: «Опыт обобщения теоретических поисков и прикладных исследований стал основой для еще одного крупного достижения белорусских социологов: под редакцией Г. П. Давидюка (составители – А. Н. Елсуков, К. В. Шульга) в 1984 г. вышел в свет “Словарь прикладной социологии” (Минск : Университетское, 1984; повторно он был переиздан в 1991 г.). По сути дела, это был первый советский социологический словарь, вышедший в свет после официального признания социологии. Этот словарь появился раньше аналогич-

ных изданий в Москве и Киеве и был сразу признан социологическим сообществом, стал помощником для тех, кто ориентировался на стезю социологии, пытался реализовать на практике конкретные социологические исследования, создавать первые учебные курсы по социологии» [12, с. 3]. На наш взгляд, высокая и заслуженная оценка.

Г. П. Давидюк первым взял на себе ответственность за организацию подготовки профессиональных социологов. С начала 1974/75 учебного года на философском отделении исторического факультета БГУ по инициативе профессора была открыта специализация по прикладной социологии. В 1977 г. состоялся первый выпуск специалистов этого профиля. К началу 1980-х гг. в аспирантуре на кафедре философии данной специальности обучались около 20 человек.

За этой лаконичной информацией скрывается неравное противостояние ученых с министерским начальством. Вот как это было. Рассказывает Г. П. Давидюк: «Однако наше хорошее начало по подготовке социологов в университетских аудиториях было остановлено диктаторским повелением сверху. В 1978 г. советская делегация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук университетов Варшавского договора. От Белоруссии в делегацию входил я. На совещании-инструктаже перед отъездом в Министерство высшего образования СССР заместитель министра этого министерства, он же – руководитель делегации Н. И. Мохов попросил каждого из членов делегации (нас было 19 человек) доложить, кто в какой секции будет работать и о чем будет говорить. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как на философском отделении БГУ готовят социологов, какие проводятся социологические исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом, Н. И. Мохов мгновенно вскочил и стал озлобленно кричать: “У нас нет социологии. Кто вам разрешил вести подготовку социологов в университете?” Я спокойно ответил, что учебный план для такой подготовки нам утвердил первый заместитель министра высшего образования СССР Н. Ф. Краснов. У нас уже состоялось два выпуска специалистов, в дипломах которых записано: “Профессия – прикладной социолог”. Н. И. Мохов пообещал разобраться в этом деле. Через год в БГУ нагрянула министерская инспекторская проверка. Инспекция признала неправильной нашу запись в дипломе и предписала впредь делать такую запись: “Профессия – преподаватель общественных наук”. Так мы и делали до 1988 г., пока не признали социологию самостоятельной наукой и не открыли 12 социологических факультетов и отделений в университетах СССР, в том числе и отделение в БГУ» [13, с. 96].

Интересен опыт работы сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ, который был создан Г. П. Давидюком и начал научно-исследовательскую деятельность в 1974 г. «С первых дней моей работы в БГУ ректор университета В. М. Сикорский ежегодно выделял неограниченный лимит на ведение хозяйственных социологических исследований. Для проведения этих исследований уже в 1974 г. при кафедре был создан сектор прикладной социологии, научным руководителем сектора был назначен профессор Г. П. Давидюк, заведующим сектором – доцент И. Я. Писаренко, затем последовательно сектором руководили кандидаты наук С. А. Шавель, Д. Г. Ротман. Количество заявок от предприятий на проведение хозяйственных исследований каждый год возрастало. К 80-м годам сектор проводит уже исследования на девяти крупнейших заводах Белоруссии, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилёвское ПО «Химволокно», Оршанский льнокомбинат. Годовая сумма выполняемых работ – 300 тыс. долларов. Ответственными исполнителями на этих предприятиях работали в то время доценты кафедры А. Н. Елсуков, И. Я. Писаренко, старшие научные сотрудники С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, Д. Г. Ротман, А. И. Левко, А. П. Кацева, К. Г. Лапич и др. Полевые исследования на предприятиях проводили 68 человек, в том числе 47 научных сотрудников и 21 преподаватель и аспирант, среди последних были Л. Г. Титаренко и С. В. Лапина, ставшие впоследствии докторами социологических наук, профессорами» [13, с. 97]. В 1960–70-х гг. по примеру БГУ социологические структуры стали создаваться во всех ведущих университетах республики. Работа соответствующего сектора в БГУ дала толчок развитию заводской социологии.

Социологам всегда жилось непросто. Опубликованные ими работы, результаты исследований, представленные администрации заводов, далеко не всем нравились. Руководство некоторых заводов жаловалось в партийные органы на «субъективизм» социологов, отдельные заказчики даже расторгали договор с университетом на проведение исследований. Партийные органы использовали это для «разноса» ученых. Неоднократно на пленумах Минского горкома КПБ университетские социологи получали нагоняй. Г. П. Давидюк вспоминал: «В 1985 г. в Минск прибыла московская комиссия, в составе которой были работники аппарата ЦК КПСС и Министерства высшего образования СССР. Она скрупулезно проштудировала деятельность академических социологов и социологов вузов Минска. Члены комиссии интересовались прежде всего результатами хозяйственных социологических исследований. Особое внимание уделили социологическим службам БГУ и Белорусского политехнического института. В своем заключении комиссия обвиняла минских

социологов не только в “извращении” социальной действительности, но и в “финансовом ограблении” заводов, оплачивающих хозяйственные социологические исследования. Комиссия рекомендовала запретить хозяйственные социологические исследования. После отъезда комиссии партийные органы стали делать оргвыводы. Заведующий кафедрой научного коммунизма Белорусского политехнического института, при котором функционировала большая хозяйственная социологическая группа, проводившая исследования на многих заводах г. Минска, профессор В. Н. Семенов был снят с работы со строгим партийным взысканием. Группе было запрещено проводить хозяйственные исследования. Секретарь ЦК КПБ А. Т. Кузьмин прислал в партком БГУ за своей подписью письмо, в котором требовал снять профессора Г. П. Давидюка с должности заведующего Проблемной НИЛ социологических исследований БГУ и “привлечь к ответственности”. Несмотря на все попытки нового ректора БГУ, академика Л. И. Киселевского, и парткома БГУ защитить Г. П. Давидюка, им пришлось выполнить распоряжение секретаря ЦК КПБ А. Т. Кузьмина. На заседании парткома Белгосунiversитета Г. П. Давидюку второй раз объявили строгий выговор, а ректор отдал приказ об увольнении его с должности заведующего проблемной социологической лабораторией» [13, с. 98].

Власть поняла важность и значение социологии слишком поздно, когда уже ничего не могло спасти СССР и советский строй. Однако, может быть в качестве покаяния, она еще успела принять решение о создании социологических факультетов и отделений в ведущих университетах страны. В 1989 г. в БГУ открываются отделение социологии и кафедра социологии (первый заведующий кафедрой – профессор А. Н. Елсуков) [14]. Помимо А. Н. Елсукова, в то время на кафедре работали доценты В. Л. Абушенко, Л. П. Лимаренко, И. Я. Писаренко, докторант Л. Г. Титаренко. По мере развития отделения социологии штат сотрудников увеличивался. Сегодня на кафедре работают ведущие специалисты, сосредоточены лучшие социологические силы страны, кафедра располагает высоким научным потенциалом, обеспечивает преемственность поколений.

Время менялось, требовало новых форм организации. В этот период «птены из гнезда Г. П. Давидюка» оказались на высоте. Стали активно развиваться международные связи, появились первые негосударственные исследовательские структуры. Здесь следует отметить активность Д. Г. Ротмана, С. Н. Буровой, О. Т. Манаева, А. П. Лимаренко, Ж. М. Грищенко, Л. Г. Титаренко и др. Несмотря на усилия профессора С. Д. Лаптенка и перевод ПНИЛСИ БГУ на новый философско-экономический факультет, лаборатория медленно увядала.

Эпоха суверенной Беларуси

После распада СССР Республика Беларусь обрела суверенитет. Так, с 1991 г. начался *третий этап* развития социологии в БГУ. Социологи активно включились в изучение проблем новой жизни белорусского общества. Они значительно расширили объем исследований, связанных с трансформацией постсоветского мира, укоренением белорусской государственности, изменением ценностных приоритетов различных социальных групп населения, особенностями их социализации, идентификации.

В конце 1996 г. по инициативе Д. Г. Ротмана в БГУ создан Центр социологических и политических исследований, который широко известен в мире. С 1997 г. стал издаваться научно-теоретический журнал «Социология» (с 2017 г. – «Журнал БГУ. Социология»), в 2000 г. начинает функционировать белорусское общественное объединение «Социологическое общество», открывается филиал кафедры в Институте социологии Национальной академии наук Беларуси.

Социологи БГУ работают дружно. На этом, собственно, и держится наше университетское братство. В настоящее время на кафедре работают пять докторов социологических наук (А. Н. Данилов, Л. Г. Титаренко, А. В. Рубанов, Е. А. Кечина, Е. Е. Кучко) и десять кандидатов наук (С. Н. Бурова, Ж. М. Грищенко, Л. В. Филинская, Н. В. Курилович, Т. В. Бурак, Т. В. Щелкова, М. Г. Волнистая, Е. Г. Павлова, А. А. Похомова, А. Ю. Сакович). На кафедре в разное время работали известные белорусские ученые Г. П. Давидюк, Е. М. Бабосов, П. П. Украинец, Л. А. Гуцаленко, Г. Н. Соколова, А. И. Левко, О. Т. Манаев, Л. Г. Новикова, О. В. Терещенко и др. На протяжении всей 30-летней истории кафедра активно взаимодействует с ведущими социологами Национальной академии наук Беларуси, где трудятся наши выпускники и сотрудники кафедры Д. К. Безнюк, Ю. Г. Черняк, О. В. Кобяк, Е. В. Шкурова и др. Состав кафедры постоянно пополняется за счет собственных выпускников, успешно завершивших учебу в аспирантуре и имеющих опыт научно-исследовательской работы. Университетские социологи тесно сотрудничают с региональными коллегами (из Бреста, Гродно, Гомеля, Могилёва, Витебска).

Для этого периода характерно усиление интереса к исследованию социальных трансформаций белорусского общества, ценностных ориентаций различных социальных групп, проблем роста политической активности населения, стратификации и демографических характеристик общества в зависимости от социальных, экономических, социально-психологических факторов. Всегда в поле внимания университетских социологов было изучение социального развития молодежи. Активно проводились электоральные исследования. С начала

1990-х гг. в экономической социологии и социологии труда произошел резкий тематический сдвиг. Среди новых направлений, которые активно изучаются социологами, следующие: развитие национальной экономики, предпринимательство, внедрение инноваций, информационные технологии, трудовые конфликты, многообразие форм собственности на производстве, занятость и безработица. Проблематика экономической социологии все больше взаимодействует с социальной экологией, социологией катастроф и экстремальных ситуаций, что особенно актуально для Республики Беларусь, пострадавшей от аварии на Чернобыльской АЭС. Социально ориентированная рыночная модель развития обуславливает возникновение новых проблем социологии семьи и демографии.

Социологи БГУ активно изучают университетское образование, формирование общественно-политической активности студенчества, эволюцию национальной системы образования, ее социально-культурные особенности. Их опыт нашел применение при разработке концептуальных основ развития национальной системы образования в условиях глобализации, цифровизации, а также вызовов пандемии.

В области социологии культуры, традиционном для университетских социологов научном направлении, на первый план вышло исследование развития белорусской нации, социодинамики культуры, ее национальных традиций и особенностей в контексте становления и проявления специфики менталитета и самосознания белорусского народа. Социологи стали больше внимания уделять изучению культурной идентичности и самоопределения народов, межнациональных отношений в условиях становления суверенитета, проблемам региональной политики, развитию местного самоуправления.

Одним из важнейших направлений социологической науки в БГУ являются разработки в области методологии и методики. Широкое применение в социологической деятельности получили современные информационные технологии. Именно в БГУ впервые на постсоветском пространстве сформирована методология оперативных социологических исследований (под началом Д. Г. Ротмана). Активно развивается политическая социология. Так, важным направлением в работе социологов являются электоральные социологические исследования, а также изучение информационного пространства суверенной Беларуси.

Новой Беларуси необходимы новые социальные теории, концепции, идеи. В ситуации, когда цивилизация вступает в фазу глобальной нестабильности, повышенных рисков и угроз, естественно, что и в области социологии возникает теоретико-методологическая

неопределенность, обусловленная сменой научной картины мира. Это не кризис, а смена вех, стремление сосредоточиться на новом, попытка выйти за пределы привычного. Очевиден поиск таких парадигмальных ориентаций в научном познании и практической деятельности, которые бы органично сочетались с антропологическим измерением глобального социального развития, а также с человеком в его единстве с социумом и природой. Антропологический фактор в данном контексте рассматривается как один из определяющих векторов осознания необходимости устойчивого развития в условиях нарастающей неопределенности.

Ощущается всевозрастающая значимость результатов социологических исследований при

принятии важнейших управленческих решений. В то же время новые социологические структуры часто не могут обеспечить эти возрастающие потребности, так как произошел распад важных научных школ, практически исчезли крупные коллективные исследования макросоциологического уровня.

При подготовке современных научных кадров важным представляется междисциплинарный синтез. Нельзя в образовательном процессе ограничивать учебный план рамками исключительно своей компетенции, ориентироваться лишь на прикладные, частные вопросы, искусственно насаждать междисциплинарную обособленность. «Наука об обществе... должна подняться до уровня фундаментального знания» [15, с. 38].

Заключение

Сегодня «социология стала одним из главных источников получения знания о современном обществе, процессах, протекающих в нем, о человеке, его социальном самочувствии» [16, с. 12]. Традиции, заложенные в первые годы работы БГУ, со временем трансформировались, отвечая на новые вызовы времени, но все же остались своеобразными маяками развития. Время дополнило их новым опытом, обновило содержание, обогатило и создало

условия для преодоления препятствий на историческом пути. Актуальная тематика и междисциплинарность исследований, широкая философская и методологическая подготовка, академичность и практикоориентированность образовательного процесса стали визитной карточкой БГУ. Именно богатый опыт позволяет университету все эти годы оставаться флагманом белорусской науки и образования.

Библиографические ссылки

1. Елсуков АН. Социологическая мысль Беларуси: становление и этапы развития. *Социологические исследования*. 1998;9:5–11.
2. Максимчик АН. Ученый, педагог, организатор и руководитель советской высшей школы. В: Кохановский АГ, Яновский ОО, Данилов АН, редакторы. *Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения*. Максимчик АН, составитель. Минск: БГУ; 2019. с. 9–32.
3. Максимчик АН. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:65–86.
4. Данилов АН, Елсуков АН, Ротман ДГ. *Социология в Белорусском государственном университете: история, факты, документы*. Минск: БГУ; 2006. 144 с.
5. Каценбоген СЗ. Белорусский государственный университет за 1922–1923 академ. год: итоги и перспективы. *Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 1923;4/5:230–281.
6. Ковалевский ММ. Социология на Западе и в России. В: Ковалевский ММ, де Роберти ЕВ, редакторы. *Новые идеи в социологии*. Санкт-Петербург: Образование; 2013. с. 1–10.
7. Доклад заместителя Наркомпроса ССРБ С. З. Каценбогена о состоянии и проблемах БГУ на заседании СНК Белоруссии в рамках обсуждения вопроса о деятельности и плане работы Наркомпроса ССРБ (Минск, 25 августа 1922 г.). В: Кохановский АГ, Яновский ОО, Данилов АН, редакторы. *Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения*. Максимчик АН, составитель. Минск: БГУ; 2019. с. 38–43.
8. Козлова ЛА. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации. *Социологические исследования*. 2016;12:105–113.
9. Шавель СА. *Общественная миссия социологии*. Минск: Беларуская навука; 2010. 404 с.
10. Александров ГФ. *История социологии как наука*. Минск: БГУ; 1958. 79 с.
11. Данилов АН, редактор; Грищенко ЖМ, составитель. *Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИИСИ БГУ): к 50-летию создания*. Минск: Издательский центр БГУ; 2017. 99 с.
12. Тощенко ЖТ. Беларусь: время надежд. *Социологические исследования*. 1998;9:3–4.
13. Давидюк ГП. В муках и страданиях родилась социология. *Социологические исследования*. 2008;6:93–99.
14. Данилов АН, Елсуков АН, Безнюк ДК, Ротман ДГ, Черняк ЮГ, Похомова АА. *Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания*. Минск: БГУ; 2014. 230 с.
15. Симонян РХ. Социальная философия, обществознание или генералистика: к проблеме кризиса социологии. *Вопросы философии*. 2021;3:29–40.
16. Данилов АН. Институционализация профессионального социологического образования в Беларуси: истоки и перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:4–13.

References

1. Elsukov AN. [Sociological thought in Belarus: formation and stages of development]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998;9:5–11. Russian.
2. Maksimchik AN. [Scientist, teacher, organiser and head of the Soviet higher school]. In: Kokhanovskii AG, Yanovskii OO, Danilov AN, editors. *Pamyat' i slava: Solomon Zakharovich Katsenbogen. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya* [Memory and glory: Solomon Zakharovich Katsenbogen. To the 130th anniversary of the birth]. Maksimchik AN, compiler. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 9–32. Russian.
3. Maksimchik AN. Little known pages of biography and activities of professor S. Z. Katsenbogen (1889–1946). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:65–86. Russian.
4. Danilov AN, Elsukov AN, Rotman DG. *Sotsiologiya v Belorusskom gosudarstvennom universitete: istoriya, fakty, dokumenty* [Sociology at the Belarusian State University: history, facts, documents]. Minsk: Belarusian State University; 2006. 144 p. Russian.
5. Katsenbogen SZ. [Belarusian State University for 1922–23 academic year: results and prospects]. *Pracy Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta*. 1923;4/5:230–281. Russian.
6. Kovalevskii MM. [Sociology in the West and in Russia]. In: Kovalevskii MM, de Roberti EV, editors. *Novye idei v sotsiologii* [New ideas in sociology]. Saint Petersburg: Obrazovanie; 2013. p. 1–10. Russian.
7. [Report of the deputy People's Commissariat for Education of the SSRB S. Z. Katsenbogen on the state and problems of the Belarusian State University at a meeting of the Council of People's Commissars of Belarus in the framework of the discussion of the issue of the activities and work plan of the People's Commissariat for Education of the SSRB (Minsk, 1922 August 25)]. In: Kokhanovskii AG, Yanovskii OO, Danilov AN, editors. *Pamyat' i slava: Solomon Zakharovich Katsenbogen. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya* [Memory and glory: Solomon Zakharovich Katsenbogen. To the 130th anniversary of the birth]. Maksimchik AN, compiler. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 38–43. Russian.
8. Kozlova LA. [Post-revolutionary Russian sociology: a failed attempt at Sovietisation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;12:105–113. Russian.
9. Shavel' SA. *Obshchestvennaya missiya sotsiologii* [The public mission of sociology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2010. 404 p. Russian.
10. Aleksandrov GF. *Istoriya sotsiologii kak nauka* [The history of sociology as a science]. Minsk: Belarusian State University; 1958. 79 p. Russian.
11. Danilov AN, editor; Grishchenko ZhM, compiler. *Problemnaya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya sotsiologicheskikh issledovaniy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (PNILSI BGU): k 50-letiyu sozdaniya* [Problem Research Laboratory of Sociological Research of the Belarusian State University (PNILSI BSU): to the 50th anniversary of its creation]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2017. 99 p. Russian.
12. Toshchenko ZhT. [Belarus: a time of hopes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998;9:3–4. Russian.
13. Davidyuk GP. [Sociology was born in agony and suffering]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008;6:93–99. Russian.
14. Danilov AN, Elsukov AN, Beznyuk DK, Rotman DG, Chernyak YuG, Pokhomova AA. *Kafedra sotsiologii BGU: istoriya i sovremennost'. K 25-letiyu sozdaniya* [Department of sociology, BSU: history and modernity. To the 25th anniversary of its creation]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 230 p. Russian.
15. Simonyan RH. [Social philosophy, social science or generalistics: to the problem of the crisis of sociology]. *Voprosy filosofii*. 2021;3:29–40. Russian.
16. Danilov AN. Institutionalization of professional sociological education in Belarus: origins and prospects. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:4–13. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.07.2021.
Received by editorial board 08.07.2021.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 130.3

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕКОЛЮБЕЦ, ЧЕЛОВЕКОЗНАВЕЦ, ЧЕЛОВЕКОДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ, МУДРЕЦ И ПРОВИДЕЦ

Е. М. БАБОСОВ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Раскрываются философский смысл и гуманистический пафос творчества Ф. М. Достоевского, воплощенные в его романах и журнале «Дневник писателя». Продемонстрирована бездонная глубина человека, составляющего символ веры писателя. Его философско-этические и психологические обобщения представлены как центральный пункт метафизической проблемы человека как личности, его жизни, исканий, страданий, любви, веры. Реконструирована теория творчества Ф. М. Достоевского, для которого человек интересен тогда, когда вступает только на свой, индивидуальный путь и, проходя его, демонстрирует нечто типичное для всего народа, его историческую судьбу и предназначение, силу и слабость. Показано, что писатель видел призвание России в том, чтобы в любых обстоятельствах отстаивать честь русского человека, народа, так как только в личностной самобытности каждого воплощается общая самобытность нации. Раскрывается диалектика любви, свободы, красоты и бессмертия как составляющих смысл жизни. Смерть на этом фоне представлена как неизбежный нравственный урок, задача которого в обострении чувства любви к человеку и смирения перед Богом. Такому пониманию жизни и смерти противостоит бесовщина – феномен, лишенный любви и смирения. Для Ф. М. Достоевского, остро предчувствовавшего будущие социальные потрясения в России и Европе, бесовщина воплощается в революционных идеях захвата власти, перестройки общества и человека по лекалам политических вождей, которые жаждут только господства над другими. Охарактеризованы

Образец цитирования:

Бабосов Е. М. Ф. М. Достоевский – великий человеколюбец, человекознавец, человекодоброжелатель, мудрец и провидец. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;3:13–23.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-13-23>

For citation:

Babosov E. M. F. M. Dostoevsky – great human-lover, expert in human, well-wisher of human, sage and visionary. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;3: 13–23. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-13-23>

Автор:

Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Evgenii M. Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; chief researcher.
babosov@yandex.ru

пророчества и предчувствия Ф. М. Достоевского относительно будущего России и ее места в мировой истории. Акцент сделан на писательском неприятии революции как братоубийственной войны и отрицании жизнеспособности коммунистических идей и идеалов. По мнению писателя, противопоставить этим мрачным прогнозам можно только религиозно окрашенный гуманизм: лучшее будущее наступит тогда, когда люди смогут объединиться в единое гармоничное целое, или рай Христов, на основе реализации главной христианской заповеди возлюбите ближнего как себя самого.

Ключевые слова: великий писатель; человекознавец; мудрец; бесовщина; революция; преданность народу; пророчества; предчувствия; гуманизм; литература.

F. M. DOSTOEVSKY – GREAT HUMAN-LOVER, EXPERT IN HUMAN, WELL-WISHER OF HUMAN, SAGE AND VISIONARY

E. M. BABOSOV^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The philosophical meaning and humanistic pathos of F. M. Dostoevsky's work is revealed, embodied in his novels and «The diary of a writer». The depth and bottomlessness of a person – the writer's symbol of faith – are presented. The philosophical, ethical and psychological generalisations of the Russian writer are presented as the central point of the metaphysical problem of man as a personality, her life, quest, suffering, love, faith. The theory of F. M. Dostoevsky's creativity is reconstructed, for which a person is interesting when he embarks on only his own, individual path, but passing which, highlights something typical for the entire people, its historical fate and destiny, strength and weakness. Only in the personal identity of each person is the general identity of the nation embodied; to defend in any circumstances the honour of the Russian man and the honour of his people – this is precisely what the citizen writer saw as the vocation of Russia. The dialectic of love, freedom, beauty and immortality as components of the meaning of human life is revealed. Against this background, death is presented as an inevitable moral lesson, the meaning of which is to sharpen the feelings of love and humility: love for man and humility before God. This understanding of life and death is opposed by demonic, a phenomenon devoid of love and humility. For F. M. Dostoevsky, who had an acute presentiment of future social upheavals in Russia and Europe, devilry is embodied in the revolutionary ideas of seizing power, restructuring society and man according to the patterns of political leaders who only yearn for domination and submission of others to their will. The prophecies and premonitions made by F. M. Dostoevsky about the future of Russia and its place in world history are characterised. The emphasis is on the writer's rejection of the revolution as a fratricidal war and the denial of the viability of communist ideas and ideals. Only religiously coloured humanism can be opposed to these gloomy forecasts: a better future will come when people, based on the implementation of the main Christian thesis, to love their neighbour as themselves, will be able to unite into a single harmonious whole or the paradise of Christ.

Keywords: great writer; expert in human; sage; devilry; revolution; devotion to a people; prophecies; anticipations; humanism; literature.

В этом году 1 ноября исполняется 200 лет со дня рождения великого русского и всемирно прославленного писателя, выдающегося человеколюбца, человекознавца и человекодоброжелателя Федора Михайловича Достоевского. Эта дата всколыхнула волну интереса к его уникальному, возвышающему душу и разум, облагораживающему стремления и действия людей, искрометному творчеству. Мы не ставим перед собой задачу рассмотреть в литературно-критическом ракурсе бескрайнюю многосюжетность и глубину отражения гением русской и всемирной художественной литературы чувств, стремлений, действий разнообразных героев его романов. Замысел данной статьи гораздо уже и специфичнее: раскрыть психолого-этическое и философско-публицистическое величие творчества писателя – гражданина и выразителя насущных веяний эпохи и духовного богатства русского народа. Сам

писатель с удовлетворением признавал, что в его произведениях получила воплощение превосходная идея, величайший тип по своей социальной важности, который он открыл и «которого был провозвестником» [1, с. 340].

Конечно, Ф. М. Достоевский не был профессиональным философом: он не учился философии как дисциплине, не писал философские трактаты, не создал собственную философскую систему и никогда не претендовал на звание философа. Но все литературно-художественное творчество великого писателя наполнено глубочайшим философским смыслом. Стержневым средоточием, сердцевинной его художественных и умозрительных построений выступают раздумья о жизненно важных проблемах человека и человечества.

В романах великого писателя, содержащих философско-этические и психолого-когнитивные

обобщения судеб многих людей, центральным пунктом выступают проблемы личности, ее жизненная ориентация, мыслительная, нравственная и социальная качественность, многофазная созидательная и разрушительная деятельность. «Быть человеком между людьми и оставаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее» [1, с. 162]. Писатель утверждал, что эта идея вошла в плоть и кровь многих людей.

Проникая своим взором и мыслью в таинственные бездны человеческой души, где сталкиваются, порой переходя друг в друга, сознательное и бессознательное, абсолютная единственность и столь же абсолютная неповторимость, свобода и раболепие, духовность и телесность, демоническое и божественное, Ф. М. Достоевский был убежден и страстно убеждал других в том, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способность жить достойно в различных, даже самых тяжелых обстоятельствах. Его умом, сердцем, творческим вдохновением владели проблемы смысла жизни человека, его страсти и долга, добра и зла, веры и безверия, свободы и ответственности. Вот здесь-то раскрывается сущность исповедуемой и реализованной писателем в романах социально-психологической и социально-философской теории творчества. Для него человек интересен тогда, когда он идет по своему пути, но в его индивидуальности просматривается нечто типичное для всего народа. Стало быть, в единичной личности воплощается не природа конкретного человека, а народная мощь, суть всех личностей, составляющих народ.

По словам выдающегося немецкого писателя Т. Манна, все творчество Ф. М. Достоевского создавалось «во имя человечества и из любви к нему: во имя нового гуманизма, углубленного и лишенного риторики, прошедшего через все адские бездны мук и познания» [2, с. 345].

Еще более интегрированную и глубокую по своей сущности панораму философского смысла в произведениях всемирного гения раскрыл выдающийся русский философ Н. А. Бердяев. По его словам, у Ф. М. Достоевского было небывалое, характерное только ему отношение к человеку и его судьбе – вот в чем пафос, единственность творческого типа писателя. Для Ф. М. Достоевского ничего и никого больше нет, кроме человека, все раскрывается лишь в нем, все подчинено лишь ему. Такой исключительной поглощенности темой человека ни у кого среди прозаиков не было. Как и такой гениальности в раскрытии тайн человеческой природы. Ф. М. Достоевский прежде всего антрополог, исследователь глубин и тайн человеческой природы. Сложная фабула его романов есть раскрытие человека в разных аспектах, с разных сторон. Писатель открывает и изображает вечные стихии человеческого духа. В глу-

бине человеческой природы он обнаруживает Бога, дьявола и бесконечные миры, но всегда делает это через человека и из интереса к нему. Для него даже преступление не уничтожает человека, не страшна смерть, ибо вечность всегда раскрывается в человеке. Он художник не той безликой бездны, в которой нет образа человека, а бездны человечности, человеческой бездонности. В этом он мировой гений, величайший ум, который занимал действенно-активную позицию по отношению к человеку, раскрывал иные миры через него [3].

Ф. М. Достоевский всегда интересовался философией, хорошо знал античную, средневековую и современную ему философскую литературу. В мучительные годы переосмысления своих мировоззренческих установок, после четырехлетней каторги и разжалования из поручиков в рядовые, в условиях обессиливающей тело и душу солдатской муштры (на это ушло шесть лет), бесконечных смотров, подготовок к парадам и участия в них великий писатель в своих обращениях к старшему брату и другу Михаилу просил прислать ему большое количество книг. Среди них наряду с Библией, Кораном, церковными сочинениями он просил прислать ему «*Critique de raison pure*» [“Критику чистого разума”] Канта и... непременно Гегеля, в особенности Гегелеву “Историю философии”. С этим вся моя будущность соединена!» [1, с. 173]. Такая просьба была обусловлена не простой любознательностью, а жгучей необходимостью усвоить и эксплицировать в своем творчестве философские основания существования и деятельности человека в его взаимодействии с другими людьми, их общностями, государством и церковью, в его движении от бесовского, захваченного греховой вседозволенностью человекобога к укорененному в человеческом сердце и религиозной вере Богочеловеку – Христу.

Ф. М. Достоевский был убежден, что социально и нравственно развитому русскому человеку присущи глубокие философские размышления о смысле жизни и в этом заключается его национально-этническое своеобразие. Данная позиция отчетливо выражена в словах героя романа «Братья Карамазовы» Дмитрия: «все настоящие русские люди философы» [4, с. 28].

По утверждению великого писателя и человека, «...философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное – природа... <...> Философия есть та же поэзия, только высший градус ее!...» [1, с. 54]. Он считал, что в философском постижении мира и человека доверие к жизни получает более чистый и возвышенный источник. Именно этой вере, писал он в письме Михаилу, предназначено разгадать глубокую тайну, скрывающуюся в сердце человека. А суть ее заключена в следующем: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не

говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [1, с. 63].

Глубокую и непреложную справедливость такой самооценки доказывает органическая включенность в художественную ткань величайшего романа «Братья Карамазовы» глубоко философской притчи «Легенда о Великом инквизиторе». Согласно ей стержневой основой всего сущего является абсолютное достоинство личности, конкретного человека, который никогда, ни для кого и ни для чего не может быть только средством, но всегда должен быть целью каждого созидательного действия. В притче все временное, преходящее, случайное отходит на задний план, вперед выступает только глубокое и вечное в человеке. Яркими публицистическо-философскими словами в ней выражено убеждение, согласно которому человек в своей целостности есть существо творческое, для которого чувствовать, желать, справляться, достигать, стремиться к лучшему составляет непреодолимую потребность и цель. Великий писатель-человековед, исследуя сложную ткань социального бытия, обнаруживает и представляет читателю своеобразные места разрывов, выражающиеся в общественных травмах и болезнях, алчности, предательстве, вседозволенности и преступлениях. Но самая великая «тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить» [4, с. 237].

Поэтому всем тем напастям, которые обрушиваются на людей в таких местах разрывов бытия, противопоставляется «самая великая потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению» [5, с. 235] в органическом взаимопереплетении с равнодушным сердцем и глубокой любовью, с непоколебимой верой в лучшее будущее.

Философскую направленность творчества Ф. М. Достоевского особенно выделяли и высоко оценивали русские религиозные ученые В. С. Соловьев, Г. В. Флоровский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, С. Л. Франк, Л. И. Шестов. Известный достоевед А. Г. Гачева утверждала, что русская философская мысль во многом обязана Ф. М. Достоевскому – своему предтече, сыгравшему ведущую роль в подготовке религиозно-философского возрождения XIX – начала XX в. [6].

Своим художественно-философским творчеством Ф. М. Достоевский оказал огромное воздействие на развитие литературы и философии, философских концепций XX в., причем не только русской философии Серебряного века, но и персонализма, фрейдизма и экзистенциализма. По утверждению М. А. Маслина, великий писатель призывал к отказу от пресловутой «философии среды», обрекающей человека на пассивность, снимающей с него ответственность за собственные поступки и в конце концов лишаящей его свободы. «Мировоззрение Достоевского – это философствование

экзистенциального типа, философия существования» [7, с. 693].

Благотворное влияние произведений Ф. М. Достоевского ощутили и высоко оценили Т. Манн, А. Эйнштейн, Ж.-П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет и другие выдающиеся интеллектуалы XX в. А. Эйнштейн, в частности, писал о том, что главная цель великого писателя «заключалась в том, чтобы обратить внимание на загадку духовного бытия» [8, с. 164]. В письме П. Эренфесту в апреле 1920 г. он утверждал, что с восторгом читает роман «Братья Карамазовы» и считает его самой поразительной книгой из всех, которые попадали ему в руки.

Размышления Ф. М. Достоевского о философии как о поэзии высшего ранга, самобытности русского миро- и человекопонимания взаимопересекаются с его суждениями о том, что без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. Концентрированным воплощением самобытности русского национального самосознания, как утверждал великий писатель, является русская национальная идея – данное понятие ввел в словоупотребление именно он. Разъясняя его смысл, Ф. М. Достоевский в письме А. Н. Майкову 18 января 1856 г. писал: «Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной» [1, с. 208].

Описывая свою позицию, он обратился к стихотворению А. Н. Майкова «Клермонтский собор» и отметил важность понимания представленной в нем идеи русской государственности в сочетании с патриотической гордостью и верой в будущее: «...идея была освещена великолепно, вполне национально и рыцарски... и наша политическая идея, завещанная еще Петром, оправдалась всеми. <...> Уверяю Вас, что я, например, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня – это был русский народ, мои братья по несчастью» [1, с. 208].

В своей знаменитой речи об А. С. Пушкине Ф. М. Достоевский подчеркивал, что если русская национальная идея заключается прежде всего во всемирном единении, то задача людей в том, чтобы, прекратив все споры и раздоры, стать поскорее русскими и национальными и всем вместе перейти прямо к делу [9, с. 131]. Настаивая на всечеловечности русского национального идеала, он поясняет, что в нем не заключено никакой враждебности Западу: «...стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно в основании своем, но и народно, совпадало вполне со стремлениями самого духа народного» [9, с. 131]. Он страстно верил в то, что самое лучшее в жизни общества создается народом, что только народ дает нам лучших людей. Но для этого нужны условия. «Лучшие люди познаются высшим нравственным развитием и высшим нравственным влиянием» [10, с. 234]. По утверждению

Ф. М. Достоевского, народ не представляет собой некую безликую, однородную массу, а состоит из множества весьма различных людей. Поэтому, писал он в своем дневнике, «народ не может быть без личности» [10, с. 86]. Только в личностной самобытности каждого человека воплощается общая самобытность нации, а «потеря народной чести ведет потерю и личной чести» [10, с. 313]. Отстаивать при любых обстоятельствах честь русского человека и народа – именно в этом усматривал писатель-гражданин великое призвание России. Это призвание, по его словам, означает, «что великая наша Россия во главе объединенных славян скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединение всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я» [11, с. 195–196].

В качестве одного из идеалов, влекущих к себе ищущую смысл жизни личность, Ф. М. Достоевский восславляет свободу. В его понимании свобода проявляется как способность человека действовать в различных условиях повседневного бытия в соответствии со своими интересами, целями и идеалами. Поэтому достижение свободы писатель связывает, с одной стороны, с внутренними импульсами и побуждениями человека, а с другой – с независимыми от него условиями, при этом обращает внимание на то обстоятельство, что «бытие [в том числе и свободы] только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие» [10, с. 240].

Ф. М. Достоевский утверждал, что распространение во взаимодействиях людей пресловутого принципа вседозволенности не является реальным проявлением свободы, а наоборот, заключает человека в липкие, удушающие нравственность тенета и лишает его возможности спасения. Развивая эту идею, он добавляет: «лишение свободы есть самое страшное истязание, которое почти не может переносить человек» [10, с. 96]. В контексте именно такого понимания сущности свободы великий писатель-философ утверждает, что в стремлении к свободе в своих раздумьях, миропонимании и поступках человек должен «победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, т. е. свободы от самого себя» [5, с. 26].

Такое истолкование свободы отчетливо проявляется в романе Ф. М. Достоевского «Преступление

и наказание». Главный герой Родион Раскольников, чьи душа и тело, изнуренные и подавленные глубокой бедностью, из-за которой он вынужден оставить обучение в университете, вынашивает идею дозволенности преступления. Человек, думает он, имеет право, более того, должен перешагнуть через запрет убийства, если жертва ничтожна, как эксплуатирующая его нищенство старушка-ростовщица, ведь ее уничтожение открывает путь к свободе. Но купленная такой ценой свобода в реальности оказывается несвободой, рабской приверженностью изменяющимся обстоятельствам. Своим романом и всем творчеством Ф. М. Достоевский показывает, что такое извращенное понимание свободы порождается не внутренней природой человека, а внешними невыносимо трудными условиями жизни.

Страдая за совершенное злодеяние, Раскольников признается в нем в полицейском участке, его высылают по приговору суда на каторгу в Сибирь. Казалось, все пропало, жизнь кончена. Но вместе с Родионом едет на каторгу и Соня Мармеладова, еще одна жертва жизненных обстоятельств, которую вытаскивает на панель вечно пьяный и нищенствующий отец. Ее чистую и светлую душу, мятущуюся в продажном теле, влечет преодолевающая все трудности любовь. В минуту свидания молодых людей, когда конвойный отворотился, пишет Ф. М. Достоевский, в глазах их «...засветилось бесконечное счастье... <...> В этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. <...> Он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она – она ведь и жила только одною его жизнью!» [12, с. 421].

Такая оптимистическая концовка романа о преступлении и последующим за ним наказании позволяет более рельефно и глубоко осознать, почему философствующий писатель был убежден, что самое тяжелое и труднопереносимое в жизни – «отнятие всей личной и духовной свободы у людей, умерщвление личности» [10, с. 126]. Именно подлинная любовь, в которой воплощена глубина человеческой личности, спасает эту личность от небытия, умерщвления и открывает дорогу к духовному возрождению и возвышению.

Итак, человек обретает или возрождает свободу в своем отношении к кому-либо или чему-либо как к наивысшей ценности. Свой идеал любви Ф. М. Достоевский выражает словами главного героя романа «Братья Карамазовы» Мити, который говорит о том, что этот идеал несет в себе самоотвержение и самопожертвование, связанные с самой чистейшей любовью, с любовью, полной всепрощения [4].

По-видимому, самое глубокое, возвышающее человека истолкование любви Ф. М. Достоевским

воспроизведено крупнейшим русским философом первой половины XX в. Н. А. Бердяевым, для которого трактование феномена любви стало центральной темой исследований. В философском эссе «Любовь у Достоевского» Н. А. Бердяев утверждает, что все творчество Ф. М. Достоевского насыщено жгучей и страстной любовью. Любовь у него – вулканическое извержение, динамитные взрывы страстной природы человека, неувядающий огонь, который затем превращается в ледяной холод. Иногда любящий представляется нам потухшим вулканом. Любовь не самоценна, не имеет своего образа, она есть лишь раскрытие трагического пути человека, испытание человеческой свободы [13].

Для сохранения свободы личности необходимо смирение перед тем, что выше твоего Я. Истинная любовь связана с бессмертием, утверждением вечной жизни. Это центральная для творчества Ф. М. Достоевского мысль. Истинная любовь связана с личностью, а личность – с бессмертием. Данное утверждение верно и для эротической любви, и для всякой иной любви человека к человеку [13].

Любовь так же многообразна и многогранна, как сама жизнь. Есть любовь человека к себе (самолюбие, себялюбие), любовь мужчины к женщине (женщины к мужчине), материнская (отцовская) любовь, любовь-милосердие, любовь к родному городу (деревне), к своей профессии, к театру, к музыке, к спорту, к своему Отечеству и т. д. В настоящей любви всегда спаяны воедино и чувства, и страсть, и разум, и воля, и влечение сердца. Она всегда прекрасна по-своему, без нее нет и не может быть жизни. Ф. М. Достоевский не раз говорил: «Любовь столь всеильна, что перерождает нас самих».

Любовь в разных жизненных ситуациях чаще всего оказывается позитивно взаимосвязанной с красотой. Любящий человек считает любимую женщину (девушку) красивой, даже если другие люди с такой оценкой не солидарны. Ф. М. Достоевский отмечал, что потребность красоты и творчества, воплощающего ее, неразлучны с человеком, без нее человек, может быть, не захотел бы и жить на свете. Красота в понимании великого писателя предстает в изумительной многогранности. Писатель подчеркивал: «В русском человеке (большей частью) из простонародья нужно отвлекать красоту от наносного варварства» [10, с. 79]. Он считал, что представления о красоте с течением времени изменяются, поэтому «остался незыблемым (в красоте) лишь костюм Бельведерского Аполлона и Венеры Милосской» [10, с. 87]. По его непреклонному убеждению, люди в своих поступках и действиях должны руководствоваться «нравственным признанием высшей красоты, служащей идеалом для всех... во имя которой все бы обнялись и пустились действовать, достигая ее (красоту)» [10, с. 159]. Только в такой ситуации, считал он, возникает возмож-

ность победить зло красотой любви и управлением собой [10, с. 165]. А путеводной звездой на этом пути выступает органическое соединение чистой любви с верой в красоту народа [10, с. 145]. Очищение от зла происходит тогда, когда чувства, стремления и действия человека соприкасаются «с красотой высшей, красотой идеала» [10, с. 198].

В романе «Идиот» писатель воплощает идею «...изобразить вполне прекрасного человека. Труднее этого... быть ничего не может» [14, с. 379]. Эта идея, убежден он, «сосредоточивает читателя на сопротивление состоянию упадка, отсутствие красоты удешевляет потребность в ней человечества, господство безобразия в конце концов рождает жажду переустройства мира на новых началах, дающих ему новый же, более достойный человека образ» [14, с. 386]. Говоря о главном герое романа, Ф. М. Достоевский восклицает: «Неужели фантастический мой “Идиот” не есть действительность, да еще самая обыкновенная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры... Я не за роман, а я за идею мою стою» [14, с. 398].

Разумеется, в романах великого прозаика униженные и оскорбленные герои проходят через страдания и мучения потому, что живут в обществе, где господствуют погоня за деньгами, озлобленность, враждебность, сладострастие, вседозволенность, нравственные нормы попираются холодным и бездушным расчетом, низменными страстями.

Наиболее концентрированное художественно-философское воплощение носителей именно таких античеловеческих стремлений и действий представлено писателем в романе-предупреждении «Бесы». Один из главных действующих персонажей романа Петр Верховенский предстает как мрачная, казуитски изворотливая, лживая, человеконенавистническая фигура. Созданная им тайная политическая организация ставит своей целью захватить верховную власть и покорить Россию. Для ее достижения выдвигается задача разделить человечество на две неравные части. Та из них, которая захватывает власть и составляет одну десятую населения, получает безграничное право господствовать над остальными, которые должны утратить волю, потерять личность и обратиться в безгранично повинующееся стадо. «Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. <...> Все рабы и в работе равны. В крайних случаях клевета и убийство... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов» [15, с. 322]. Верховенский уверяет: «Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ... <...> Мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат, мы всякого гения потушим в младенчестве. <...> Но нужна и судорога, об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители» [15, с. 322]. Для него «преступление не помешательство... <...> Мы провозгласим разрушение... <...>

Мы пустим пожары... <...> Раскачка такая пойдет, какой мир еще не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам. <...> Нам ведь только на раз рычаг, чтобы землю поднять» [15, с. 325]. Все эти злодейские мерзости должны были совершаться для систематического потрясения основ, разложения общества и всех начал. В результате этого расшатывания общество должно было стать болезненным, раскисшим, циничным и неверующим [15].

И все-таки Верховенский выступает не главной фигурой в античеловеческих злодеяниях. За ним маячит другой персонаж – Николай Ставрогин, внешне красивый и умный, руководствующийся принципом «чем хуже, тем лучше». Он подлинный вдохновитель всех форм и проявлений бесовщины, глумящийся над людьми, самодовольный, самовлюбленный злобный извратитель и истязатель человеческих тел и душ, готовый во имя своей все-разрушительной идеи, прикрываемой маской революционности, пожертвовать всем миром. Злоба его, по словам Ф. М. Достоевского, «была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, *разумная*, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть» [15, с. 65]. Эту злобу чаще всего прикрывала улыбка высокомерного торжества и недоверчивого изумления, сопряженная с великой ненавистью. Не зря многие люди в романе говорили, «что Ставрогину надо было жену [предавшую его анафеме] сжечь, для того и город сгорел» [15, с. 404]. В своем предсмертном письме Ставрогин писал: «Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести себя с земли как подлое насекомое, но я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие, я знаю, что будет еще обман – последний обман в бесконечном ряду обманов» [15, с. 514]. Бесповоротное крушение нравственности и гражданственности заканчивается самоубийством главного героя романа «Бесы».

В образе Ставрогина предстает извращенный злодей и носитель высокой трагедии, который за свою безнравственность и человеконенавистничество расплачивается неизбывными страданиями, приведшими в конце концов к самоуничтожению. Раскрывая бесперспективность бесовского нигилистического всеразрушительства, Ф. М. Достоевский противопоставляет ему невидимый и как бы неслышимый в романе народ, коренящуюся в умах и сердцах людей правду как источник и двигатель истинного обновления общества.

В романе «Подросток» Ф. М. Достоевский предстает как великий и уникальный парадоксалист. Как только главный герой произведения Аркадий Долгорукий появляется на страницах романа, сразу же начинаются парадоксы. «Я, – говорит он, – законнорожденный, хотя я в высшей степени незаконный сын» [16, с. 6]. Он замечал, что в разговоре с другими людьми часто попадает в парадоксальную ситуацию: «Я начну развивать мысль, в которую верую,

и почти всегда так выходит, что в конце изложения я сам перестаю верить в излагаемое» [16, с. 179]. В своих поступках он отклоняется от общечеловеческих норм поведения, при этом является жертвой своей двойственности. У этого молодого человека во всем проявляются начавшийся моральный и психический распад личности, жажда наживы и разврат. Во всех его мыслях и поступках присутствует фантастически парадоксальное намерение стать необычайно богатым, им владеет идея превратиться в новоявленного Ротшильда [16, с. 66].

Широко известный немецкий Достоевевед Х.-Ю. Герригк вполне объективно утверждает, что в романе «Подросток» представлен тип амбициозной личности, не имеющей власти, испытывающей постоянные колебания между жгучей гордостью и глубочайшим презрением к себе, добродетелью и пороком, нравственным самосознанием и отчаянным преступным деянием. Позиция главного героя – это участие в развращении мира. В конце романа он сидит один в тесной комнатке и через щелку смотрит на мир [16, с. 443]. Так писатель демонстрирует нежизнеспособность безнравственных принципов, лежащих в основе сюжета [17].

Ф. М. Достоевский, до глубины души потрясенный смертью своей трехмесячной дочери, а вслед за этим и сына, умершего в младенческом возрасте, с большим благоговением относился к детям. Великий писатель утверждал, что через детей лечится душа. По его убеждению, нет «...без детей ни брака, ни семейства, ни жизни. Благородного подвига жаждут... дети и неспособного на благородный подвиг дадут сделать благороднее. Дети благородят» [10, с. 314]. Он очень резко осуждал жестокое, подчас зверское, отношение матерей и отцов к детям. Противопоставляя этому глубоко прочувствованную, возвышающую и воспитательную заботу о ребенке, он отмечал, что пяти- или шестилетний ребенок знает иногда о Боге или добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданный глубины, что просто удивляет. Чтобы такие дети физически и нравственно развивались, необходимо, чтобы родители любили их, дали им образование, сделали их гражданами, обеспечили достойное воспитание.

В публикуемой версии романа «Братья Карамазовы» в последней сцене описаны похороны трагически умершего мальчика Илюшеньки, вокруг гробика которого столпились некогда враждовавшие между собой его школьные товарищи, объединенные увещеваниями правдолюбца и носителя христианских ценностей Алеши Карамазова. Обращаясь к школьным друзьям Илюшеньки, Алексей говорит: «Знай же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое

прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь» [4, с. 195]. Продолжая разговаривать с детьми, Алеша восклицает: «Ну пойдемте же! Вот мы теперь и идем рука в руку» [4, с. 197]. «И вечно так, всю жизнь рука в руку!» [4, с. 197].

В этом знаменитом призыве фактически сформулирован завет Ф. М. Достоевского не только детям своих современников, но и детям последующих поколений, которые воплощают не только наше будущее, но и людей, на которых возлагается миссия движения человечества к лучшей жизни.

Великий ясновидец духа Ф. М. Достоевский, всматриваясь в будущее, подчеркивал, что в великой душе должны быть и великие предчувствия [10]. Если способность пророчества действительно есть в человеке и заключается в самой его природе, размышляет писатель, было бы полезно очистить этот факт от мистической примеси. В этом рассуждении весьма заметно стремление снять со всевозможных предвидений, пророчеств и предощущений их мистический покров, неизбежно набрасываемый на них склонными к предрассудкам людьми. Но, возлагая на себя такую трудноосуществимую миссию, Ф. М. Достоевский, тем не менее, был твердо убежден, что в человеке чрезвычайно развито верование если не в пророчество, то, например, в способность предчувствия.

Эта убежденность в том, что человек способен предощущать, многократно усиленная непревзойденным умением писателя проникать в глубинные пласты человеческой психики, видеть безумную обнаженность хорошего и дурного в поступках и страстях героев своих произведений, дала ему редкостную возможность в совершенной художественной форме высказать подлинно провидческие идеи. Достаточно вспомнить, с какой силой предчувствия он увидел в группе Ставрогина и Верховенского из романа «Бесы» всю порочность бесовства, претендующего на вседозволенность во имя неограниченного властвования над тысячами и миллионами людей. Именно угроза осуществления принципа вседозволенности не в деяниях одиночки-индивидуалиста, а в обществе, где идеалы равенства и справедливости насаждаются насилием над миллионами людей, побудила Ф. М. Достоевского написать роман-предупреждение «Бесы». И для понимания провидческой мощи этого предупреждения важна не фабула романа, не отслеживание его сюжетных линий, а обобщенные до уровня типизации видения системы машинного господства над человеком с непререкаемой диктатурой центра, системы единомыслящих с тотальным политическим контролем, при котором взаимная слежка и доноительство становятся способом выживания.

Отвергая с негодованием любые проявления бесовства, Ф. М. Достоевский убеждал своих читателей: «Лучше верить тому, что счастье нельзя купить злодейством, чем чувствовать себя счастливым, зная, что допущилось злодейство. <...> Что правда для человека как пища, то пусть останется правдой и для всей нации. <...> Надо чтоб и юноша-энтузиаст возлюбил свою нацию, а не шел бы искать правды идеала на стороне и вне общества» [11, с. 49]. Размышления эти выкристаллизовались полтора века назад, но звучат ныне так, как будто сформулированы в наши дни. Причем пророчество в истолковании писателя может иметь как положительную, так и отрицательную направленность. В годы его жизни в России велось немало разговоров и споров, в основном в интеллигентных кругах, о грядущей в стране революции. Он сам, хотя и участвовал в движении петрашевцев, за что был послан на каторгу и разжалован из поручиков в солдаты, относился к идее революции резко отрицательно.

Высказанные им предположения о грядущей революции в России представляют особый интерес. Бунт, считал он, «...начинается с атеизма и грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы, в стойла. Зальют мир кровью, а потом сами испугаются... <...> Предвидится страшная, колоссальная стихийная революция, которая потрясет все царства мира сего. Но для этого понадобится множество голов. Весь мир будет залит реками крови» [18, с. 147].

Изобразив эту картину как мрачное исчадие ада, Ф. М. Достоевский обреченно предрекает: «хотя коммунизм, наверное, будет и восторжествует, но мигом провалится» [10, с. 111]. Такая революция, считал он, непременно вызовет самый кровавый, ненавистный и пагубный вид войны. «Это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия» [19, с. 123].

В этих размышлениях и яростной антикоммунистической полемичности писателя отчетливо проявляется его отношение к революции как к разрушительному, богопротивному грандиозному разгулу отвергаемого им бесовства, в котором массы людей сталкиваются со злом во всех его возможных проявлениях. В большинстве приведенных суждений о революции гениальный писатель оказался неважным политическим провидцем.

Ф. М. Достоевский не был бы гением, если бы в жизни и творчестве не был парадоксалистом (как он сам говорил). И когда мы сопоставляем выпущенные им ядовитые критические стрелы в адрес революции и коммунизма с его же суждениями о лучшем будущем человека и человечества, то вторая позиция оказывается не только предпочтительной, но и гораздо более многогранной и доказательной. Он был убежден, что Россия не может изменить

великой идее, завещанной ей веками и которой она следовала неустанно. Идея всеединения славян заключается во вселужении человечеству, в том, чтобы сказать и свое слово в цивилизации [20, с. 45, 47].

В простом русском человеке, считал Ф. М. Достоевский, нужно уметь отвлекать его красоту «от наносного варварства» [10, с. 79]. Отметив непреходимую наносную грязь, в которую погружен народ, писатель надеялся, что истинный друг человечества сумеет отыскать в этой грязи варварства бриллианты и станет судить русский народ по тем великим и святым вещам, по которым он постоянно воздыхает. «Судите наш народ не по тому, чем он есть, а потому, чем желал бы быть стать» [19, с. 342]. А идеалы его сильны и святы, они и спасли его в века мучений, срослись с его душой и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом.

Гениальный писатель свято верил в великое будущее России и ее народа. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно. Ее назначение столь высоко и ее внутренние предчувствия этого назначения столь ясны, что тот, кто верит в это назначение, должен стоять выше всех сомнений и опасений [1].

Преклоняясь перед своим народом в глубоком уважении и любви к нему, Ф. М. Достоевский подчеркивал, что народ ищет правды и воспринимает не столько глубиной мысли, сколько глубиной души своей. Он верит, что спасется лишь в конце концов всесветлым единением во имя Христово [21].

Говоря о том, какую идею должна нести художественная литература народу, Ф. М. Достоевский отмечал, что литература – знамя чести, она должна основываться «на потребности нравственного обновления человечества сообразно с ростом и развитием человеческого, гражданского и политического» [10, с. 223–224]. В этом размышлении угадывается человек необычайной духовной силы, неизмеримой глубины, провозвестник великой нравственности и гражданственности, пламенно чтивший свой народ и его духовную красоту. Поэтому, был убежден писатель-провидец, «от народа спасение душ» [5, с. 285].

Вглядываясь своим провидческим взором в будущее, Ф. М. Достоевский выразил свою мысль словами одного из немногих положительных героев романа «Бесы» Шатова: «Будет новый человек, счастливый и гордый» [15, с. 93]. Для достижения этой благородной цели необходимо сохранить народную нравственность, культуру, идеалы. Для этого лучшие люди должны объединиться для достижения созидательного идеала. Этот идеал, по мнению гениального писателя, заключен в том, чтобы «при полном реализме найти в человеке человека и озарить все действия людей светом истинной человечности, к признанию духа народного» [22, с. 134].

Ф. М. Достоевский был убежден в том, что в будущем самая высшая свобода и высочайшее проявление воли осуществляются в том, что все люди «станут братьями, и не из одной только экономической пользы, а от полноты радостной жизни, от полноты любви» [11, с. 63]. Но чтобы достичь такого уровня взаимодействия людей, надлежит осмыслить и прочувствовать, что «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека» [11, с. 47]. Для этого необходимы воспитание и неутолимый труд, чтобы «в неустанной дисциплине и непрерывной работе самому над собой и мог бы проявиться наш гражданин». Именно под таким углом зрения Ф. М. Достоевский оценивал сущность и роль свободы в жизни людей. «Настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей, так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином» [11, с. 334].

Высочайшее развитие человеческой личности, по мнению великого писателя, «...должно дойти до того... чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон Я сливается с законом гуманизма... <...> Вся история как человечества, так отчасти каждого отдельно... есть стремление и достижение этой цели» [23, с. 172]. Предназначение человека он видел в служении правде, добру и красоте. А осуществление христианской идеи спасения считал возможным лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей.

В этих наполненных глубочайшим смыслом суждениях воплощен символ веры великого русского и всемирного писателя, проникающего своим провидческим взором сквозь тугую пелену изменяющихся времен и человеческого бытия, над которым все еще довлеет угроза всеистребительной войны, и страстно верившего в счастливое будущее человека.

Лучшее будущее наступит тогда, утверждал Ф. М. Достоевский, когда люди на основе реализации главной христианской заповеди возлюбите ближнего как самого себя смогут объединиться в единое гармоничное целое, которое он обозначает термином «рай Христов». Это объединение, как верно подмечают И. И. Евлампиев и В. Н. Смирнов, писатель видит не только в моральном, но и в онтологическом смысле, предполагая, что воцарение всеобщей любви вызовет в человечестве радикальную трансформацию, приведет к образованию единого духовно-телесного организма. Тогда-то и должна наступить новая бессмертная жизнь, не похожая на прежнюю. Он утверждает, что синтез личностей

в форме единого человечества должен захватить и материальную вселенную, человечество должно стать центром некоего органического синтеза мироздания. Определение Ф. М. Достоевским характера будущей жизни, бессмертного бытия человека предполагает синтез со всем, т. е. слияние не только с другими личностями, но и в целом с бытием [24].

Провозглашая важнейшей задачей утверждение «христианского синтеза», Ф. М. Достоевский категорически отвергал «философское опровержение бытия божия», которым богохульник отрицает «создание божие, мир божий и смысл его» [25, с. 66]. Полемиически страстно выступая против подобных

атеистических воззрений, он был убежден, что «Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца» [15, с. 198]. «Непосредственное соединение с народом есть средство к спасению единства» [23, с. 169].

Лейтмотивом этого символа веры являются идущие из глубины сердца великого писателя слова о том, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа. Истинным кодом данного символа веры является воплощение человечности, сострадания, деятельной доброты людей, стремящихся к достижению взаимопонимания и единения.

Библиографические ссылки

1. Достоевский ФМ. *Письма. 1832–1859*. Ленинград: Наука; 1985. 572 с. (Полное собрание сочинений; том 28, Книга 1).
2. Манн Т. Достоевский – но в меру. В: Манн Т. *Собрание сочинений. Том 10*. Москва: Художественная литература; 1961. с. 327–345.
3. Бердяев НА. Откровения о человеке в творчестве Достоевского. В: Борисов ВМ, Рогинский АБ, составители. *О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг.* Москва: Книга; 1990. с. 215–233.
4. Достоевский ФМ. *Братья Карамазовы. Книги XI–XII. Рукописные редакции*. Москва: Наука; 1976. 624 с. (Полное собрание сочинений; том 15).
5. Достоевский ФМ. *Братья Карамазовы. Книги I–X*. Москва: Наука; 1976. 511 с. (Полное собрание сочинений; том 14).
6. Гачева АГ. Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. В: Касаткина ТА, редактор. *Достоевский и XX век. Том 1*. Москва: ИМЛИ РАН; 2007. с. 18–96.
7. Маслин МА. Достоевский Ф. М. В: Стёпин ВС, Гусейнов АА, Семигин ГЮ, Огурцов АП, редакторы. *Новая философская энциклопедия. Том 1*. Москва: Мысль; 2000. с. 693–694.
8. Эйнштейн А. *Собрание научных трудов. Том 4*. Москва: Наука; 1967. 600 с.
9. Достоевский ФМ. *Дневник писателя. 1877 (сентябрь–декабрь) – 1880 (август)*. Москва: Наука; 1984. 518 с. (Полное собрание сочинений; том 26).
10. Достоевский ФМ. *Дневник писателя за 1876 год (ноябрь–декабрь)*. Ленинград: Наука; 1982. 518 с. (Полное собрание сочинений; том 24).
11. Достоевский ФМ. *Дневник писателя за 1877 год (январь–август)*. Ленинград: Наука; 1983. 470 с. (Полное собрание сочинений; том 25).
12. Достоевский ФМ. *Преступление и наказание*. Ленинград: Наука; 1973. 423 с. (Полное собрание сочинений; том 6).
13. Бердяев Н. Любовь у Достоевского. В: Шестаков ВП, составитель. *Русский эрос, или Философия любви в России*. Москва: Прогресс; 1991. с. 273–283.
14. Селезнев ЮИ. *Достоевский*. Москва: Молодая гвардия; 1981. 543 с. (Жизнь замечательных людей).
15. Достоевский ФМ. *Бесы*. Ленинград: Наука; 1974. 519 с. (Полное собрание сочинений; том 10).
16. Достоевский ФМ. *Подросток*. Ленинград: Наука; 1975. 456 с. (Полное собрание сочинений; том 13).
17. Геригк Х-Ю. О «Подростке» Достоевского. *Достоевский и мировая культура*. 2012;28:11–28.
18. Дикий А. *Русско-еврейский диалог*. Москва: Витязь; 1995. 150 с.
19. Достоевский ФМ. *Дневник писателя за 1876 год (январь–апрель)*. Ленинград: Наука; 1981. 407 с. (Полное собрание сочинений; том 22).
20. Достоевский ФМ. *Дневник писателя за 1876 год (май–октябрь)*. Ленинград: Наука; 1981. 423 с. (Полное собрание сочинений; том 23).
21. Достоевский ФМ. *Дневник писателя, 1881. Автобиографическое. Dubia*. Ленинград: Наука; 1984. 463 с. (Полное собрание сочинений; том 27).
22. Достоевский ФМ. *Дневник писателя, 1873. Статьи и заметки, 1873–1878*. Ленинград: Наука; 1980. 551 с. (Полное собрание сочинений; том 21).
23. Достоевский ФМ. *Статьи и заметки, 1862–1865*. Ленинград: Наука; 1980. 432 с. (Полное собрание сочинений; том 20).
24. Евлампиев ИИ, Смирнов ВН. «Синтетический» образ Иисуса Христа в творчестве Ф. М. Достоевского и его истоки в немецкой романтической натурфилософии. *Философские науки*. 2020;63:90–106.
25. Достоевский ФМ. *Письма, 1878–1881*. Ленинград: Наука; 1988. 455 с. (Полное собрание сочинений; том 30, книга 1).

References

1. Dostoevsky FM. *Pis'ma. 1832–1859* [Letters. 1832–1859]. Leningrad: Nauka; 1985. 572 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 28, book 1). Russian.
2. Mann T. [Dostoevsky – but in moderation]. In: Mann T. *Sobranie sochinenii. Tom 10* [Collected works. Volume 10]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1961. p. 327–345. Russian.

3. Berdyaev NA. [Revelations about man in the work of Dostoevsky]. In: Borisov VM, Roginskii AB, compilers. *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881–1931 gg.* [About Dostoevsky. Dostoevsky's creative work in Russian thought 1881–1931]. Moscow: Kniga; 1990. p. 215–233. Russian.
4. Dostoevsky FM. *Brat'ya Karamazovy. Knigi XI–XII. Rukopisnye redaktsii* [The brothers Karamazov. Books XI–XII. Handwritten editions]. Moscow: Nauka; 1976. 624 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 15). Russian.
5. Dostoevsky FM. *Brat'ya Karamazovy. Knigi I–X* [The brothers Karamazov. Books I–X]. Moscow: Nauka; 1976. 511 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 14). Russian.
6. Gacheva AG. [Dostoevsky's creative work and Russian religious and philosophical thought of the late 19th – first third of the 20th century]. In: Kasatkina TA, editor. *Dostoevsky i XX vek. Tom 1* [Dostoevsky and the 20th century. Volume 1]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; 2007. p. 18–96. Russian.
7. Maslin MA. [Dostoevsky F. M.]. In: Stepin VS, Guseinov AA, Semigin GYu, Ogurtsov AP, editors. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 1* [New philosophical encyclopedia. Volume 1]. Moscow: Mysl'; 2000. p. 693–694. Russian.
8. Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov. Tom 4* [Collection of scientific works. Volume 4]. Moscow: Nauka; 1967. 600 p. Russian.
9. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya. 1877 (sentyabr'–dekabr') – 1880 (avgust)* [The writer's diary. 1877 (September–December) – 1880 (August)]. Moscow: Nauka; 1984. 518 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 26). Russian.
10. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya za 1876 god (noyabr'–dekabr')* [The writer's diary for 1876 (November–December)]. Leningrad: Nauka; 1982. 518 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 24). Russian.
11. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya za 1877 god (yanvar'–avgust)* [The writer's diary for 1877 (January–August)]. Leningrad: Nauka; 1983. 470 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 25). Russian.
12. Dostoevsky FM. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]. Leningrad: Nauka; 1973. 423 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 6). Russian.
13. Berdyaev NA. [Love in Dostoevsky]. In: Shestakov VP, compiler. *Russkii eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian eros, or Philosophy of love in Russia]. Moscow: Progress; 1991. p. 273–283. Russian.
14. Seleznev Yul. *Dostoevsky* [Dostoevsky]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1981. 543 p. Russian. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei).
15. Dostoevsky FM. *Besy* [Demons]. Leningrad: Nauka; 1974. 519 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 10). Russian.
16. Dostoevsky FM. *Podrostok* [Teenager]. Leningrad: Nauka; 1975. 456 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 13). Russian.
17. Gerigk H-Yu. [About Dostoevsky's «Teenager»]. *Dostoevsky i mirovaya kul'tura*. 2012;28:11–28. Russian.
18. Dikii A. *Russko-evreiskii dialog* [Russian-Jewish dialogue]. Moscow: Vityaz'; 1995. 150 p. Russian.
19. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya za 1876 god (yanvar'–aprel')* [The writer's diary for 1876 (January–April)]. Leningrad: Nauka; 1981. 407 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 22). Russian.
20. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya za 1876 god (mai–oktyabr')* [Dnevnik pisatelya za 1876 god (mai–oktyabr')]. Leningrad: Nauka; 1981. 423 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 23). Russian.
21. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya, 1881. Avtobiograficheskoe. Dubia* [The writer's diary, 1881. Autobiographical. Dubia]. Leningrad: Nauka; 1984. 463 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 27). Russian.
22. Dostoevsky FM. *Dnevnik pisatelya, 1873. Stat'i i zametki, 1873–1878* [The writer's diary, 1873. Articles and notes, 1873–1878]. Leningrad: Nauka; 1980. 551 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 21). Russian.
23. Dostoevsky FM. *Stat'i i zametki, 1862–1865* [Articles and notes, 1862–1865]. Leningrad: Nauka; 1980. 432 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 20). Russian.
24. Evlampiev II, Smirnov VN. The «Synthetic» Image of Jesus Christ in F. M. Dostoevsky's works and its origins in German Romantic natural philosophy. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2020;63:90–106. Russian.
25. Dostoevsky FM. *Pis'ma, 1878–1881* [Letters, 1878–1881]. Leningrad: Nauka; 1988. 455 p. (Polnoe sobranie sochinenii; volume 30, book 1). Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.08.2021.
Received by editorial board 26.08.2021.

КОМУ И ПОЧЕМУ ЦЕНЕН Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ?

И. А. ЧАРОТА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется творчество Ф. М. Достоевского в связи с 200-летием со дня его рождения. Выясняется, кому и почему ценен великий писатель и мыслитель, как воспринимается его творчество в Сербии. Определяются факторы, способствующие и препятствующие постижению феномена Ф. М. Достоевского. Отмечается, что истинное почитание писателя может быть проявлено лишь тогда, когда каждый приступит к чтению хотя бы одного из его произведений, ощутит на себе «поле притяжения и отталкивания», которое далеко не всегда соотносится с проблемным полем научного достоевсковедения. Констатируется, что у молодого поколения изначально не вырабатывается желание приобщаться к литературной классике, если вся система базового образования как будто подчинена задаче отбить всякое стремление читать, а тем более чувствовать и размышлять. Интерес же к роману «Преступление и наказание» практически невозможно пробудить на основании стереотипных комментариев с пересказом сюжета, отдельные элементы которого попадают в тесты по лишенному притягательности учебному предмету. Ведь сюжет вполне передается полустраничной версией романа, которую заготавливают предприимчивые интерпретаторы именно для прохождения теста как оптимальной формы аттестации. При этом на удивление широко и в то же время бездумно используются суждения зарубежных писателей с соответствующим имиджем. Отмечается, что со временем становится все более очевидным то, что мало кто из писателей-современников может сравниться с Ф. М. Достоевским как по глубине и полноте представлений о реальной жизни русского человека, особенно по охвату ее сфер, так и по пронизательности анализа всего происходившего и неизбежно из этого вытекавшего. На протяжении полутора веков он остается беспримерным носителем совести человечества, своеобразным сейсмографом грядущих потрясений. Автор обращает внимание на то, что в Сербии доминирует трепетное восприятие творчества Ф. М. Достоевского, которое сформировалось под влиянием представителей русской религиозной эмиграции, впечатляют активность и продуктивность сербского научного достоевсковедения. Подчеркивается, что писатель является носителем особого патриотизма, проявляющегося не в поверхностной патетичности, которая служит обычно либо самовосхвалению, либо самоуспокоению, а в аналитичной и конструктивной критичности, которая предполагает прежде всего самокритичность как неперемнную составляющую здравого национального самосознания.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; достоевсковедение; изучение творчества писателя в школе; имиджевые западные писатели; Сербия.

TO WHOM AND WHY F. M. DOSTOEVSKY IS PRECIOUS?

I. A. CHAROTA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the analysis of F. M. Dostoevsky's work regarding his 200th anniversary. The author aims to reveal to whom and why the great writer and thinker is precious, and how his work is perceived in Serbia. He tries to evaluate what contributes to and what hinders the comprehension of the F. M. Dostoevsky phenomenon. The author notes that veneration

Образец цитирования:

Чарота ИА. Кому и почему ценен Ф. М. Достоевский? Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021;3:24–30.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-24-30>

For citation:

Charota AI. To whom and why F. M. Dostoevsky is precious? Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2021;3:24–30. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-24-30>

Автор:

Иван Алексеевич Чарота – академик Сербской академии наук и искусств, доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета.

Author:

Ivan A. Charota, academician of the Serbian Academy of Sciences and Arts, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theoretical and Slavic literary criticism, faculty of philology.
ivancharota@mail.ru

for such a writer can be fully expressed when everyone who has mastered literacy starts reading at least one of his works and feels the field of attraction and repulsion, which does not always correlate with the problem field of scientific F. M. Dostoevsky studies. Unfortunately, the author states that the youth do not initially develop an elementary desire to necessarily be included in the literary classics in such conditions when the entire system of basic education seems to be subordinated to the task of discouraging any desire to read on their own, and even more so to feel and reflect. Interest in «Crime and punishment» is almost impossible to arouse basing on stereotypical comments with a retelling of the plot, some elements of which are included in the tests for the subject devoid of attractiveness. And the plot, moreover, is fully conveyed by the half-page versions of the novel, which are prepared by enterprising interpreters precisely for passing the test as the optimal form of attestation. At the same time, the judgments of foreign writers are used surprisingly widely, and at the same time thoughtlessly – the main thing is that they have an appropriate image. Over time, it becomes more and more obvious that few contemporary writers can compare to F. M. Dostoevsky both in the depth and completeness of ideas about the real life of a Russian person, especially in the scope of its spheres, and in the insight of the analysis of everything that happened and which inevitably followed from what was happening. For a century and a half, F. M. Dostoevsky has remained an unparalleled bearer of the conscience of mankind, a kind of seismograph of the coming upheavals. The author states that in Serbia, the reverent perception of F. M. Dostoevsky, which was formed under the influence of the Russian religious emigration, dominates. A separate topic is also the impressive activity and productivity of the Serbian scientific F. M. Dostoevsky studies. Finally, if all this we project onto the Belarusians, then it would be appropriate to say that F. M. Dostoevsky is the bearer of special patriotism manifested not in superficial pathos, which usually serves either self-praise or complacency, but in soberly analytical and constructive criticism, which presupposes, first of all, self-criticism, as an indispensable component of sound national self-awareness.

Keywords: F. M. Dostoevsky; Dostoevsky studies; studying of writer's works at school; image Western writers; Serbia.

Когда наступает юбилей высокочтимого человека, то намерившиеся максимально уважить юбиляра задумываются над тем, чего бы он сам более всего желал. Вот и нам в связи с 200-летием со дня рождения Федора Михайловича Достоевского, пожалуй, не следует забывать об этом. Ведь истинное почитание такого великого писателя может быть проявлено лишь тогда, когда каждый приступит к чтению хотя бы одного из его произведений, а те, кто уже читал, начнут перечитывать. Таким образом будут создаваться предпосылки для адекватного восприятия творчества, ведь каждый ощутит (понятно, в разной степени) потребность в более основательном индивидуальном представлении о значимости этого, безусловно, великого для всего мира писателя и мыслителя. Желательно, чтобы считающие нужным высказать свое мнение непременно учитывали, насколько они этого достойны, хотя бы потому, что данное слово имеет явную и неслучайную созвучность с фамилией юбиляра. Это, естественно, касается и автора статьи, который считает весьма скромными как свои достоинства в целом, так и способность сказать о Ф. М. Достоевском нечто особо существенное, а тем более аналогичное и даже близкое сказанному им об А. С. Пушкине. Между тем всегда всему находят оправдания, в ряду которых значимым для каждого, кто пытается постичь написанное Ф. М. Достоевским, является внутренняя потребность высказать свое отношение к сформировавшемуся вокруг писателя специфическому «полю притяжения и отталкивания», которое далеко не всегда соотносится с проблемным полем научного достоевсковедения. Второе – давно и основательно «вспахивается» и «перепаживается». Поэтому прежде всего хотелось бы со своей точки зрения оценить, что способствует, а что препят-

ствует постижению феномена Ф. М. Достоевского. Суждений такого плана встречается немало, но при этом диапазон их удивительно широк. Значит, есть право на подобное и у меня, хотя бы потому, что к наследию Ф. М. Достоевского я приобщаюсь всю жизнь не только как читатель, но и как преподаватель литературы и литературной критики, литературовед и публицист.

Не забылось, как изучали в школе роман «Преступление и наказание», подававшийся в вульгарно-социологических рамках, за которые не могла выйти даже учительница. Поэтому впоследствии, когда я сам стал школьным и университетским преподавателем русской литературы, стремился найти средства для пробуждения интереса к этому произведению из учебной программы. Должен признаться, что результатами доволен не был никогда. Причем таковых со временем, увы, становится все меньше вне зависимости от стараний и ухищрений лектора. Даже нынешним студентам-филологам, не говоря уже о школьниках, крайне трудно объяснить, что значимость Ф. М. Достоевского не ограничивается содержанием, которое с шаблонными комментариями излагается в типовых учебниках и пособиях. Но что поделать, если у молодежи изначально не вырабатывается желание приобщиться к литературной классике, если вся система базового образования как будто подчинена задаче отбить всякое стремление читать, а тем более чувствовать и размышлять. Интерес же к роману «Преступление и наказание» практически невозможно пробудить на основании стереотипных комментариев с пересказом сюжета, отдельные элементы которого попадают в тесты по лишенному притягательности учебному предмету. Сюжет к тому же вполне передается полустраничной версией романа, которую заготавливают

предприимчивые интерпретаторы именно для прохождения теста как оптимальной формы аттестации. Понятна бесполезность многих ностальгических рефлексий. Но все же следует помнить о том, что к прежним поколениям школьников, не говоря уже о студентах-филологах, предъявлялись требования прочитать роман от начала до конца, чтобы постичь его глубокий смысл. Осуществлялось это не обязательно с легкостью. Так, мой добрый друг, всю жизнь посвятивший физике, на старости лет вспоминает, какие серьезные усилия требовались ему, чтобы принудить себя к чтению. И до сих пор сохраняет в душе благодарность той системе образования... Что же касается формирования позиции студентов филологического профиля в наши дни, то нельзя не отметить и такой отрицательный фактор, как мнения авторитетов, привлекаемые, что называется, для пущей важности. На удивление широко и в то же время бездумно используются суждения зарубежных писателей с соответствующим имиджем. Касается это и категоричных мнений тех уважаемых людей, которые пребывают рядом. К примеру, вряд ли юный филолог оставит без внимания то, что услышал от авторитетного профессора-языковеда: «Я не могу Достоевского читать. Он отягощает, давит, вызывает страх и раздражение...». Разумеется, это не дословная цитата, которую мне довелось услышать, но смысл посылы был именно таким. Еще более важными являются так называемые фоновые представления, под влиянием которых нынешнему студенту просто не удастся сохранить доверие идеям самого автора (сколько бы ни объяснял преподаватель, что они однозначны и незыблемы), если их множество раз перетолковывали посредством театральных, кинематографических, телевизионных версий, произведенных как за рубежом, так и в России. Всевозможные интерпретации широко распространяются и закрепляются посредством все прочнее опутывающей и считающейся незаменимой интернет-паутины...

Противоречий, согласимся, много, в том числе и вроде бы безобидных. К таковым относится, скажем, склонность искренних почитателей Ф. М. Достоевского с гордостью подчеркивать, что его читают и хорошо знают на всей планете. Что ж, для этого есть все основания: его сочинения действительно переведены практически на все более-менее распространенные языки мира, причем интерес к ним по сравнению с наследием других писателей не угасает, а даже возрастает. Однако все выглядит несколько иначе, если внимательнее отнестись к вопросу, как его воспринимают иностранцы, прежде всего европейцы, и чем обусловлено это внимание. При взгляде общем, необязательно поверхностном, не без оснований можно прийти к выводу о том, что у сохранивших ум иноземцев интерес вызван желанием постичь русскую душу, ее тайны. Но даже

если не задумываться, чем это желание обусловлено, трудно пройти мимо того обстоятельства, что русского гения в Западной Европе чаще всего представляют при посредстве З. Фрейда, Ф. Ницше и др. Роль каждого из таких посредников-толкователей, конечно, следует рассматривать в отдельности, с обстоятельностью, без поспешных обобщений. Ведь прежде всего ими предопределяется направленность внимания и восприятия в целом. Примерно то же самое можно сказать и о представителях русской эмиграции в западных странах. Весьма показателен в этом плане пример В. В. Набокова, который свои рассуждения о несоизмеримо более выдающемся предшественнике адресует публике, при этом подсознательно готов признать, что сам не в силах освободиться от влияния Ф. М. Достоевского, но тем не менее отгораживается от него с помощью скептических оценок.

Не только в тех случаях, когда нужно уйти от поставленных Ф. М. Достоевским проблем кардинального характера, возникает чрезвычайно деликатная тема связи его творческой эволюции с состоянием здоровья. Не секрет, что великий писатель страдал эпилепсией. Известно также, что от этой болезни так или иначе зависит восприятие окружающего мира и не совсем случайно, пожалуй, ее называют болезнью пророков. Однако это вовсе не означает, что именно в ней лежат причина и основа феноменальности писателя и что только этим недугом было вызвано обостренное восприятие мира, а значит, и внимание к тем или иным проблемам необязательно здоровой природы. Рассуждая же в соответствии с такой логической схемой, мы вынуждены принимать за данность, что эти проблемы, все или по преимуществу, были обусловлены болезненным воображением, а не реальностью. Это предполагает соответствующие выводы. На самом же деле все обстоит иначе. Ведь становится все более очевидным (причем это подтверждается и произошедшими за полтора века изменениями как в массовых реакциях на реальность, так и в самой исторической реальности), что мало кто из писателей-современников может сравниться с Ф. М. Достоевским как по глубине и полноте представлений о реальной жизни русского человека, особенно по охвату ее сфер, так и по проницательности анализа всего, что происходило и неизбежно вытекало из происходившего. Получилось так, что все по-разному оценивали, но замечали именно критический пафос его произведений, и это дало повод впоследствии считать писателя яростным критиком существовавшего строя. Опровергать это нет нужды. Отношению Ф. М. Достоевского к современной ему действительности на самом деле свойственны вполне жесткая критичность и даже некоторая оппозиционность. Однако особенность его гражданской позиции не только и не столько в этом, да и как великий писатель он

проявился в ином. Если пытаться сформулировать, в чем, то при рассмотрении разных свойств этой творческой личности на первый план нужно все же поставить его предельную искренность и беспримерную ответственность в отношении к тому, ради чего рождается писатель. Осознавая свое высокое призвание, он изо всех сил старался использовать дарованный ему талант для выполнения труднейшей миссии нравственного просвещения, а в какой-то мере и будительства. Именно благодаря этому Ф. М. Достоевский на протяжении полутора веков остается (к чему, правда, одни относятся с пониманием и благоговением, а другие – с подозрением и даже ненавистью) беспримерным носителем совести человечества. Отсюда берет начало и его призванность служить своеобразным сейсмографом грядущих потрясений. Он был не только должен, но и способен видеть то, что обычным людям закрыто, ему оказалось доступным предчувствовать то, что другим не дано. Он смог отразить важнейшие коллизии не только своей эпохи, но и того, что от нее передавалось новым поколениям. Его взгляд – с непременным учетом вечности. Сам подверженный страстям, он не дерзал принимать на себя роль судьи (как, например, его выдающийся современник и собрат по перу Л. Н. Толстой). Потому и напоминал: «Все мы виноваты». Ф. М. Достоевскому свойственна твердая, истовая вера в то, что всех ждет Божий Суд.

Кстати, если принять ставший расхожим посыл о том, что великий писатель в основном обращал внимание на безумцев и преступников, т. е. на аномалии, то и в этом случае его творчество не теряет значимости и актуальности. Хотя бы потому, что аномалии в наше время стали подаваться как справедливо изменившиеся нормы.

В любом случае отношение к Ф. М. Достоевскому всегда подпитывается коллективным сознанием той социальной и национальной среды, которая в итоге обеспечивает формирование либо его искренних почитателей, либо равнодушных (недо)читателей, либо ярых ниспровергателей. Беларусь имеет все объективные предпосылки для того, чтобы принадлежать к первой категории. А вот белорусы, кажется, так и не настроились в максимальной полноте осмысливать, для чего Провидение послало миру великого писателя-мыслителя от литвинского (белорусского) колена. Мы удовлетворены (во всяком случае пока) возможностью в нужный момент похвалиться, что на территории Беларуси находится Достоево, в нем организован музей, и потомки писателя об этом знают... Безусловно, осознавать, что Ф. М. Достоевский корнями своего рода связан с Литвой, Беларусью и моим родным Полесьем, приятно. Однако достаточно ли? Ведь в этом случае расширяется затронутая общая проблема, связанная с искренним желанием и готовностью понимать творчество писателя. Особенно

в связи с последними реалиями, когда опорные для мировоззрения вопросы предстают не как отвлеченные, а как поистине животрепещущие. И нам как на духу следовало бы ответить на них. В частности, без оглядки на потребу дня мы должны разобраться, насколько нас касается сакральное для него понятие «русская идея», а также неизменно волновавший его вопрос отношений России и мира, который, кстати, не утратил драматического содержания до сих пор. Опять же, мы должны проявить полную искренность и принципиальную последовательность в патриотизме, понимаемом как незыблемое самоопределение, т. е. как духовный выбор со всей ответственностью за него как перед народом Божиим, так и перед вечным Богом. Каждый из нас оказывается перед необходимостью хотя бы перед самим собой дать ответ, разделяет ли он на самом деле взгляды Ф. М. Достоевского...

Чтобы сказанное нами предстало в сравнении, обратим внимание на то, как воспринималось и воспринимается творчество Ф. М. Достоевского в братской Сербии. Стоит, пожалуй, сразу же оговориться, что для нас данный аспект является в полном смысле слова поразительным.

Всем, кто интересовался, известно, что великий писатель с предельным вниманием и проницательностью относился к так называемому славянскому вопросу, активно реагируя практически на все события, так или иначе к нему относящиеся. В связи с этим, кстати, и отношение к нему у славянских народов разное. Что касается сербов, то они по справедливости должны ценить его братскую честность и мудрость, основывающиеся на исторической справедливости. Потому и переводить его произведения на сербский язык стали с 1860-х гг., и во время трагических событий конца XX в. к нему были обращены взоры [1].

Попытаемся проследить, что конкретно представляет собой восприятие творчества Ф. М. Достоевского сербами. А оно, повторим, в буквальном смысле поразительное. Меня тронул рассказ белградской коллеги, профессора сербистики: «Со студенческих лет у меня трепетный интерес к Достоевскому. Как только стала работать, на первую же зарплату купила собрание его сочинений. И до сих пор читаю с любой страницы, при этом нахожу непременно то, что меня волнует». Конечно, важно уточнить, что слова принадлежат молодой женщине из среды интеллигенции, возможно, экзальтированной, к тому же представительнице поколения, трепетно относящегося к русской литературе. Но это уточнение стало терять значение, когда я прочитал очерк Д. Чосича, самого выдающегося писателя Сербии второй половины XX – начала XXI в., о его друге-крестьянине [2]. В этом тексте вызвало удивление то, что сербский земледелец знаком с творчеством Ф. М. Достоевского не хуже

специалистов, при этом отмечает, что есть много великих писателей, только Ф. М. Достоевский – один. Д. Чосичу не хотелось не верить. А он уточнял, как бы предвидя недоверие: «Не знаю, сколько сербов прочитало собрание сочинений Достоевского, но знаю, что его в своей библиотеке имеет Неша, селянин из Мияйловца, и что он их прочитал, некоторые книги – даже много раз. А помимо книг, написанных Достоевским, прочитал он и то, что о Достоевском думают Бердяев, Мережковский, Шестов, Бахтин, Цвейг, Драган Неделькович, Никола Милошевич, Иустин Попович, Джордж Стайнер, Милосав Бабович»¹ [2, с. 328]. По-своему примечательно также, хотя уже и не столь удивительно, что в находящейся под покровительством Э. Кустурицы этнодеревне Дрвенграде, туристическом объекте у боснийского селения Мечаник, на Доме писателя размещен огромный портрет Ф. М. Достоевского. Такого рода примеров бесчисленное множество. Из эмпирического опыта позволю себе еще один: при посещении книжной выставки в Белграде в 1994 г. я был удивлен, когда увидел транспарант о презентации только что выпущенного в свет, причем церковным издательством, собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 35 томах². Правда, когда на той же выставке через несколько лет презентовалось повторное издание³, уже не удивлялся. Во избежание голословности рассказа об этом случае, решил подсчитать отдельные издания книг писателя за последнее время. Но бросил эту затею, насчитав 20 книг, изданных только за 1980-е гг., и внушительное число новых имен среди переводчиков...

Впечатляют активность и продуктивность сербского научного достоевсковедения. В этой стране актив знатоков наследия русского писателя, помимо четверых, упомянутых Д. Чосичем, включает еще более 40 исследователей. И, что немаловажно, это представители разных поколений (в том числе и молодого), силами которых издаются посвященные Ф. М. Достоевскому сборники, альманахи, специальные номера журналов⁴. Нельзя не отметить, что в последние два десятилетия исследователи сосредоточены прежде всего на религиозно-нравственных аспектах творчества Ф. М. Достоевского. Нелишне подчеркнуть, что в формировании авторитетной школы сербского достоевсковедения активное участие приняли светские ученые, литературные критики и писатели Д. Васич, М. Настасиевич, И. Секулич, Т. Уевич, Д. Максимович, Д. Чосич, С. Винавер, М. Видович, М. Джурич, В. Дворникович, М. Маркович, М. Бабович, В. Вулетиц, М. Ёванович,

Д. Стоянович, С. Пенчич, Н. Милошевич, М. Блечич, П. Драгич, В. Меденица и др., а также богословы преподаватель Иустин (Попович), святитель Николай Жичский (Велимирович), епископ Афанасий (Евтич), митрополит Амфилохий (Радович), профессор В. Еротич, профессор Б. Лубардич, протоиерей Александр (Средоевич), протодиакон Никола Мароевич, диакон Златко Матич.

Не меньше внимания притягивает к себе и тот факт, что в современной сербской литературе появился роман под названием «Преступление и наказание», по содержанию представляющий своеобразную творческую переключку с произведением русского классика [3].

Разве можно после таких (и столько!) импульсов не задать себе вопрос: чем же все это вызвано? В поисках близкого к истине ответа скудный ум ищущего побуждает вспомнить о неизменно драматической истории сербов, их горькой судьбе, о том, что зла и человеческой несправедливости им довелось изведать с лихвой, пожалуй, больше, нежели соседям. При этом все же помнилось и то, что в Косовском завете Сербии, а значит, и в коллективной памяти народа отразилась необходимость при выборе между земным и небесным, преходящим и вечным склониться все же ко второму. Кстати, сербам и сейчас при желании уколоть иронически напоминают, что они захотели называться «народом небесным». Что, конечно же, в известной степени вызывает притяжение к Ф. М. Достоевскому.

Симптоматично, что даже при усердном старании обойти аспект веры в данном случае все равно будешь с ним сталкиваться. Дело в том, что, судя по всему, восприятие творчества Ф. М. Достоевского в Сербии формировалось под влиянием русской религиозной эмиграции, прежде всего митрополита Антония (Храповицкого), который возглавлял Русскую православную церковь за границей (РПЦЗ). Митрополит Антоний является автором труда⁵, который, считаем уместным это отметить, в некотором смысле заложил основы сербского достоевсковедения, хотя первоначально был издан русскими эмигрантами в Болгарии [4]. Известно, что и в сербской среде митрополит неоднократно выступал с публичными докладами соответствующей тематики [5].

Вместе с митрополитом Антонием интерес к Ф. М. Достоевскому стимулировали светские ученые и литераторы из эмигрантской среды, сложившейся в Сербии: Е. В. Аничков, А. К. Елачич, И. Н. Голенищев-Кутузов, П. А. Митропан, Р. В. Плетнев, С. М. Кульбакин, Д. В. Скрынченко, Е. В. Спекторский,

¹Здесь и далее перевод наш. – И. Ч.

²Достоевски Ф. М. Сабрана дела у 35 књ. Ваљево, 1994.

³Достоевски Ф. М. Сабрана дела у 35 књ. Ваљево, 2009.

⁴Руска религијска филозофија и Ф. М. Достоевски. Београд, 1982 ; Мисли Достоевског / саставио Приреднио Драган Лакићевић. Београд, 1997 ; Двери српске. 2001. № 11/12 ; Сабраност. 2006. № 3–4/(XII) ; Светосавље. 2007. № 1.

⁵Митрополит Антоний (Храповицкий). Словарь к творениям Достоевского. Не должно отчаиваться. София, 1921.

Н. Ф. Федоров. Отдельно упомянем, что в этом ряду отнюдь не последняя роль принадлежала этническим белорусам, в частности А. Л. Погдину и А. В. Соловьеву. Вклад в постижение феномена Ф. М. Достоевского внесли также поддерживавшие отношения с Белградом как значительным центром русской эмиграции Н. С. Арсеньев, А. Л. Бем, Н. А. Бердяев, В. В. Вейдле, В. Н. Волошинов, А. Л. Зандер, В. В. Зеньковский, И. И. Лапшин, С. А. Левицкий, Н. О. Лосский, Е. А. Ляцкий, Г. А. Мейер, К. В. Мочульский, Ф. А. Степун, З. Штейнберг. Доходили до Сербии также работы В. С. Соловьёва, В. В. Розанова, С. Л. Франка, И. А. Ильина и других русских интеллектуалов, равнодушных к творчеству великого писателя.

Благодаря усилиям названных деятелей в Сербии формировались условия для того, чтобы творчество Ф. М. Достоевского воспринималось как живой фактор духовно-культурной жизни. И не без их влияния в начале 1930-х гг. было издано 35-томное собрание сочинений писателя на сербском языке⁶. При этом важно, что к переводу и публичному обсуждению этого издания приобщилась практически вся творческая элита страны. Это продолжается до сих пор. Для беспристрастного сравнения вспомним, что в новой России как раз в это время на Первом Всесоюзном съезде советских писателей было высказано мнение: «Я сегодня чувствую, как разгорается съезд, и, я думаю, мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира. Ф. М. Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника» [6, с. 154].

Чтобы дать убедительную иллюстрацию к уже сказанному о феноменальности восприятия творчества Ф. М. Достоевского в Сербии, остановимся на работах сербского мыслителя, который исключительно глубоко осмыслил его значение. Это архимандрит Иустин (Попович), философ и богослов, получивший мировое признание, оставивший чрезвычайно богатое научно-теологическое наследие. Укажем лишь на то, что, когда в 1998 г. начался выпуск собрания его сочинений, он должен был включать в себя 30 томов, однако уже через три года выяснилось, что произведения философа не вмещаются и в 40 томов. Отметим также, что Архиерейским собором Сербской православной церкви архимандрит Иустин причислен к лику святых.

Архимандрит Иустин был лично знаком и с владыкой Антонием, и с другими священнослужителями РПЦЗ, и со многими русскими учеными-гуманитариями, которые пребывали в Сербии как изгнанники. Однако его интерес к творчеству Ф. М. До-

стоевского проявился раньше. Широко известная сейчас работа «Философия и религия Ф. М. Достоевского» написана им в 1918–1919 гг. в Англии. Это докторская диссертация, которую предполагалось защитить в Кембриджском университете, но которая (из-за убеждений, отстаиваемых автором) не была принята к защите. Спустя четыре года она увидела свет в сербском журнале «Христианская жизнь». Позднее, в 1940 г., вышли еще две работы на ту же тему: «Достоевский о Европе и славянстве», «Достоевский как пророк и апостол православного реализма». Я имел честь – как переводчик – представить русским читателям основные труды архимандрита Иустина, посвященные Ф. М. Достоевскому.

Его публикация под заголовком «О рае русской души» совсем скромна по объему, но весьма примечательна как соотносящаяся с темой нашей статьи, хотя и была написана непосредственно о праведном Иоанне Кронштадтском как рае русской души. Сейчас для нас важно другое, а именно то, что в ней утверждается: «Русская душа имеет свой рай и свой ад. Нигде нет более страшного ада и нигде нет более дивного рая, чем в душе русской. Ни один человек не падает так глубоко, до последнего зла, как русский человек; но точно так же ни один человек не достигает таких высот, вершин над вершинами, как русский человек. История свидетельствует: русская душа движется между самым мрачным адом и самым светлым раем. Мне кажется, из всех душ на земле русская душа имеет наиужаснейший ад и наидивнейший рай. В драме русской души участвуют не только все ангелы неба, но и все диаволы ада. Русская душа – самое драматичное поприще, на котором беспощадно борются ангелы и диаволы. За русскую душу ревниво сражаются миры, сражаются вечности, сражаются сам Бог и сам сатана» [7, с. 5–6]. Не менее значимы в связи с этим и следующие слова: «Я знаю Достоевского как пророка, как апостола, как мученика, как поэта, как философа. Многогранность его гения поражает. Всечеловечески широкий и глубокий, он принадлежит всем, но и все принадлежат ему. Он настолько человек, настолько всечеловек, что всем родственен, родственен сербам, родственен болгарам, родственен грекам, родственен немцам, родственен всем людям на всех континентах. В нем есть каждый из нас, и каждый может найти себя в нем. Своей всечеловеческой сочувственностью и любовью он для всех свой» [7, с. 14].

Особого внимания заслуживает труд «Философия и религия Ф. М. Достоевского» [8]. Признаюсь, мне никогда не доводилось читать более глубокого литературоведческого исследования. А чтобы не быть голословным, приведу несколько цитат, в которых излагается и универсальное, и актуальное. «Тысячеокой душой своей Достоевский разглядел

⁶Достојевски Ф. М. Изабрана дела. Београд, 1931–1934. I–XXXV.

трагическую преходящность и бессмысленность любви европейского типа, поэтому по-апостольски решительно и пламенно проповедует любовь богочеловеческую, любовь православную» [8, с. 203]. Очень глубока по смыслу и убедительна оценка архимандритом Иустином того, как великий писатель осуществил «высший синтез»: «Достоевский, самый отчаянный бунтовщик и богоборец, принял мир, достиг наивысшего синтеза жизни. Все возбуждения, все дикие сомнения, все самоубийственно-отчаянные настроения прошли, перешли в некое высшее спокойствие, полное ясноты, гармоничной радости и надежды» [8, с. 247]. «Достоевский – самое высокое и самое глубокое выражение русского национального самосознания» [8, с. 307]. Нельзя пропустить и важное предостережение: «Благодаря всечеловеческой глубине и широте, всечеловеческой многосторонности и чувствительности своего гения Достоевский был камнем преткновения для всех критиков, которые мерили его меркой

человеческой, а не всечеловеческой, которые его мерили рациональной мерой своего жалкого, немогущего и бесконечно малого эвклидовского ума, которые мерили его собой, своим разумом человеческим – мерили его, который был “олицетворенным противоречием здравому разуму человеческого”» [8, с. 309–310].

Если все это проецировать на нас, белорусов, то уместным будет, пожалуй, следующее: архимандрит Иустин пронзительно заметил, выразительно обозначил и убедительно показал, что Ф. М. Достоевский является носителем особого патриотизма, проявляющегося не в поверхностной патетичности, которая служит обычно либо самовосхвалению, либо самоуспокоению, а в аналитичной и конструктивной критичности, которая предполагает прежде всего самокритичность как неприменную составляющую здравого национального самосознания.

Давайте читать и постигать Ф. М. Достоевского! Желательно так, как лучшие сербы.

Библиографические ссылки

1. Достоевский ФМ. *Война на Балканах. Из «Дневника писателя». 1876–1877 гг.* Москва: Сестричество во имя Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы; 1999. 159 с.
2. Ћосић Д. Ненад-Неша Михајловић, виноградар-интелектуалац. У: Ћосић Д. *Пријатељи*. Београд: Politika; 2005. с. 325–330. Саиздавач је «Narodna knjiga».
3. Стојановић Д. *Злочин и казна*. Београд: Стубови културе; 1996. 230 с.
4. Антоний Храповицкий, митрополит. *Словарь к творениям Достоевского*. Москва: Слово; 1998. 192 с.
5. Арсеньев А. *У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду*. Москва: Русский путь; 1999. 256 с.
6. Лесневский СС, составитель. *Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет*. Москва: Советский писатель; 1990. 176 с.
7. Преподобный Иустин (Попович). *О рае русской души. Достоевский как пророк и апостол православного реализма*. Чарота ИА, переводчик. Минск: Лучи Софии; 2001. 43 с.
8. Преподобный Иустин (Попович). *Философия и религия Ф. М. Достоевского*. Чарота ИА, переводчик. Минск: Издатель Д. В. Харченко; 2007. 312 с.

References

1. Dostoevsky FM. *Voina na Balkanakh. Iz «Dnevnik a pisatelya». 1876–1877 gg.* [War in the Balkans. From the «Diary of a Writer». 1876–1877]. Moscow: Sestrichestvo vo imya Prepodobnomuchenitsy Velikoi Knyagini Elizavety; 1999. 159 p. Russian.
2. Ćosić D. [Nenad-Nesha Mikhajlovih, winegrower-intellectual]. In: Ćosić D. *Prijatelji* [Friends]. Belgrade: Politika; 2005. p. 325–330. Co-published by the «Narodna knjiga». Serbian.
3. Stojanović D. *Zločin i kazna* [Crime and Punishment]. Belgrade: Stubovi kulture; 1996. 230 p. Serbian.
4. Antonii Khrapovitskii, metropolitan. *Slovar' k tvorenijam Dostoevskogo* [Dictionary to the works of Dostoevsky]. Moscow: Slovo; 1998. 192 p. Russian.
5. Arsen'ev A. *U izluchiny Dunaya. Ocherki zhizni i deyatel'nosti russkikh v Novom Sadu* [At the bend of the Danube. Essays on the life and work of Russians in Novy Sad]. Moscow: Russkii put'; 1999. 256 p. Russian.
6. Lesnevskii SS, compiler. *Pervyi vsesoyuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei. 1934. Stenograficheskii otchet* [First All-Union Congress of Soviet Writers. 1934. Verbatim report]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 1990. 176 p. Russian.
7. Prepodobnyi Iustin (Popovich). *O rae russkoi dushi. Dostoevsky kak prorok i apostol pravoslavnogo realizma* [About the paradise of the Russian soul. Dostoevsky as a prophet and apostle of Orthodox realism]. Charota IA, translator. Minsk: Luchi Sofii; 2001. 43 p. Russian.
8. Prepodobnyi Iustin (Popovich). *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [Philosophy and religion of F. M. Dostoevsky]. Charota IA, translator. Minsk: Izdatel' D. V. Kharchenko, 2007. 312 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.08.2021.
Received by editorial board 26.08.2021.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.454(474+4-11)

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ И ПРИБАЛТИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Т. ПОПЛАВСКИЙ¹⁾, Т. А. БОГУШ²⁾

¹⁾Белостокский технический университет, ул. Вейска, 45А, 15-351, г. Белосток, Польша

²⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Представлены трансформационные процессы, которые происходят в странах Восточной Европы и Прибалтики с конца XX в. до настоящего времени. Предпринята попытка описать основные трудности, возникающие на пути изменений, и найти их истоки. Отмечается, что процесс трансформации в разных странах приобретает свои черты и особенности, что ведет к формированию нового социального устройства и экономической модели.

Ключевые слова: трансформация; социальная трансформация; трансформационный период; периферийный капитализм; социальная политика.

Образец цитирования:

Поплавский Т, Богуш ТА. Восточноевропейский и прибалтийский контекст трансформационных процессов. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;3:31–37 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-31-37>

For citation:

Popławski T, Bogush TA. The Eastern European and Baltic scope of transformation processes. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;3:31–37.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-31-37>

Авторы:

Тадеуш Поплавский – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры маркетинга и туризма факультета менеджмента.

Татьяна Александровна Богуш – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Authors:

Tadeusz Popławski, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of marketing and tourism, faculty of management.

w.poplawski@pb.edu.pl

Tatiana A. Bogush, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology and special sociological disciplines, faculty of history, communication and tourism.

tatsiana.bohushgrodno@gmail.com

THE EASTERN EUROPEAN AND BALTIC SCOPE OF TRANSFORMATION PROCESSES

T. POPŁAWSKI^a, T. A. BOGUSH^b

^aBialystok University of Technology, 45A Wiejska Street, Bialystok 15-351, Poland

^bYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ażeška Street, Hrodna 230023, Belarus

Corresponding author: T. A. Bogush (tatsiana.bohushgrodno@gmail.com)

This paper is a way to present the transformation processes, which have been taking place in Eastern Europe and Baltic states since the end of 20th century up to now. It is an attempt to describe the main difficulties, which appear on the way of changes and to find their origins. The main idea is that the process of transformation, which began the same way for all countries, developing and moving through time, acquires its own features and peculiarities, which leads to the formation of a different, dissimilar version of the social structure and economic model.

Keywords: transformation; social transformation; transformation period; peripheral capitalism; social policy.

Introduction

The term «transformation» has arisen due to the fact that conditions have developed a need to assess the qualitative characteristics of fundamental changes in systems, which are irreversible and form a certain state of transition to a new state on the way to the formation of a future model [1].

Transformation is applied to society when it refers to changes in the social system itself and not just its individual components. It is necessary to distinguish *social transformation* from other concepts that express notable social changes, such as morphogenesis, reformation, reproduction [2, p. 262].

Social transformation expresses the programme-project activities of social, economic and other actors, in which the processes and relations of society are combined with some norms, standards, expressing the properties of an ideal, defined by the subjects meaningful and symbolic environment. Social transformation is a given and developed measure of necessary changes, within which there is a selection of the most significant and promising, there is adaptation of society to changes in the environment through the formation of programmes, projects, goals, technologies, resolution of contradictions, etc. [3, p. 9–10].

The study of transformation processes inevitably raises one question. It is the question about the relationship between transformation and modernisation. There is an opinion that any modernisation is a transformation, but not any transformation is modernisation. When transformation is successful and contributes to social and economic progress, then we can talk about

modernisation. When the situation is the opposite (the transformation that led to the decline of social and economic systems), then it is simply not possible to talk about modernisation [4, p. 28].

In his post-industrial concept D. Bell spoke about the equivalence of three spheres: politics, economy, culture. He introduced and applied the *axial principle*, showing that social institutions, relations and processes are not conditioned by a single factor, as they are located on different axes. D. Bell also identified three axes of development of social transformations: the axis of techno-economic and property relations, the axis of political development and the axis of cultural development. He believed that all these axes are independent, but can influence each other [5, p.15; 6]. Speaking about transformation and social transformation it is necessary to pay attention to the concept of transformation period in social development. Transformation period is a special historical subsystem, which reveals its own structure, its own development trends and its own methods of regulation [7, p. 10].

The identification and analysis of general principles and properties of social transformation allows us to study the socio-historical development of society from a different angle – clarifying the relationship between the objective and subjective, spontaneous and systematic, thereby designing the path of transformation. Thus, transformation is not just a change in the content and function of a certain sphere of society, but it is also a condition for optimising the changes themselves, and the development of society depends on the process of social transformation.

Past, present and future is synthesis in the value systems of a transforming society

The process of active regulation of economic activity by society has led to a new form of relationship: the interaction of two systems (economy and society). All material technologies and processes in the economic environment exert pressure on society's institutions

and lead to their transformation and the adoption of adequate social technologies. «The three great transformations» is a framework which includes an analysis of the study of the stages of the development of capitalism, and distinguishes them primarily on the basis

of whether the economy determines society or society determines it.

The first great transformation (1815–1914) was characterised by the formation of internal markets which reproduced traditional societies; their subsequent expansion beyond individual societies and their impact on traditional societies in the direction of change; the rise of capitalism and the break with traditional societies. The market first had an internal nature and only later became worldwide. The liberal state acted within the limits of its sovereignty. The second great transformation «between two globalisations» (1914–1989), this period is characterised by the following: organised society acquired new forms, among which communism and socialism stood out, along with organised capitalism. The third great transformation, the «new globalisation» (1989 – present), was characterised by the following: the subject of modernity and capitalism was at the centre of theoretical reflection because of the experience of non-Western countries, above all in Asia, which undermined the understanding of modernity. Dominated by rather, the idea of the beginning of history, a new history involving the whole world – not only the West, but also the new countries of capitalism on the ruins of communism, the rise of Asian countries following the industrial path, the second globalisation and a host of other events belonging in importance to the historical [8, p. 17, 135–137, 251, 321].

The fact of the existence of societies that have been closed in the recent past has caused disharmony between expectations and reality within such societies. The economic reality of the past era has been superseded by the new socio-economic order. Neo-liberal economic practices were presented as a necessary remedy for the inefficiency of the state socialist system. Society was divided into two camps: those who supported the old order and those who stood for radical reforms. The synthesis was based on a relatively cohesive system of values from the old system and hopes towards the new system. Among the positive values of the old order were full employment, social protection, cheap and generally accessible infrastructure. The expectations associated with the new system were greater prosperity, unlimited consumption, and freedom. Many hoped that this order would not last and would be gradually replaced by a public market economy system. The idea of a public market economy was interpreted as a welfare state with a stabilised standard of living.

The economic crisis in all the countries of Eastern Europe and in the Baltic states over the last ten years has pointed out to all transforming societies the barriers to development, as well as their place in the classification, which can hardly be called privileged. Many of the processes that characterise «peripheral capitalism» (a concept introduced by R. Prebisch [9]) have had a negative impact on the social systems and economies of these countries. Concepts such as «Eastern markets»,

«European tiger», «the best on the way to the EU», in fact, only retouch the essence of the problems in the systems of transformation.

The economic and social problems in the Eastern European countries, the Baltic states, are problems typical of such communities and economies of peripheral capitalism. They greatly complicate the development and modernisation of the countries in the region, and impede the harmonious adaptation of the economies to market realities. Public market economies – the highest degree of development of capitalism and democratic society – remain the social and economic practices of peripheral capitalism give rise to antagonisms in the process of adapting the European model.

The social and economic practices in the countries of peripheral capitalism give rise to antagonisms in the process of adapting the European model. Such a model is a state pursuing defence and public policy with a simultaneous orientation towards a market economy. To develop a society, it is necessary to adapt to the dominance of the capitalist economy (analysing its basic features) and to be able to adapt quickly to different socio-economic and cultural conditions – these are transition societies transforming their socio-economic systems.

The transformation process, started according to common patterns, acquires its own peculiarities in practically each country, each country forms its own version of market economy [10].

Thus, the main task that we set before this work is, an attempt to reflect the relationship between the syndrome called peripheral capitalism and the state of social structure.

F. Kotler points out the difficult start on the road to modernity for transforming societies, as well as the possibility of using the marketing of peoples to bridge the gap that divides society [7, p. 353–366].

M. Porter in his analysis of competition in the context of globalisation notes the advantages of competitiveness of countries formed by specialisation in certain industries and services, which in turn stems from the uniqueness of natural resources, as well as human capital and the level of science development [11, p. 51–53].

According to P. Drucker, a population with a high culture of knowledge has an enormous opportunity to hold a privileged position – the expanded reproduction of knowledge will allow us to enter the 21st century [12].

The theorist of computer society M. Castells divides the modern world into the participants of virtual society included (20 %) and excluded (80 %) i. e. those whose abilities do not allow them to use the achievements of civilisation [13, p. 43].

Inequality is based on human activities and value systems that transform perceptions and experiences into knowledge about the real society. Inequality can be the core of the very essence of system functioning, and the system will always be in an unbalanced state and can

remain in the shadow of social forms as its specificity. It can be assumed: the more obvious the inequalities that are specificity. We can assume: the more obvious the inequalities that are able to be reproduced and underpinned by historical roots, the more easily society perceives their social consequences, in other words the social essence of historical inequalities. The ideas of K. Marx, J. Schumpeter, S. Ossovsky, C. Witt, M. Weber, P. Drucker were proved and extended by S. Kozyr-Kowalski: based on his own concept, he built a theory of social inequality, which became a kind of answer to the weakness of the world theory of structure and social stratification, which fell into mathematical and statistical scholasticism. The world theory did not take into account the influence of consumption inequalities among large social groups, on their lifestyles and vice versa.

And then what was seen as a transitional stage towards a better life, a better world without inequalities, fair and rich, can easily be imitated (it is with changes of this nature that the Polish economist L. Balcero-wicz embodies). Imitation escapes control and takes on a life of its own. As a result, imitation disregards the mentality of societies and peoples, offering them something common, disregarding differentiated specificity and individuality. This common, i. e. the material-economic dimension of market and basic values, is inconsistent with the specific mentality of societies, in other words the mentality of peoples, a conscious attitude towards money, the market, egalitarianism in relation to other members of society, as well as religiosity.

Inequality manifests itself as injustice and this is all the more pronounced if the legitimisation of change is weak, superficial, unthought-out and unclear. Crisis and stagnation have forced some questions to be answered, which could indicate the presence of public discourse about the strategic choices of these societies: the limit of freedom, preserved features of state socialism, the historical excursion, the speed and depth of transfor-

mation, satisfaction of the the consumption needs and desires of certain sections of society, identification of the unfinished and negative phenomena of the transformation process, creation of society.

The relationship between inequality and economic prosperity is quite ambiguous, and depends to a large extent on the historical background to the development of the society in question. The transforming societies of the regions in question can serve as a perfect example of the role of historical tradition in shaping the main types of inequality that change the image of these societies. Making them peripheral, the transformation process itself then becomes a symbol of societal tensions and conflicts.

The transformation processes in Eastern European and Baltic countries can be represented in terms of a certain classification of sectors of the economy: pre-Fordist (e. g. agriculture in Poland), Fordist (elementary tape production), post-Fordist (automation), a new type of economy and communication services (informatisation).

Analysis and consideration of the whole complex shows that transforming societies are behind highly developed societies, the most relevant features of inequality are the following:

- the existence of pre-Fordist forms of products and services;
- incoherence between pre-Fordist product and trade systems;
- the fail of the products to keep pace with advances in science and technology;
- character of «supervision» of the management;
- the disappearance of the boundary between traditional occupations and those requiring good training and experience;
- the dominance of the boss-employee relationship in the ownership structure between labour and capital;
- limited role of the state in the integration of society.

The Eastern European case study

The transformation process in Belarus is not yet fully completed; it has to overcome the consequences of the global financial crisis, bring the national economy to a new innovative stage, modernise the agricultural sector, reach a high level in the development of the humanitarian sphere, science, education and culture, and a difficult process of national identity formation is underway.

The Belarusian transformation is characterised by the evolutionary nature of transformations. A model of the national economy, which can be defined as a socially oriented market economy, is being developed in Belarus. The experience of our country's development over the last decade shows the necessity of timely changes in the mechanisms of economic reforms based on specific internal and external circumstances. The glo-

bal crisis, of course, affects the conditions for the functioning of the national economy, but the foundations and principles of the Belarusian development model remain unchanged. There is no doubt about the leading role of the state sector. The main function of the state is precisely to create the necessary conditions for the development of the economy and the social sphere, to ensure security for its citizens, social justice and public order, and to counteract corruption and protectionism. Another peculiarity of the Belarusian model is that the private sector may and should develop along with the state, but not to the detriment of the general interests of the state. Another specific feature of the Belarusian model is permanent privatisation (Belarus has refused from impersonal stream privatisation), which is not an end in itself, but a means to find an

interested investor and create an efficient and honest owner.

A certain system of social protection has been established in the country – the social policy pursued by Belarus is not only about helping the citizens in dire need, but also about investing in health care, professional, cultural, and personal development of citizens, i. e., in their future and the future of the country. Undoubtedly, new risks and challenges faced by the countries require timely and adequate actions. Some deviations from the accepted model are quite possible, but there are still principles that will rule out the possibility of introducing a shock option. The global crisis indicates that the transition to a new state of the world system has already begun [14, p. 9–10].

The social situation in Hungary is unfavourable. According to research results, only 14 % of Hungarians, 15 years after the beginning of the transformation, believed that life had become better, while the vast majority of the economic, existential and social situation has worsened considerably. People are unhappy with the resulting insecurity, unemployment, declining quality and standard of living and restrictions on social rights. They attribute their poverty and insecurity to the capitalist economy, which leads to a decline in social solidarity. At the same time, more than 3/4 of Hungarians speak with contempt about the basic values of capitalism: freedom of enterprise and the spirit of competition [15, p. 619].

In Poland, the real incomes of the population have increased considerably during the years of transformation, but, despite this, 17 % of Poles are on the brink of poverty, and 5.7 % have incomes below the subsistence level. Surveys have shown that only 7 % of Poles consider their income sufficient to meet all their needs, almost half say they live well, one in five say they have to save a lot and 4 % say their income does not cover even the most basic needs [15, p. 618].

Poland, in a time of transition, is a good example of the changes taking place: a country where social inequalities are deepening at an alarming rate. Two elements are essential: the generation of inequality by the social system and its reproduction. The system, giving the postulates outlined above, always generates some inequalities in society (between people). These inequalities exist for a long time and can be repeated. Petrification of inequalities repeats itself all the time and goes beyond the vague structure. Over time, it becomes a principle for the functioning and existence of the system itself.

The Romanian population faces major problems as a result of this transformation. The average real wage in the country has increased insignificantly compared to 1989 and the minimum wage has even decreased. In the social sphere there is a set of acute problems related to the insufficient capacity of the labour market, especially of skilled labour, and general employment has settled at a low level. Social polarisation intensified, large segments of socially vulnerable citizens emerged, there was an «explosion of poverty» and labour emigration to Western Europe took place on a significant scale. More than 40 % of Romanian citizens interviewed, and among people over 35 years old almost 50 % thought that life in the country had worsened since 1989 and only 33 % noted an improvement [15, p. 619].

At the start of economic reforms, perceptions in Central and Eastern European countries were generally rather vague, in many respects ambivalent. Thus, according to sociological surveys, almost 90 % of the Czech population were in favour of full liberalisation of all areas of the economy, but almost as many were simultaneously in favour of maintaining extensive state control of the economy. Society wanted capitalism, but with the social guarantees of socialism. Market reforms were fully supported without social reservations by 40 to 50 % of the Czech population. In Slovakia, society was less revolutionary: only 20 % of the population shared the idea of systemic transformation. Social results of transformation in the countries of Central and Eastern Europe are different, but many trends are common to them [15, p. 617].

In Ukraine, there is a steady decline in the population, the main reason for which is the economic migration of the economically active population of the country, which, according to experts, may serve as the basis for an acute social crisis in the future. Notwithstanding the general growth in average wages, the increase in the minimum wage and the subsistence level, the deep economic recession has led to a marked decrease in disposable income. The Ukrainian population is perceived to be in food danger, spending on consumer needs averaging 57 % and in the lowest income group this figure exceeds 80 %, according to international criteria food danger occurs when 60 % of total expenditure is for food. There are also cases of arrears in payment of wages and pensions, growth of unemployment, lack of ability to pay for housing and communal services without subsidies. In general, 60 % of Ukrainians noted a sharp deterioration in the economic situation in the country and 55 % pointed out a significant deterioration in the economic situation of their family [16, p. 28–30].

The Baltic case study

The changes in the Baltic states (Latvia, Lithuania and Estonia) did not take place simply along the lines of transformation and modernisation, initially the key component of transformations was westernisation, as there was an opinion that no one had yet achieved prosperity

without full-fledged westernisation. Subsequently, certain variants of modernisation theories were applied in the Baltics, which assumed a quick and efficient breakthrough to the Euro-Atlantic economic system, based on the concepts of postmodernity and neoliberalism.

In the Baltic republics, the transition to a market economy was driven by a number of factors: firstly, the existence of market economy, secondly, historical and economic ties with Western Europe; thirdly, a relatively balanced structure of the national economy; fourthly, a consensus among all segments of the population about the necessity of transition to a market economy. Reforms in Latvia, Lithuania and Estonia began in 1991–1992, but already in 1989–1990 there was an understanding of the necessity and inevitability of reforms, which, in turn, became a consolidating factor in the society. The general nature of the reforms was as follows: denationalisation of the economy combined with an increase in its scale; rapid implementation of a number of reforms: monetary, housing and utilities, medical and local self-government.

At present one of the important problems of the Baltic states is the lack of a development strategy after 2004, namely since the EU accession, which was perceived as an end in itself.

If we consider the state social policy of Latvia, Lithuania and Estonia it is worth noting that it is based

on the rejection of the social state concept, which implies a contract between the state and the civil society. In practice it looked like a reduction of the originally developed social protection system, social guarantees and commercialisation of health care. Estonia thus spends less than 40 % of the EU average on social protection per inhabitant. The analysis of food and housing expenses of residents of Tallinn, Riga and Vilnius carried out by Swedbank shows the following: a family of four living in a 70 m² flat spends 44 % of the family income on food, housing and transport in Riga, 41.5 % in Vilnius and 25.5 % in Tallinn. At the same time, after-tax employees in Latvia earn lower wages than their Lithuanian and Estonian neighbours. Results of public opinion polls show that only 25 % of Latvian, 25 % of Lithuanian and 22 % of Estonian population «rather agree» with the opinion that their vote counts in the EU, while the EU average is 33 %. In comparison: 32 % of Latvian, 16 % of Lithuanian, 53 % of Estonian residents «rather agree» with the opinion that their vote is counted in their own state, with the EU average being 52 % [4, p. 29–42].

Conclusion

All that has been presented supports the hypothesis that inequality is a consequence of the transformation processes of the idea about transformation to create a society that offer stabilisation, meet needs, moreover, lead a welfare society into a social reality full of contradictions and inequalities. It arises from the very nature of peripheral capitalism, which cannot be frustrated. The consequence of peripheral capitalism is frustration, unrealised aspirations in society. Most of the unrealised aspirations in society relate to the material sphere.

Society does not believe in change and thus falls into a state of anomie in the Durkheimian sense. The main reasons for this are:

- lack of social stabilisation;
- industrial conflict in traditional industries;

- saturation of the labour market with specialists, in which shortages were felt in the recent past;
- unrealised aspirations;
- a sense of fatalism, leading to nepotism and «pandering»;
- sentimentalism and simultaneous hostility in society.

The transformation process, which started out according to a single scenario for all, in the course of time has acquired in each country its own characteristics, its own features and formed its own, different, version of the economy. The path that countries have travelled has shown that not all ideas are ready to be translated into reality and that the problem of developing effective technologies for managing social and economic processes arises.

Библиографические ссылки

1. Зубенко С.А. Трансформация социально-экономических систем: тенденции и факторы. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009;3:303–308.
2. Ламажаа Ч.К. Социальная трансформация. *Знание. Понимание. Умение*. 2011;1:262–264.
3. Шапавалов В.Ю. Роль социальных трансформаций в процессе общества. *Теория и практика общественного развития*. 2010;4:9–12.
4. Межевич Н.М. Прибалтийская экономическая модель: некоторые итоги трансформаций 1990–2015 годов. *Балтийский регион*. 2015;4:27–50. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-4-2.
5. Голованова Е.В. Прогностический потенциал теории постиндустриализма Д. Белла. *Вестник славянских культур*. 2013;4:11–17.
6. Bell D. *The cultural contradictions of capitalism*. New York: Basic Books; 1976. 301 p.
7. Данилов А.Н. *Переходное общество: проблемы системной трансформации*. Минск: Універсітэцкае; 1997. 431 с.
8. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. *Глобальный капитализм: три великие трансформации*. Москва: Культурная революция; 2008. 608 с.
9. Пребиш Р. *Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива*. Вольский В.В., Шереметьев И.К., переводчики. Москва: ИЛА РАН; 1992. 337 с.

10. Котлер Ф, Асплунд К, Рейн И, Хайдер Д. *Маркетинг мест: привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы*. Санкт-Петербург: Стокгольмская школа экономики; 2005. 382 с.
11. Портер М. *Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран*. Москва: Альпина Паблишер; 2017. 947 с.
12. Друкер П. *Задачи менеджмента в XXI веке*. Москва: Вильямс; 2004. 286 с.
13. Кастельс М. *Власть коммуникации*. Тyleвич НМ, Архипова АА, переводчики; Черных АИ, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 565 с.
14. Данилов АН. Новые геополитические реалии будущей цивилизации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:4–12.
15. Глинкина СП, Куликова НВ. Трансформация в странах Центрально-Восточной Европы: ожидания и реалии. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2016;201:605–624.
16. Гальцова Н. Современная социально-экономическая ситуация в Украине: проблемы и перспективы. *Постсоветский материк*. 2018;2:16–34.

References

1. Zubenko SA. [Transformation of socio-economic systems: trends and factors]. *Tamboy University Review. Series: Humanities*. 2009;3:303–308. Russian.
2. Lamazhaa ChK. [Social transformation]. *Znanie. Pnimanie. Umenie*. 2011;1:262–264. Russian.
3. Shapavalov VYu. [The role of social transformation in the process of society]. *Theory and Practice of Social Development*. 2010;4:9–12. Russian.
4. Mezhevich NM. Baltic economic model: some results of the 1990–2015 transformations. *Baltiiskii region*. 2015;4:27–50. Russian. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-4-2.
5. Golovanova EV. [Prognostic potential of postindustrialism theory by D. Bell]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2013;4:11–17. Russian.
6. Bell D. *The cultural contradictions of capitalism*. New York: Basic Books; 1976. 301 p.
7. Danilov AN. *Perekhodnoe obshchestvo: problemy sistemnoi transformatsii* [Transitional society: problems of systemic transformation]. Minsk: Universitetskoe; 1997. 431 p. Russian.
8. Fedotova VG, Kolpakov VA, Fedotova NN. *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii* [Global capitalism: three great transformations]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2008. 608 p. Russian.
9. Prebisch R. *Periferiyni kapitalizm: est' li emu al'ternativa* [Peripheral capitalism: is there an alternative to it]. Vol'skii VV, Sheremet'ev IK, translators. Moscow: Instituto de Latinoamerica de a Academia de ciencias de Rusia; 1992. 337 p. Russian.
10. Kotler F, Asplund K, Rein I, Haider D. *Marketing places Europe: how to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe*. London: Financial Times; 1999. 320 p.
Russian edition: Kotler F, Asplund K, Rein I, Haider D. *Marketing mest: privlechenie investitsii, predpriyatii, zhitelei i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy*. Saint Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki; 2005; 382 p.
11. Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurentsia. Konkurentnye preimushchestva stran* [International competition. Competitive advantages of countries]. Moscow: Alpina Publisher; 2017. 947 p. Russian.
12. Drucker P. *Zadachi menedzhmenta v XXI veke* [The challenges of management in the 21st century]. Moscow: Williams; 2004. 286 p. Russian.
13. Castells M. *Communication power*. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press; 2013. 571 p.
Russian edition: Castells M. *Vlast' kommunikatsii*. Tylevich NM, Arkhipova AA, translators; Chernykh AI, editor. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2016. 565 p.
14. Danilov AN. New geopolitical realities of the future civilization. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;4:4–12. Russian.
15. Glinkina SP, Kulikova NV. Transformation in the Central and East European countries: expectations and realities. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2016;201:605–624. Russian.
16. Galtsova N. [Modern socio-economic situation in Ukraine: problems and prospects]. *Postsovetskii materik*. 2018;2:16–34. Russian.

Статья поступила в редколлегия 25.08.2021.
Received by editorial board 25.08.2021.

ТРИ ПРОБЛЕМЫ НЕОМАРКСИЗМА, ИЛИ ЧТО НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕОМАРКСИСТСКОГО ПОДХОДА

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что зрелость неомарксистского подхода в познании определяется не только эвристикой его теоретико-методологических оснований, но и самокритической рефлексией. Выявляются три проблемы неомарксистского подхода, которые необходимо учитывать при его использовании в научном исследовании: излишний критицизм, идеологическая ангажированность, понятийная неопределенность капитализма. Доказывается, что идеологическая составляющая ложно идентифицируется со всем неомарксизмом, а критическая – трактуется тривиально. Проблема неомарксистского подхода заключается не в самом факте отрицательного суждения об исследуемой действительности, а в уровне теоретико-методологического обеспечения критического подхода. Автор акцентирует внимание на том, что необходимо различать критику как отрицательное суждение и критику как диалектическую логику отрицания. Исследователь может избежать критико-идеологического компонента неомарксистского исследования в рамках сциентистской традиции неомарксизма. Эта традиция не лишает его возможности осуществлять научный поиск новых социально-экономических причин трансформации капитализма или политических субъектов антикапиталистического сопротивления. Разница заключается в том, что идеологическое целеполагание ориентирует исследователя на конструирование революционной ситуации капитализма, а сциентистское – на познание революционных факторов наличного капиталистического конструкта. Указывается на то, что более сложной проблемой неомарксистского подхода является понятийная неопределенность капитализма, требующая рассмотрения на уровне сообщества неомарксистских теоретиков. Нерешенность этого вопроса отражается на исходных положениях новых неомарксистских исследований, так как не позволяет определить капитализм как объект неомарксистских изысканий любой предметной направленности. Автор предлагает два варианта исследовательской стратегии в этой ситуации: исходя из конвенциональной концепции истины, опираться на какое-либо неомарксистское определение современного капитализма и проводить свое предметное исследование в рамках традиции конкретного неомарксистского теоретика; использовать гипотетико-дедуктивный метод и брать за основу выбранное понимание капитализма как гипотетическое положение, где авторский предмет исследования конституируется как следствие этой гипотезы и требует верификационной проверки на истинность. Решение общих неомарксистских эпистемологических проблем обеспечивает отсутствие препятствий для широкого применения неомарксизма в социальном познании.

Ключевые слова: диалектика; идеология; капитализм; критицизм; развитие марксизма; неомарксизм; проблемы когнитивизма; сциентизм.

Образец цитирования:

Михайловский В.С. Три проблемы неомарксизма, или Что необходимо знать при использовании неомарксистского подхода. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021;3:38–46. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-38-46>

For citation:

Mikhailouski VS. Three problems of neo-Marxism, or What you need to know before using a neo-Marxist approach. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2021;3:38–46. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-38-46>

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vadzim S. Mikhailouski, PhD (political science), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law.
mikhailouskivs@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-6988-2473>

THREE PROBLEMS OF NEO-MARXISM, OR WHAT YOU NEED TO KNOW BEFORE USING A NEO-MARXIST APPROACH

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The maturity of the neo-Marxist approach in cognition is determined not only by the heuristics of its theoretical and methodological foundations, but also by self-critical reflection. Three initial problems of the neo-Marxist approach are identified, which are useful to take into account when using it in scientific research: excessive criticism of neo-Marxist cognition, ideological bias of the neo-Marxist approach, conceptual uncertainty of capitalism as an object of neo-Marxism. It is proved that the ideological component is falsely identified with all neo-Marxism, and the critical component is treated trivially. The problem of the neo-Marxist approach lies not in the fact of a negative judgment about the reality under study, but in the level of theoretical and methodological support for the critical approach. It is necessary to distinguish criticism as a negative judgment and criticism as a dialectical logic of negation. The researcher can avoid the critical and ideological component of neo-Marxist research within the framework of the scientific tradition of neo-Marxism. This tradition does not deprive the researcher of the possibility of scientific search for new socio-economic reasons for the transformation of capitalism or new political ones by the subject of anti-capitalist resistance. The difference is that the ideological goal setting orients the researcher to the construction of the revolutionary situation of capitalism, and the scientific one – to the knowledge of the revolutionary factors of the existing «capitalist construct». More complex problem of the neo-Marxist approach is the conceptual uncertainty of capitalism. This problem requires a solution at the level of the community of neo-Marxist theorists. The unresolved nature of this problem affects the initial positions of new neo-Marxist studies. It does not allow us to define capitalism as an object of neo-Marxist research of any subject orientation. There are two options for a research strategy in this situation. First, it is possible, based on the conventional concept of truth, to join some neo-Marxist definition of modern capitalism and implement one's subject research within the framework of the tradition of a particular neo-Marxist theorist. Secondly, it is possible to use the hypothetical-deductive method and proceed from the chosen understanding of capitalism as a hypothetical position, where the author's subject of research is constituted as a consequence of this hypothesis and requires a verification check for truth. The solvability of general neo-Marxist epistemological problems means that there are no obstacles to the widespread application of neo-Marxism in social cognition.

Keywords: dialectics; ideology; capitalism; criticism; development of Marxism; neo-Marxism; problems of cognition; scientism.

Введение

Неомарксизм – это направление философского и социогуманитарного знания, появившееся в результате обновления научно-исследовательской программы классического марксизма в целях создания эвристического инструментария современных марксистских исследований. Отправной точкой в генерации неомарксизма принято считать книгу англо-венгерского философа Д. Лукача «История и классовое сознание» (1923). По нашим подсчетам, не претендующим на абсолютную точность, сегодня можно назвать более 120 теоретиков неомарксизма. Основные фигуры неомарксистского дискурса: Т. Адорно, Л. Альтюссер, А. Грамши, И. Валлерстайн, Д. Лукач, Г. Маркузе, Р. Пребиш, Э. О. Райт, Э. Фромм. Среди современных западных авторов неомарксистский дискурс наиболее активно поддерживает словенский культуролог С. Жижек, среди российских – А. В. Бузгалин и Б. Ю. Кагарлицкий. Сегодня неомарксизм представляет собой комплекс теоретико-методологических оснований обширного предмета изучения и функционирует как самостоятельная научно-исследовательская программа. Неомарксистский подход применяется в исследованиях социального и политического

пространства, идеологии, глобального порядка, социально-экономического развития и политической трансформации общества. Благодаря широкой актуализации неомарксизм стал самостоятельным предметом истории науки: изучаются его особенности, значимые теоретики, этапы развития, направления, концепции. Не остаются без внимания проблемные вопросы данного направления, его сущность и парадигмальные основания, соотношение неомарксизма и классического марксизма, единство неомарксистского сообщества. Исследования неомарксизма объединяет узкоспециализированная сфокусированность. Сегодня отсутствуют работы, обращенные к практической стороне вопроса и направленные на методическое обеспечение применения неомарксизма как одного из возможных подходов социогуманитарного познания. Не отрицая значимость «неомарксоведения», перед наукой необходимо поставить более инструментальную задачу: предупредить исследователя об эпистемологических проблемах, с которыми он столкнется при использовании неомарксизма в качестве теоретико-методологической основы своей работы.

Цель статьи – обозначить исследовательские проблемы при применении неомарксистского подхода в социогуманитарном познании, выявить их причины и способы разрешения. Критическая рефлексия относительно эпистемологических особенностей использования неомарксизма сделает этот теоретико-методологический подход более пред-

сказуемым и понятным и, следовательно, будет способствовать популяризации неомарксизма. Основанием нашей работы выступают следующие методы: исторический, логико-проблемный (направлены на обнаружение проблем неомарксистского подхода), абстрактно-аналитический (нацелен на решение этих проблем).

Результаты и их обсуждение

Первая проблема неомарксизма – излишний критицизм. Выраженная критическая направленность является визитной карточкой неомарксизма. Проводить неомарксистское исследование – значит включиться в традицию всеобъемлющей критики происходящего. М. Хоркхаймер и Т. Адорно в ключевой для неомарксизма работе «Диалектика просвещения» определили исследовательскую позицию для всех неомарксистов: «Критическое мышление, не останавливающееся даже перед критикой прогресса, обязано сегодня встать на сторону остатков свободы, тенденций движения к реальной гуманности, даже если на фоне величественного хода истории они и выглядят беспомощными» [1, с. 6].

Критическая позиция неомарксистов была обусловлена не только установками классического марксизма, но и потребностью осмыслить конкретную историческую ситуацию XX в. Предметом критического изучения неомарксистов были утрата рабочим классом революционного потенциала, рациональная формализация труда, технократизм, нарастание репрессивного потенциала культуры, установление тоталитарных режимов. Победа антифашистских, демократических сил в войне не снизила разочарования европейских интеллектуалов в капиталистической цивилизации. Именно в неомарксизме была представлена концептуальная масштабная критика современного капиталистического мира.

Неомарксистский критицизм не остался без внимания исследователей социогуманитарной мысли. Например, белорусский ученый В. Н. Фурс писал, что в неомарксизме осуществляется «целостная критика реификации социальной материи в нормативном свете зрячей утопии социальной эмансипации» [2, с. 11]. Американский политический философ П. Готфрид обвинил неомарксистов в том, что в результате критического проектирования реальности они приходят к тем моделям, которые изначально опровергали. По его мнению, неомарксистские сценарии перемен «преподносят миру давно знакомую историю»: неомарксистская сосредоточенность на «глобальном торжестве» справедливости сродни идее «конца истории» Ф. Фукуямы [3, с. 84–85]. Подобная критика типична и полезна для понимания места и роли неомарксизма в системе современного знания, но носит оценочный характер. Эпистемологическая проблема неомарксистского подхода

состоит в том, что под влиянием критической детерминанты научно-аналитическая составляющая в познании социальной действительности может уступить место ценностно-нормативной рефлексии. Одного критицизма недостаточно для эффективного познания. С таким основанием неомарксистский подход обрекается на существование в виде точки зрения о существующей «нехорошей» действительности. Во избежание оценочного вектора познания исследователю, выбравшему неомарксизм в качестве теоретико-методологического основания своего научного поиска, можно руководствоваться следующими положениями.

Во-первых, необходимо различать критику как отрицательное мнение, обсуждение в целях вынести оценку, и критику как диалектическую логику отрицания – негацию. Неомарксисты (прежде всего теоретики франкфуртской школы 1930–60-х гг. Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и др.) ценили в диалектике способ «мыслить противоречия» и полагали, что первоначально К. Маркс «вдохновлялся той же посылкой, какая двигала диалектикой Гегеля, а именно признанием негативного характера реальности» [4, с. 398]. У К. Маркса эта негативность проявлялась через классовые противоречия и становилась двигателем социальных процессов. Как отмечает белорусский исследователь С. А. Шавель, «К. Маркс при самой острой для его времени критике капитализма объективно оценил позитивную цивилизационную роль данной формации» в поступательном развитии человечества [5, с. 52].

В работе «Негативная диалектика» Т. Адорно переосмыслил гегелевские основания марксизма и заложил методологические основания неомарксистского критицизма. Он видел негативное господство современности в том, что познание человека направлено на постоянный поиск тождества [6, с. 13]. Это, по мнению философа, подчиняет человека требованиям окружающей действительности, превращает его в «безусловное приспособление» [6, с. 355]. Критика в диалектическом понимании конституировалась неомарксистами как постоянное выявление антитезиса (отрицания без отрицания). При таком подходе критицизм предстает как аналитический поиск противоречивости социальной действительности вне интенции на формулирование модели непротиворечивого общества. Этим можно объяснить тот факт, что критика современного

общества выглядит в неомарксизме намного сильнее, чем определение путей, поступательных действий в ликвидации социальной репрессивности и достижения общества подлинного гуманизма. Неомарксизм, как наиболее масштабный проект критической теории общества в вопросе нового социального устройства, представлен немногочисленными концепциями: «естественной рабочей демократии» В. Райха, «здорового общества» Э. Фромма, «демократии множества» М. Хардта и А. Негри. Эти теоретические проекты характеризуются слабым уровнем разработки конкретной реализации.

Во-вторых, даже если исходить из тривиального понимания критицизма, то такая исследовательская позиция не является препятствием для эффективного познания социальной действительности. Проблема заключается не в самом факте отрицательного суждения о исследуемой действительности, а в уровне теоретико-методологического обеспечения критического подхода. Отправной для неомарксистского исследования нам представляется позиция сербского философа-неомарксиста, писателя, политика М. Марковича, который отмечал, что «критика не является чем-то внешним по отношению к социальным наукам»¹, так как она ориентирована также на «точное эмпирическое описание, анализ и понимание» [7, р. 109–110]. Как при защите неомарксистского критицизма можно апеллировать к марксистской критической традиции, так и в обосновании теоретико-методологических оснований критицизма можно действовать по аналогии с подходом отцов-основателей. Критическая позиция К. Маркса и Ф. Энгельса по отношению к капитализму была научно обеспечена обширным аналитическим историческим и эмпирическим экономическим материалом. Исследователю-неомарксисту можно взять на вооружение следующую установку: критике лучше подвергать не выявленное состояние капитализма, а нетождественность капитализма его научной концептуализации. При таком подходе неомарксистское познание находится в рамках научного поиска особенностей капиталистического порядка, а критическая составляющая перемещается в эпистемологическую сторону вопроса.

В-третьих, несмотря на то что критика является детерминантом неомарксистского дискурса, в рамках самого неомарксизма есть направления, отрицающие его критическую ориентацию: структурный марксизм Л. Альтюссера, Э. Балибара, Н. Пуланзаса, аналитический марксизм Дж. Коэна, Э. О. Райта, Дж. Ремера, мир-системный анализ (вне теории зависимого развития) И. Валлерстайна. Эти сциентистские направления выступали альтернативой доминирующей в неомарксизме критической позиции. Так, установкой Л. Альтюссера было «вос-

становление аутентичного марксизма» [8, с. 147]. Подлинный марксизм для французского философа – это исторический материализм, лишенный, как пишет российский исследователь Н. В. Шихардин, «стремления быть привлекательным для кого-либо» [9, с. 5].

Наиболее последовательно сциентистские установки были применены в исследованиях аналитического марксизма. Это было достигнуто посредством привнесения в неомарксизм современного научного методологического аппарата (например, теории игр). Аналитические марксисты стремились не пересмотреть марксистскую теорию, а защитить ее [10, р. 24]. По их мнению, усиление научного потенциала неомарксистской теории обеспечивают четыре условия: «приверженность общепринятым научным нормам разработки теории и ведения исследований» (особое внимание эмпирике, систематическое сопоставление неомарксистской теории и эмпирических данных, самокритика и саморефлексия исследователя); «акцент на систематической работе с понятиями» (концептуализация); «детальная проработка теоретических рассуждений» (моделирование); аналитическое внимание «сознательным (интенциональным) действиям индивидов» (принятие во внимание теории рационального выбора) [11, с. 123–132]. С нашей точки зрения, сциентизм в неомарксизме означает в большей степени ориентацию на позитивизм в познании, что требует от исследователя навыков научного наблюдения, протоколирования, гипотезирования и верификации.

Таким образом, критическая позиция в социогуманитарном познании не является атрибутом неомарксистского подхода. Неомарксистский критицизм, как набор отрицательных суждений об окружающей действительности, есть упрощенное понимание современного этапа марксистской мысли. Критическая позиция в неомарксизме исходит из диалектической логики познания и разделяется не всеми неомарксистскими авторами. Поэтому ученый может отказаться от критической составляющей своего неомарксистского исследования, сославшись на сциентистскую традицию неомарксизма. В этом случае вопрос метода становится ключевым, а связь с классическим марксизмом определяется через проблемное поле изучения.

Вторая проблема неомарксизма – идеологическая ангажированность. Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс не считали свое учение идеологией. Э. Бернштейн, рефлексировав над марксистским наследием, пришел к выводу о том, что в марксизме важно выделять научную и идеологическую составляющие. В идеальном представлении неомарксизм есть метаморфоза научной ветви классического марксизма. Действительно, неомарксистский генезис связан

¹Здесь и далее перевод наш. – В. М.

с теоретической реакцией европейских интеллектуалов на партийную вульгаризацию и догматизацию марксизма в 1920–30-е гг. Неомарксисты стремились противопоставить партийной политической ангажированности академический подход и развивать марксизм на научных основаниях. Однако, как отмечал П. Готфрид, это была попытка «укрепить революционный пыл марксизма в условиях, когда его теоретическая база начала слабеть» [3, с. 91]. Начиная с 1920-х гг. теоретическая сфокусированность на практической стороне марксизма определила особую миссию неомарксистского исследователя: не только объяснять социальную действительность, но и вносить актом познания вклад в ее революционную трансформацию. Д. Лукач в первой неомарксистской работе «История и классовое сознание» рефлексировал относительно революционного потенциала пролетариата на фоне победы Октябрьской революции. Его вывод заключался в том, что «общественная борьба проявляется в идеологической борьбе за сознание» [12, с. 157]. А. Грамши концептуализировал основное неомарксистское понятие «гегемония» как положительный фактор классовой борьбы: завоевание гегемонии было фактором становления и последующего сохранения господствующего положения рабочим классом и его партий.

Неомарксистское развитие теории революции обеспечивалось посредством не только внутримарксистских изысканий, но и внешних интеллектуальных привнесений. Так, основоположник фрейдистской ветви неомарксизма В. Райх считал, что марксизм и фрейдизм в равной степени направлены на революционное преобразование буржуазного общества [13, с. 181]. Марксизм, как теория и практика рабочего движения, стал способом выхода фрейдизма в пространство политики и условием его революционных потенций в преобразовании капиталистической действительности. В дальнейшем концепция сексуальной революции В. Райха стала частью революционной программы франкфуртской школы: идеи культурной революции как ненасильственного способа преобразования репрессивной тотальности капитализма. Парадокс в том, что к середине XX в. неомарксизм оказался более радикальным учением, нежели идеология промарксистских партий. Этим объясняется тот факт, что именно неомарксизм стал теоретико-идеологическим основанием студенческой революции 1968 г., а Г. Маркузе – «духовным лидером эпохи» [14, с. 116]. Как отмечает российский исследователь А. С. Запесоцкий, «парадокс этой революции в том, что студенческий бунт и последующие волнения... не были спровоцированы ухудшением жизненных условий», «бунт “новых” левых – это реакция на убожество жизненных приоритетов буржуазии, политический оппортунизм и теоретический догматизм “старых” левых» [15, с. 107].

Для подкрепления революционного потенциала марксизма в условиях включения западных коммунистических партий в парламентский процесс было использовано такое деполитизированное на первый взгляд учение, как экзистенциализм. Например, целью французского философа М. Мерло-Понти в политическом дискурсе послевоенной Франции был философский поиск «экзистенциального пролетариата» как более эффективного революционного субъекта «в эпоху, когда советское общество уже не казалось авангардом свободы» [16, с. 36–37]. В середине XX в. вопрос о связи между экзистенциализмом и современной исторической ситуацией в марксистском контексте волновал и итальянских философов. Революционные волнения 1960-х гг. с их порывом изменить европейское буржуазное общество и найти новый путь отразились в творчестве экзистенциалиста Э. Пачи.

Цель преобразования «нехорошей» капиталистической действительности не оставляла и тех представителей неомарксизма, которые развивали его сциентистское направление. Так, несмотря на весь позитивистский пафос, аналитические марксисты не отказались от проблематики свободы, равенства и строительства справедливого общества. Также в рамках отрицания антиидеологической повестки неомарксизма, заложенной Л. Альтюссером, его ученик С. Жижек задавался вопросом: «Можно ли еще добыть из Маркса какие-то ресурсы, не просто не известные предшествующим формам марксизма, но и пригодные для того, чтобы задать такое направление освобождения, которое отвечало бы текущей исторической ситуации?» [17, с. 17].

С одной стороны, весь приведенный материал свидетельствует о глубинной связи неомарксизма и классического марксизма в рамках следования одиннадцатому тезису К. Маркса. Эта традиция позволяет любому исследователю заявить об идеологическом целеполагании на изменение познаваемой действительности как сущностной характеристики неомарксистских научных изысканий. С другой стороны, как доказывал Л. Альтюссер, «начиная с 1845 года Маркс радикально порывает со всякой теорией, которая обосновывает историю и политику сущностью человека» [18, с. 321]. Более того, как верно отмечает белорусский ученый С. А. Шавель, амбивалентное отношение к марксизму, в том числе и у некоторых его сторонников, возникало не в последнюю очередь из-за того, что аутентичные тексты классиков состояли из двух разноприводных компонентов, которые не всегда поддавались строго логическому синтезу, к которому они стремились [5].

С. А. Шавель называет два компонента марксистского наследия: труды по «концептуализации и пропаганде революционного движения», которые «в силу определенной адресности» написаны максимально упрощенно, и труды по «глубоким теоретическим разработкам общечеловеческих проблем

и общенаучных методов познания» [5, с. 51–52]. Исходя из этого, тезис об идеологической предрасположенности любого неомарксистского исследования может быть принят с определенной долей условности. Опора на марксистскую традицию позднего К. Маркса позволяет избежать рефлексии относительно преодоления капиталистической репрессивности. В случае следования диалектической логике классического марксизма тема трансформации капиталистического порядка включается в научный поиск объективных закономерностей функционирования капитализма.

В вопросе концептуального осмысления капиталистической трансформации фундаментальная разница между диалектическим марксизмом (историческим материализмом) и неомарксизмом состоит в том, что классическая марксистская теория была ориентирована на выявление факторов объективно-исторического наступления революции и последующей трансформации капитализма. Революция в классическом марксизме определена причинно-следственными связями и детерминирована уровнем развития производительных сил (степенью общественного разделения труда, развитием средств труда, производственных навыков и научных знаний). Фактором революционной ситуации в марксистском понимании является расхождение интересов антагонистических классов по мере развития капитализма. Неомарксистская теория же подвергла критике выявленные К. Марксом и Ф. Энгельсом причинно-следственные закономерности объективной трансформации капитализма. Г. Маркузе писал: «Индивиды воспроизводят репрессивное общество в своих потребностях, которые сохраняются даже в ходе революции, и именно эта преемственность до сих пор препятствовала скачку от количества к качеству свободного общества» [19, с. 20]. Неомарксистская теория революции выявила факторы, препятствующие реализации марксистских причинно-следственных закономерностей объективной трансформации капитализма, что определяет эту теорию в большей степени как постмарксистское научное построение.

Мы не отрицаем научное значение неомарксистских исследований революции. Научная проблема неомарксизма состоит в том, что достигнутый научный результат в выявлении препятствий капиталистической трансформации не вывел неомарксистов на научный поиск новых факторов трансформации капитализма. В теоретическом измерении речь шла об отказе от диалектического компонента в теории революции и замене его на этико-идеологический компонент. Ситуация в неомарксизме выглядит следующим образом: неомарксисты (Ж. Бодрийяр, Д. Лукач, Г. Маркузе, С. Жижек) выявили причины теоретической несостоятельности марксистского исторического материализма, но не отказались от марксистской идеи революции. Другими словами,

с точки зрения неомарксистов, если современный капиталистический порядок не несет в себе оснований собственного диалектического преобразования, необходимо выявить внешние возможности для революционного изменения ситуации. Самый простой способ – это отказаться участвовать в практиках капиталистического порядка. Именно поэтому Г. Маркузе концептуализировал неомарксистский вариант революции как «великий отказ» от воспроизводства капитализма.

Наш тезис заключается в том, что атрибутивной характеристикой неомарксизма должно быть не идеологическое целеполагание на революцию, а революция как предмет неомарксистских научных изысканий. Традиция позитивистской ориентации в неомарксизме не лишает исследователя возможности осуществлять научный поиск новых социально-экономических причин трансформации капитализма или новых политических субъектов антикапиталистического сопротивления. Разница в том, что идеологическое целеполагание ориентирует исследователя на конструирование революционной ситуации капитализма, а сциентистское – на познание революционных факторов наличного капиталистического конструкта. Последний вариант поддерживает научную интенцию марксистского дискурса.

Третья проблема неомарксизма – понятийная неопределенность капитализма. Неомарксистская исследовательская практика обширна, многообразна, но парадигмально находится в рамках познания капитализма. Объект неомарксистской теории – это современный этап развития капиталистической формации (поздний капитализм). Заниматься неомарксистскими исследованиями – значит вносить вклад в познание особенностей современного капитализма.

Капитализм становится основным объектом неомарксистских исследований в работах представителей франкфуртской школы. Критическое познание капитализма было воспринято большинством неомарксистов и реализовано в различных направлениях. И несмотря на то что история неомарксистского дискурса насчитывает уже почти 100 лет, осмысление метаморфоз капитализма продолжается. Общая ситуация в неомарксизме может быть определена как исследовательская растерянность. В качестве яркого примера приведем цитату С. Жижека: «Мы постепенно начинаем понимать нечто намного более ужасное, а именно то, что капитализм и в самом деле может воспроизводить свою логику сколь угодно долго и что он действительно достигает своего предела. Но этот предел – не социализм или коммунизм, это варварство» [17, с. 18].

Проблема неомарксизма заключается в том, что, будучи теорией капитализма, он не содержит единого согласованного определения понятия «капитализм». В этом вопросе в неомарксизме имеет

место своеобразный круг дедукции и индукции. Во-первых, принимается за факт то, что мир находится в рамках продолжающегося капиталистического воспроизводства и что явления социального пространства есть выражение капиталистического порядка. При этом капиталистические проявления обширны. В неомарксизме капиталистическим было объявлено буквально все, включая рациональность западного общества, семью, образование, идолопоклонничество, авторитарный синдром, массовую культуру потребления, средства массовой информации, шоу-бизнес, сексизм и неорасизм. Апологетом широкой трактовки капитализма можно назвать слова Л. Альтюссера о том, что человек включается в капиталистический порядок «еще до своего рождения» [20, с. 51]. Во-вторых, из этого обширного капиталистического проявления индуктивно заключается, что современный капитализм воспроизводится как всеохватывающий инструмент контроля, что отождествляет его с тоталитарным способом воздействия на человека и общество. Г. Маркузе констатировал, что «современная эпоха склонна к тоталитарности даже там, где она не произвела на свет тоталитарных государств» [21, с. 5]. В результате в неомарксизме формируется представление, что капитализм функционирует как вторая природа. Такой подход обеспечивает неомарксистский критицизм, однако он непригоден для научных исследований по той причине, что представляет собой порочный круг определения: все социальные практики репрессивны, так как включены в воспроизводство капиталистического порядка, а капитализм репрессивен, так как включает в себя все социальные практики. Неомарксистское понимание капитализма не соответствует постпозитивистскому принципу фальсифицируемости и не может быть подвергнуто верификации.

Истоки неопределенности неомарксистского понимания капитализма находятся в классическом марксизме. Важным этапом в развитии неомарксизма была публикация ранней работы К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (1932). Ознакомление с марксистской идеей отчуждения определило иное направление неомарксистского дискурса – исследование отчуждения социальной жизни в целом. Из марксовой типологии отчуждения неомарксисты (Т. Адорно, Ж. Бодрийяр, Г. Маркузе, Э. Фромм) концептуализировали отчуждение социальной жизни как объединяющую и основную форму для всех проявлений отчуждения в капиталистическом мире. Интерпретация марксовой концепции отчуждения позволила неомарксистам конституировать собственный предмет исследования – капиталистическую гегемонию – и трактовать капитализм как формацию полного социального отчуждения. Неомарксисты исходили из того, что в современных условиях капитализм К. Маркса «вышел»

за пределы предприятия и подверг эксплуатации не только труд человека, но и всю его жизнь, минуя первоочередное значение трудовых отношений. Как писал Г. Маркузе, власть «больше не стремится к примитивному сохранению специфических привилегий, но сохраняет непрерывно возрастающее общество как целое» [21, с. 100]. Исходя из этого, вся жизнь включается в капиталистический оборот и воспроизводится как воплощение здравого смысла. Следовательно, социальное пространство во всем многообразии своего проявления функционирует как единый капиталистический аппарат, не представляющий пространства для альтернативных действий и мыслей.

Генеалогия проблемы неомарксистского определения капитализма ведет и к позднему К. Марксу. Речь идет о том, что в работе «Капитал» капитализм рассматривается не только как наблюдаемое историческое явление, но и как понятие. Это, по мнению неомарксистов (Л. Альтюссера, Э. Балибара, И. Валлерстайна, Ф. Джеймисона, С. Жижека, А. Негри, Н. Пуланзаса, Р. Роздольского, М. Хардта), предполагает наличие основной структуры, логики капитализма, которая по мере исторического развития проникает во все аспекты жизнедеятельности человека и фундирует тотальность капитализма по отношению к социальной действительности. При этом отсутствует единое представление о сущности понятия «капитализм»: для Л. Альтюссера это способ производства, для Н. Пуланзаса – политика, для М. Хардта и А. Негри – биополитика, для Э. Балибара и И. Валлерстайна – накопление и неравенство, для С. Жижека – насилие, для Ф. Джеймисона – прибыль.

Решение проблемы неопределенности понятия «капитализм» является задачей неомарксистской научно-исследовательской программы. Ученый, выбравший неомарксизм как теоретико-методологическое основание своего научного поиска, сталкивается с отсутствием единой неомарксистской концептуализации причинно-следственных связей в функционировании современного капитализма. Это лишает исследователя возможности исходного неомарксистского определения своего предмета либо как причины капитализма, либо как следствия. С нашей точки зрения, в данной ситуации есть два варианта стратегии. Во-первых, исходя из конвенциональной концепции истины, можно опираться на какое-либо неомарксистское определение современного капитализма и реализовывать свое предметное исследование в рамках традиции конкретного неомарксистского теоретика. Во-вторых, можно использовать гипотетико-дедуктивный метод и брать за основу выбранное понимание капитализма как гипотетичное положение, где авторский предмет исследования конституируется как следствие этой гипотезы и требует верификационной проверки на истинность.

Заключение

Марксизм никогда не исчезал с теоретико-методологического аппарата науки. Интересна мысль советского и российского философа П. Г. Щедровицкого о том, что отказ от марксистского понятийного аппарата означает для исследователя выпадение из культуры мысли. Ученый писал: «Если я отбрасываю марксизм, то... я отбрасываю весь европейский строй понятий и оказываюсь голеньким» [22, с. 334]. Однако марксизм в социогуманитарном знании не должен быть самоцелью. Марксистское наследие развивается как научно-исследовательская программа, современный этап которой обозначен как неомарксизм. Зрелость неомарксистского подхода в познании определяется не только эвристикой его теоретико-методологических оснований, но и самокритической рефлексией.

Исследователю, желающему применить неомарксизм в социальном познании, необходимо знать о трех проблемах неомарксистского подхода (излишнем критицизме, идеологической ангажированности, понятийной неопределенности капитализма как объекта неомарксизма), а также о путях преодоления этих препятствий в эффективном применении неомарксизма. Выявлено, что в литературе идеологическая составляющая ложно идентифицируется со всем неомарксизмом, а критическая – трактуется тривиально, вне диалектического целеполагания познания. Исследователь может избежать критико-идеологического компонента неомарксистского исследования в рамках сциентистской традиции неомарксизма. Для этого необходимо исходить из того

положения, что проблема критического подхода заключается не в самом факте отрицательного суждения об исследуемой действительности, а в уровне теоретико-методологического обеспечения исследовательского критицизма. Необходимо различать критику как отрицательное мнение, обсуждение в целях вынести оценку и критику как диалектическую логику отрицания.

Что касается вопроса ценностно-нормативного опосредования неомарксистского подхода, то исследователь должен понимать, что сциентистская ориентация допускает идеологическое целеполагание на преобразование капиталистической формации, но ориентирует исследователя не на конструирование революционной ситуации, а на научный поиск новых факторов объективной трансформации капитализма. Проблема же понятийной неопределенности капитализма требует рассмотрения на уровне сообщества неомарксистских теоретиков. Нерешенность этого вопроса сказывается на исходных положениях неомарксистских исследований, так как не позволяет определить капитализм как объект неомарксистских изысканий любой предметной направленности. Выходом из такой ситуации является либо конвенциональное, либо гипотетичное принятие имеющихся авторских определений капитализма.

Решение общих неомарксистских эпистемологических проблем обеспечивает отсутствие препятствий для широкого применения неомарксизма в социальном познании.

Библиографические ссылки

1. Хоркхаймер М, Адорно ТВ. *Диалектика просвещения*. Москва: Медиум; 1997. 310 с. Совместно с издательством «Ювента».
2. Фурс ВН. *Контуры современной критической теории*. Минск: Европейский гуманитарный университет; 2002. 164 с.
3. Готфрид П. *Странная смерть марксизма*. Пинскер Б, переводчик. Москва: ИРИСЕН; 2009. 249 с. Совместно с издательством «Мысль».
4. Маркузе Г. *Разум и революция*. Шурбелев АЛ, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2000. 541 с.
5. Шавель СА. Эвристическая перспектива марксистской социологии: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;1:47–62.
6. Адорно ТВ. *Негативная диалектика*. Москва: Академический проект; 2011. 538 с.
7. Marković M. The idea of critique in social theory. *The Praxis International*. 1983;2:108–120.
8. Гобозов ИА. Л. Альтюссер – выдающийся французский философ-марксист XX века. *Философия и общество*. 2014;1:146–163.
9. Шихардин НВ. *Французский неомарксизм: противостояние гуманизма и сциентизма*. Курган: Издательство Курганского университета; 2009. 132 с.
10. Cohen GA. *Karl Marx's theory of history: a defence*. Princeton: Princeton University Press; 2001. 442 p.
11. Райт ЭО. Что такое аналитический марксизм? *Вопросы экономики*. 2007;9:121–138.
12. Лукач Г. *История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике*. Москва: Логос-Альтера; 2003. 416 с.
13. Рейх В. Диалектический материализм и психоанализ. *Под знаменем марксизма*. 1929;7–9:180–206.
14. Лепешко БМ. Французская идеология. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:113–121.
15. Запесоцкий АС. 50-летний юбилей молодежной революции: версии, результаты, уроки. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:105–112.
16. Постер М. Экзистенциальный марксизм Мерло-Понти: взгляд Марка Постера. *Хора*. 2008;3:31–40.
17. Жижек С, Руда Ф, Хамза А. *Читать Маркса*. Москва: Высшая школа экономики; 2019. 176 с.

18. Альтюссер Л. *За Маркса*. Москва: Праксис; 2006. 392 с.
19. Маркузе Г. Конеч утопии. *Логос*. 2004;6:18–23.
20. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). *Неприкосновенный запас*. 2011;3:14–58.
21. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация*. Москва: АСТ; 2003. 528 с. (Philosophy).
22. Щедровицкий ПГ. Марксизм – это не только Маркс. В: Гусейнов АА, Толстых ВИ, редакторы. *Освобождение духа*. Москва: Политиздат; 1991. с. 332–335.

References

1. Khorkhaimer M, Adorno TV. *Dialektika prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow: Medium; 1997. 310 p. Co-published by the «Yuventa». Russian.
2. Furs VN. *Kontury sovremennoi kriticheskoi teorii* [Contours of the modern critical theory]. Minsk: European Humanities University; 2002. 164 p. Russian.
3. Gottfried PE. *The strange death of Marxism*. Columbia: University of Missouri Press; 2005. 176 p. Russian edition: Gottfried P. *Strannaya smert' marksizma*. Pinsker B, translator. Moscow: IRISEN; 2009. 249 p. Co-published by the «Mysl'».
4. Marcuse H. *Reason and revolution*. 2nd edition. London: Routledge & Kegan Paul; 1955. 453 p. Russian edition: Marcuse H. *Razum i revolyutsiya*. Shuberev AP, translator. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2000. 541 p.
5. Shavel SA. Heuristic perspective of Marxist sociology: to the 200th anniversary of Karl Marx birthday. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;1:47–62. Russian.
6. Adorno TV. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectic]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2011. 538 p. Russian.
7. Marković M. The idea of critique in social theory. *The Praxis International*. 1983;2:108–120.
8. Gobozov IA. [L. Althusser – an outstanding French Marxist philosopher of the 20th century]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2014;1:146–163. Russian.
9. Shikhardin NV. *Frantsuzskii neomarksizm: protivostoyanie gumanizma i tsientizma* [French neo-Marxism: the confrontation of humanism and scientism]. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo universiteta; 2009. 132 p. Russian.
10. Cohen GA. *Karl Marx's theory of history: a defence*. Princeton: Princeton University Press; 2001. 442 p.
11. Wriht EO. [What is analytical Marxism?]. *Voprosy ekonomiki*. 2007;9:121–138. Russian.
12. Lukach G. *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovanie po marksistskoi dialektike* [History and class consciousness: studies in Marxist dialectics]. Moscow: Logos-Al'tera; 2003. 416 p. Russian.
13. Reich W. Dialectical materialism and psychoanalysis. *Pod znamenem marksizma*. 1929;7–9:180–206. Russian.
14. Lepeshko BM. The French ideology. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:113–121. Russian.
15. Zapesotski AS. 50th anniversary of the youth revolution: version, results, lessons. *Journal of Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:105–112. Russian.
16. Poster M. [Merleau-Ponty's existential Marxism: the view of Mark Poster]. *Khora*. 2008;3:31–40. Russian.
17. Zhizhek S, Ruda F, Khamza A. *Chitat' Marksa* [Read Marx]. Moscow: Higher School of Economics; 2019. 176 p. Russian.
18. Althusser L. *Za Marksa* [For Marx]. Moscow: Praksis; 2006. 392 p. Russian.
19. Marcuse G. [The end of utopia]. *Logos*. 2004;6:18–23. Russian.
20. Althusser L. [Ideology and ideological state apparatuses (notes for the study)]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2011;3:14–58. Russian.
21. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya* [Eros and civilisation]. Moscow: AST; 2003. 528 p. (Philosophy). Russian.
22. Shchedrovitskii PG. [Marxism is not only Marx]. In: Guseinov AA, Tolstykh VI, editors. *Osvobozhdenie dukha* [Liberating the spirit]. Moscow: Politizdat; 1991. p. 332–335. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.08.2021.
Received by editorial board 06.08.2021.

НОМЕНКЛАТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (К ДИСКУССИИ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»)

В. Э. СМОРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Полемический стиль статьи обусловлен появлением в социологической литературе идей, подчеркивающих непреходящий характер существования номенклатуры как класса, присущего как советскому, так и современному российскому государству. Не менее спорны идеи, которые сводят функцию номенклатуры исключительно к определенному механизму выдвижения кадров, основанному на повышенной ответственности партийных организаций за проводимую хозяйственными органами идеологическую и хозяйственную политику. Предлагается социологическое и культурно-историческое объяснение природы и сущности номенклатуры как социального института, а также как социальной группы, присущей исключительно советскому государству. Подчеркиваются конкретно-исторический характер данного феномена, его обусловленность специфическими идейными, экономическими, политическими и социальными условиями в период становления и формирования советского государства. Раскрывается основная функция номенклатуры как социального института, основными целями которого были внедрение и развитие новой системы взаимоотношений, принципов и идеалов марксизма, воплощенных в советском проекте. Утверждается, что данная цель достигалась посредством решения двух основных задач: всемерного развития производительных сил, что реализовывалось через организацию плановой экономической системы и мобилизационного принципа экономического строительства; сохранения принципов взаимодействия, идеалов и ценностей коммунистических представлений не только как должного, но и, по возможности, как сущего. Эти задачи решались посредством идеологической монополии, в основе которой лежали определенная интерпретация марксизма и построенная на ней система агитации и пропаганды. Подчеркиваются успехи номенклатуры в достижении указанной цели. Отмечается, что статья не является апологетикой советской номенклатуры, так как в ней показаны причины не только взлета, но и падения этой властно-управленческой структуры советского общества. Доказывается непреходящий характер существования номенклатуры как социального института, что обусловлено спецификой советской державы. Утверждается, что в новом российском государстве, построенном на совершенно иных экономических и идеологических принципах, необходимость в таком социальном институте отпала.

Ключевые слова: номенклатура; советское общество; властно-управленческая структура; идеология; социальный институт; социальная группа; модернизация; социальные процессы; плановое хозяйство; советская экономика.

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Номенклатура как социальный институт советского общества (к дискуссии в журнале «Социологические исследования»). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:47–54. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-47-54>

For citation:

Smirnov VE. Nomenclature as a social institution of Soviet society (to the discussion in the journal «Sotsiologicheskie issledovaniya»). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:47–54. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-47-54>

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher. smirnoffv67@gmail.com

NOMENCLATURE AS A SOCIAL INSTITUTION OF SOVIET SOCIETY (TO THE DISCUSSION IN THE JOURNAL «SOTSIOLOGICHESKIE ISSLEDOVANIYA»)

V. E. SMIRNOV^a

^a*Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The polemical style of the article is due to the appearance in the sociological literature of ideas that emphasise the enduring nature of the existence of the nomenclature as a class, inherent in both the Soviet and modern Russian state. Also, no less controversial are the ideas that reduce the function of the nomenclature exclusively to a certain mechanism for the nomination of cadres, based on the increased responsibility of party organisations for the ideological and economic policies carried out by economic bodies. The article offers a sociological and cultural-historical explanation of the nature and essence of the nomenclature as a social institution and social group inherent exclusively in the Soviet state. The author emphasises the concrete-historical nature of this phenomenon, conditioned by the specific ideological, economic, political and social conditions of the Soviet state at the dawn of its formation and formation. The article reveals the main function of the nomenclature as a social institution, the main purpose of which was to implement and develop a new system of relations, principles and ideals of Marxism, embodied in the Soviet project. It is argued that the implementation of this goal was carried out by solving two main tasks: first, the comprehensive development of the productive forces, which was realised through the organisation of a planned economic system and the mobilisation principle of economic construction. Secondly, the preservation of the principles of interaction, the ideals and values of communist ideas, not only as a matter of course, but also, if possible, as a matter of fact. This was carried out through an ideological monopoly, which was based on a certain interpretation of Marxism and a system of agitation and propaganda built on it. The success of the nomenclature in solving these problems is emphasised. However, the article is not an apologetics of the Soviet nomenclature, since it shows the reasons for not only the «rise», but also the «fall» of the nomenclature as a power-management structure of the Soviet society. The main conclusion of the idea presented in the article is to prove the transitory nature of the existence of the nomenclature as a social institution, due to the specific economic, ideological, political and social conditions of the Soviet state, with the fall of which such a social group as nomenclature also went into oblivion. It is argued that in the new Russian state, built on completely different economic and ideological principles, the need for such a social institution has disappeared.

Keywords: nomenclature; Soviet society; power and management structure; ideology; social institution; social group; modernisation; social processes; planned economy; Soviet economics.

Некоторые проблемы, касающиеся истории советского государства, в частности социальной структуры и социальных механизмов развития общества, до сих пор обсуждаются с высоким эмоциональным накалом. С одной стороны, это говорит о непреходящей актуальности и проблемности названной области общественнознания. С другой стороны, это показывает, что идеологически обусловленное волнение участников дискуссии часто мешает объективному и спокойному анализу явлений советской истории, в частности институтов и механизмов их деятельности.

В данном смысле именно идеологическая ангажированность многих последних статей на эту тему заставила нас обратить внимание на проблему советской номенклатуры, дискуссия по поводу которой развернулась на страницах журнала «Социологические исследования» [1; 2]. Авторы статей обсуждают сущность феномена номенклатуры, а также его роль в истории страны. Например, Ю. А. Нисневич предложил подход, в рамках которого события новейшей истории России (в частности, так называемой эры Путина) рассматриваются как восстановление господства номенклатуры в новом виде [1]. При этом сам феномен номенклатуры, которая появилась вскоре после Октябрьской революции как фактор государственного строительства СССР, трактуется автором сугубо негативно.

Вслед за известными теориями С. М. Восленского [3] и М. Джиласа [4] Ю. А. Нисневич определяет номенклатуру как господствующий класс советского общества.

С ним не согласен А. В. Новокрещёнов [2]. Номенклатура, согласно его взглядам, была не более чем определенным механизмом выдвижения кадров, основанным на повышенной ответственности партийных организаций за проводимую хозяйственными органами идеологическую и хозяйственную политику, причем весьма эффективным механизмом. Соответственно, автор утверждает, что номенклатура не была классом.

Нам представляется, что к вопросу о сущности советской номенклатуры в рамках социологического знания необходимо подойти в первую очередь с точки зрения ее генезиса и функций в различные периоды развития советского общества. Советская эпоха вела свой счет с Октябрьской революции, которая имела фундаментальный характер и привела к смене доминирующего типа социальных отношений в стране. Однако понятно, что сам новый тип социальных взаимосвязей должен был зародиться гораздо раньше. Поэтому возникает вопрос: как это произошло и что в русской истории этому поспособствовало? Мы обращаем внимание на данный вопрос потому, что он прямо связан с появлением

номенклатуры как социального института и специфической социальной группы определенного периода истории.

В этом плане нельзя не упомянуть особую социально-культурную ситуацию в России в конце XIX – начале XX в. Речь идет о специфическом феномене – русской интеллигенции, которая формировалась в основном как служилая, была формально или неформально на службе у государства и, в отличие от интеллигенции европейских стран, не отражала интересы буржуазии, не связывала себя с нею, не формировалась вместе с нею в процессе развития буржуазных отношений. Русский интеллигент не рождался как джентльмен, т. е. как мелкий помещик, занимавшийся буржуазной деятельностью. Он не рождался и как приказчик этого джентльмена, его юрист, бухгалтер или газетчик, состоящий на содержании разбогатевшего джентльмена. Русский интеллигент не рождался в ткани буржуазного общества. Он был создан как бы сверху, волюнтаристски, чтобы осуществлять более-менее современное государственное управление на базе архаичной производственной системы страны [5, с. 84–85].

Конечно, русская интеллигенция вышла не только из чиновников. Все современные институты русского общества – медицинские, научные учреждения, университеты, академии, театры, предприятия – организовывались и финансировались государством, и деятели этих подсистем были подобны чиновникам. Нужно учитывать, что тогда система чинов охватывала все общество. И хотя в конце XIX в. в Россию бурно вторгся капитализм и появился социальный слой тех, кто трудился в сфере частного капитала, интеллигенция стала значимой силой довольно поздно. Групповое (или в широком смысле – классовое) сознание русской интеллигенции формировалось в отношениях с государством, причем получаемые материальные блага в виде жалованья не ассоциировались с реальной жизнью, не были достаточно очевидно связаны с большей или меньшей эксплуатацией населения. В связи с этим идеи господства, конкурентной этики и социал-дарвинизма, характерные для мировоззрения формирующейся социальной группы, буржуазии, не нашли места в мировоззрении интеллигенции. Именно здесь лежит то духовно-практическое основание, на котором вырастал обсуждаемый нами локус новых форм взаимодействия и отношений, включавший в себя идеалы служения обществу и народу, неконкурентного отношения между людьми, утрированного отсутствия меркантильности, даже непрактичности как «милый» черты, и утверждение идеального как единственно достойного побудительного мотива деятельности. При этом присутствовало ощущение несвободы со стороны государства с перманентной фрондой по отношению к нему (ведь фактически именно государство, у которого прямо или опосре-

дованно находились на службе эти граждане, могло осуществлять и осуществляло по отношению к ним тотальный диктат). Соответственно, актуальной стала апологетика внутренних мотивов и ограничителей деятельности в противовес внешнему принуждению.

Понятно, что такая интеллигенция была, словами классика, слишком далека от народа. Вернее, народ (пока это была почти исключительно крестьянская масса) был слишком далек от интеллигенции. Только когда в России появился, пускай и в относительно небольшом количестве, пролетариат, причем потомственный, ему и интеллигенции удалось найти друг друга на базе новых для России марксистских идей. Так постепенно зародился и получил развитие локус новой системы взаимоотношений, который впоследствии развернулся в советский проект.

Что такое локус в данном понимании? Это место, некая обособленная точка, узел связей, область, обладающая особыми качествами. Если перефразировать известное определение локуса из биологии, то это местоположение гена новых социальных взаимоотношений в определенном социальном пространстве. Его особенность заключалась в способах взаимодействий между представителями общности и вместе с этим в появлении ценностей и идеалов, обосновывающих эти новые способы взаимодействий. Сам локус был артикулирован на языке марксизма.

Как исторический пример можно привести наличие подобного локуса в поздней Античности (мы имеем в виду христианский локус как другую систему социальных взаимодействий нового типа и, соответственно, ценностей идеалов и целей деятельности) или протобуржуазного локуса в позднефеодальном мире. Более подробно о рождении этого локуса и советского общества в его основаниях излагается в работе [5].

Фундаментальной причиной появления и существования номенклатуры был тот факт, что в общественном производстве, если использовать марксистскую терминологию, в первой половине XX в. все еще господствовал простой совместный труд. Такому типу труда необходимы были внешняя организация и управление. В классическом буржуазном обществе таким организатором и управленцем являлся капиталист, а институтом, который позволял капиталисту организовывать труд и управлять им, – институт частной собственности. В советском обществе, пока и поскольку в нем господствовал простой совместный труд, должен был существовать и труд по управлению, т. е. должно было функционировать «начальство». А вот конкретная его форма зависела от исторической ситуации в стране в первые десятилетия советской власти.

Новый локус необходимо было развернуть в суперсистему – в этом состояла цель его представителей,

победивших в гражданской войне. Перед разворачивающейся суперсистемой и ее персональными представителями встала задача, которая заключалась в решительном «подстегивании» социально-экономических изменений в стране, интенсивном развитии производительных сил. Необходимо было поднять материальную основу общества до уровня, обеспечивающего естественное воспроизводство социальных отношений, адекватных отношениям, сложившимся в рамках описываемого нами локуса. Именно тогда в СССР начал складываться особый тип власти, выполнявший две основных задачи: всемерное развитие производительных сил, что реализовывалось через организацию плановой экономической системы и мобилизационный принцип экономического строительства; сохранение принципов взаимодействия, идеалов и ценностей коммунистически ориентированного локуса не только как должного, но и, по возможности, как сущего. Решение этих задач осуществлялось посредством идеологической монополии, а идеологией стали определенная интерпретация марксизма и построенная на ней система агитации и пропаганды. Эти две задачи были в значительной степени переплетены, что и обусловило в недалеком будущем рождение номенклатурной системы, в рамках которой происходило не только фактическое, но и формальное сращивание названных функций (речь идет о деятельности хозяйственных и партийных органов).

Тогда и был создан механизм в виде номенклатуры, в рамках которого работа на определенных должностях требовала согласования с высшими партийными органами. При этом трудно согласиться с мнением А. В. Новокрещёнова о том, что номенклатура – это исключительно технический механизм. Любая форма рекрутирования и продвижения претендентов на должностное восхождение в рамках любых институтов (в первую очередь связанных с властью) формирует особую социальную группу с определенными качествами, идеалами, ценностями и нормами поведения, формальными и неформальными. Причем она состоит не только из тех, кто добрался до самой вершины, но и из всей совокупности претендентов, начавших и осуществляющих это восхождение. Возможность и успешность этого восхождения прямо связаны с социализацией в рамках данного института, пониманием его формальных и неформальных норм и правил, готовностью им следовать. Также необходимо отметить, что данную систему истово защищают те, кто уже занял высокостатусные позиции в рамках института, ибо их социальное положение обосновывается легитимностью системы. В существенной степени этим достигается устойчивость подобных институтов. Таким образом, необходимо признать, что номенклатура – это не только механизм и не только социальный институт, но и сложившаяся социаль-

ная группа, численность которой куда больше, чем просто совокупное количество номенклатурных должностей.

Но вернемся к генезису номенклатуры. Нужно учитывать, что крайний дефицит образованных кадров в тот период вынудил новую власть использовать старых специалистов. Проблема состояла в том, что эти старые специалисты были воспитаны и социализированы в рамках традиционной для досоветского российского общества системы институтов и, соответственно, социальных взаимодействий. И даже при самом искреннем приятии новой власти их решения, реакции в той или иной ситуации не только не устраивали новое общество, но часто и несли опасность для него. Даже старые марксисты, деятели революционного движения, воспитанные и социализированные в обществе Российской империи с его сословно-буржуазным характером, нередко поддавались влиянию осуществляемого старыми специалистами прагматизма.

Сегодня в суждениях о поведении многих деятелей 1930-гг. стало общепринятым подчеркивать отсутствие прагматизма в идейно-мотивированных или просто отрицательно оцениваемых ими действиях, не учитывая того, что прагматизм имеет исторический характер. Очевидно, что прагматизм во времена Античности решительно отличается от прагматизма феодальной эпохи, прагматизма эпохи возрождения или буржуазного прагматизма, даже если само понятие и его теоретическое обоснование в эти периоды отсутствовали. Реалии российского общества также имеют свои критерии прагматизма, но оценивать с их точки зрения поведение людей других эпох и обществ, в том числе и советского довоенного времени, по меньшей мере ненаучно.

В этом контексте нужно понимать, почему необходимо было контролировать старых специалистов, в частности их действия и решения, с точки зрения классово правильных реакций и представлений, идеалов и ценностей. С этим также был связан феномен «выдвиженчества», в рамках которого на высокие управленческие должности выдвигались представители пролетариата, благодаря «классовому чутью» которых можно было, по замыслу организаторов, контролировать и поправлять старорежимных специалистов в их деятельности. Насколько успешной была такая практика, отдельный вопрос, требующий специального, причем глубокого исторического, анализа. Но в любом случае замысел вполне объясним.

Другая проблема была связана с решительной малочисленностью грамотных людей в России, причем людей, разделявших марксистские взгляды. Сама теория, строгое следование которой, по мнению коммунистического руководства, было залогом успеха социалистического строительства, подвергалась опасности извращения со стороны

архаического большинства населения страны. Не только марксистская образованная интеллигенция, но и потомственный пролетариат (и так немногочисленный и изрядно поредевший в годы гражданской войны, так как поставлял кадры для вновь создаваемых организационных структур в любых сферах деятельности) замещались в основном выходцами из села. За десятилетия индустриализации этот процесс усилился и парадоксальным образом «сознательность» пролетариата в довоенное время, по сравнению с дореволюционным, скорее снизилась, чем повысилась.

Руководство коммунистической партии вполне осознавало угрозу распада и извращения марксистской теории. Потому второй задачей формирующейся номенклатуры стал контроль над идеологией, соблюдение ее верной (единственно верной) трактовки. Отсюда – и определенная догматизация марксизма, и создание пресловутого учебника по истории ВКП(б)¹ [6]. В этом контексте можно понять, почему идеологическая борьба в СССР сопровождалась, особенно в довоенные времена, жестокими репрессиями в отношении противников. Если идеологический контроль был ресурсом власти, то и покушение на право определять единственно верную трактовку было покушением на властный ресурс, властные права и прерогативы. А конфликты по поводу власти в любой общественной системе отличаются особой жестокостью.

Итак, номенклатура создавалась и эволюционировала, выполняя две функции – контроль над хозяйственными решениями и идеологический контроль. Эти два направления и стали властными ресурсами, обеспечившими номенклатуре ее господствующее положение. И тут вряд ли уместны эмоциональные претензии Ю. А. Нисневича в отношении номенклатуры как некой общности, в корне пораженной кронизмом, другими формами фаворитизма, непрофессионализмом и всеми иными грехами. Скорее можно согласиться с позицией А. В. Новокрещёнова, согласно которой особенности института номенклатуры, ответственность высших представителей за деятельность рекомендованных назначенцев, если и не спасали полностью от предъявляемых недостатков, то существенно сдерживали их усугубление.

Успехи индустриализации и хозяйственного строительства, победа в жесточайшей войне, потребовавшей максимальной мобилизации и напряжения всех сил общества и государственной системы, послевоенное восстановление продемонстрировали высокое качество государственного управления в целом и номенклатуры в частности. Рассуждения

Ю. А. Нисневича об онтологических свойствах номенклатуры не выдерживают критики в первую очередь из-за терминологической неразберихи. Если мы говорим об онтологических свойствах, то мы должны изучать фактическое положение вещей в тот или иной момент времени. Мы должны ответить на вопросы касательно социального происхождения номенклатуры (не была ли она скрытым сословием), образования, жизненного пути и, что самое важное, трудовой деятельности. Такие исследования проводились О. В. Гаман-Голутвиной [7], О. В. Крыштановской [8], Т. П. Коржихиной [9], П. В. Смолянским², Н. В. Работяжевым [10] и др. Уровень образования представителей номенклатуры довольно строго коррелировался с уровнем образования в СССР [11]. Таким образом, советская номенклатура не демонстрировала сословных черт и плоть от плоти принадлежала советскому обществу.

Другой фундаментальной ошибкой является опора на теории М. Джиласа и М. С. Восленского, в которых номенклатура квалифицируется как эксплуататорский класс советского общества. Такое суждение зиждется на непонимании марксистских политэкономических представлений о сущности эксплуатации. В рамках марксистской теории эксплуатация – это политэкономическая категория, которая прямо связана с другими категориями, обусловлена ими и обуславливает их. Как замечал на этот счет А. В. Чаянов, «экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущие им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению» [12, с. 117]. В рамках советской экономической системы нельзя говорить о цене рабочей силы: в ситуации законодательно (и фактически) гарантированного права на труд не было рынка труда. Не было кредитного процента (этот процент устанавливался совершенно директивно в зависимости от экономических нужд), не было многого другого. Соответственно, не было капиталистической эксплуатации. Политэкономического анализа какой-либо другой (советской, как они полагали) формы эксплуатации ни М. Джилас, ни М. С. Восленский не проводили. Это понятие использовали не иначе как политический ярлык.

¹Впервые опубликован в 1938 г. В современной литературе представителями критического по отношению к СССР направления часто трактуется как пример догматизма в советской версии марксизма.

²Смолянский П. В. Особенности становления политической элиты современной России: историко-политологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 09.00.10. М., 1995. С. 20–21.

Впрочем, можно назвать еще одно качество эксплуатации. Ее целью является частное присвоение, т. е. продукция общественного производства присваивается в частных интересах собственника средств производства. И дело даже не в потреблении, а в использовании в интересах собственника. Например, производимый общественный продукт используется для конкуренции представителей господствующего класса, более того, в рамках этой конкуренции растрачивается и уничтожается значительная часть общественного продукта. Частный способ присвоения как раз и имеет следствием ту анархию капиталистического производства, о которой неоднократно писал К. Маркс. Только в ситуации частного присвоения можно говорить об эксплуатации. Но можно ли говорить о частном присвоении членами номенклатуры? Конечно, нет. Попытки выдумать какого-то коллективного эксплуататора в этом контексте есть оксюморон, не имеют смысла и демонстрируют элементарное непонимание основных политэкономических категорий.

Все сказанное не означает, что данная статья посвящена апологии номенклатуры. Мы всего лишь замечаем, что в определенную эпоху номенклатура (в широком смысле слова) вовсе не была каким-то паразитом-эксплуататором, играющим исключительно отрицательную роль в управлении государством. Номенклатура была социальным институтом, который выполнял, причем достаточно успешно, важные социальные функции. Специфика этих функций была предопределена экономическим, социальным и культурным состоянием Советской России в годы становления. Данная социальная группа состояла из людей, осуществлявших свою деятельность в рамках названного института. В этом плане нельзя не согласиться с приведенными А. В. Новокрещеновым словами Г. Х. Попова о том, что большую часть истории основными качествами представителей этой группы являлись «правдивость, высочайшая культура в работе, технологическая грамотность, четкость в каждой мелочи» [2, с. 133].

Именно поэтому и встает вопрос: почему данный институт со временем стал мощнейшим раздражителем для советского общества? Ведь очевидно, претензии к поистине ничтожным привилегиям и смешной в сравнении с современными элитами (что отечественными, что зарубежными) присваиваемой доле общественного продукта были поводом, а не причиной. И почему этот институт не только не сохранил себя, но и его крах сыграл решающую роль в гибели СССР?

Взгляды Ю. А. Нисневича, состоящие в том, что номенклатура с самого начала была отвратительным паразитом-эксплуататором, давно непопулярны. Чаще стали писать о вырождении номенклатуры. Впрочем, уже М. С. Восленский рассуждал об этом. Многие авторы, например С. Магарил [13], А. И. Кравченко [14], Ю. В. Фаненко [15], разделяют такую позицию. Однако причины вырождения номенклатуры не очень понятны. Тем более что прошли вовсе не века – история СССР длилась всего 70 лет.

Мы полагаем, дело было в ином. Изменения в деятельности номенклатуры, нормах и идеалах, лежащих в ее основании, были лишь следствием, ответом на преобразование самого общества. Причем эти изменения коснулись обоих столпов, на которых держались господство и номенклатура. Как уже было сказано, это контроль над хозяйственными решениями и идеологией.

Но если советская номенклатура зарождалась в архаичном обществе, на 90 % состоявшем из крестьян, то уже к 1950-м гг. социум решительно изменился. В жизнь вступали поколения уже с совершенно другим менталитетом (если можно использовать этот расплывчатый термин). Это уже были дети индустриального, урбанизированного общества, получившие весьма неплохое образование. Люди не только с высшим, но и со средним образованием уже не нуждались в подобного рода «жрецах» и «отцах народа» для изучения и понимания марксизма и всей совокупности идей, господствующих в ту эпоху в советском обществе. Собственно говоря, оттепель 1960-х гг. основывалась именно на активности этих новых поколений, желание которых реализовать себя в сфере идей номенклатура восприняла как покушение на основной ресурс своей власти.

Ее ответ был совершенно тривиален и обычен для господствующих групп, чувствующих угрозу своему положению. Историческим примером тому может служить теория официальной народности³. Это так называемое «подмораживание», которое заключается в отрицании изменений с опорой на традиционные ценности и использование общественных идеалов, святынь и ценностей для их защиты. Проблема такой стратегии заключается в том, что эти самые святыни и идеалы от такого использования ветшают и все более теряют свою действенность в обществе, что в свое время случилось в Российской империи, а затем в СССР.

Несколько позже появилась угроза второму основному ресурсу власти номенклатуры – контролю над

³Теория официальной народности – принятое в литературе обозначение государственной идеологии Российской империи в период царствования Николая I. Основные принципы были изложены С. С. Уваровым при вступлении в должность министра народного просвещения в его докладе императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» (19 ноября 1833 г.). Основными принципами идеологии стали православие, самодержавие, народность. Идеология имела крайне консервативный характер.

хозяйственными решениями. В СССР назревала необходимость реформирования народно-хозяйственной системы, и оба направления возможной реформы снижали, а в конечном счете и ликвидировали номенклатурный контроль за хозяйственными решениями⁴. Один из вариантов этого реформирования, косыгинский (или либермановский), повышал значение директоров предприятий, лишая номенклатурных руководителей существенной доли влияния. А другой вариант, нереализованный, связанный с идеями А. И. Китова и В. М. Глушкова о создании ЕГСВЦ и ОГАС, передавал львиную долю хозяйственного влияния новым общегосударственным органам планирования на базе развития информационных технологий, в частности, автоматизированных систем управления.

Как бы развивалась история СССР в случае, если бы второе направление реформирования было реализовано, мы можем только гадать. Но перипетии, связанные с решением о принятии этой системы, довольно подробно описаны⁵ [16], и очевидно, отказ от ее внедрения был связан вовсе не с относительной дороговизной (это скорее анекдот), а с противодействием определенных влиятельных групп партийно-хозяйственной номенклатуры. Во многом по тем же причинам была свернута и косыгинская (либермановская) реформа. Ее оценивают по-разному, в том числе и как неудачную. Однако в сворачивании этой реформы сопротивление групп номенклатуры, не желавших уступать контроль над ресурсами, сыграло немаловажную роль [17].

Таким образом, примерно с 1960-х гг. существование номенклатуры как института вступило в противоречие с дальнейшим развитием советского общества, а интересы номенклатуры как социальной группы разошлись с интересами социума. Номенклатура блокировала любые инновации как в сфере организации материального производства, так и в сфере идейного развития. Причем это происходило и ощущалось не только на уровне государственных решений, но и на уровне повседневной жизни. Как уже было сказано, номенклатура, сделав опорой своего консерватизма и сопротивления

любым изменениям святыни и идеалы советского общества, в конечном счете их разрушила, лишила действенной силы. И, естественно, как система рухнула.

Сама номенклатура вовсе не утратила профессионализма, высоких организационных навыков, а применила эти качества в соответствии с интересами своей социальной группы. В этом плане не удивительно, что представители советской номенклатуры оказались в первых рядах претендентов на власть и собственность в Российской Федерации и других постсоветских обществах.

Теперь же имеет смысл вернуться к вопросу, являлась ли номенклатура классом. Вряд ли. Как известно, К. Маркс употреблял понятие «класс» в разных значениях. При этом знаменательно, что его работа «Капитал» была окончена на главе, где автор собирался дать определение этого понятия, но не успел. Но одно свойство классов в марксизме очевидно: они существуют парами, имеющими антагонистическую природу. В процессе создания номенклатуры не находилась в таком антагонизме ни с рабочим классом, ни с крестьянством. Другое дело, что на закате своего существования ее интересы вступили в конфликт с интересами общества и номенклатура, как социальная группа, стала проявлять классовые, т. е. присущие классам, реакции.

Говорить же о возрождении номенклатуры в современной России считаем совершенно бессмысленным занятием, ибо этот социальный институт был продуктом крайне специфической ситуации в советском обществе в эпоху его становления. Сегодня нет господствующей модернизационной идеологии, в те годы выступавшей в виде марксизма, чистоту которого необходимо было блюсти, да и экономика не является плановой и общенародной, поэтому совершенно непонятно, о каком контроле над какими хозяйственными решениями можно говорить. Номенклатура могла возникнуть и возникла в исключительно специфической ситуации и в специфическом обществе, которые вряд ли когда-нибудь повторятся.

⁴Речь идет о всесоюзной экономической дискуссии 1962–1964 гг. и реформе А. Н. Косыгина 1965–1970 гг. Впервые основные идеи реформы были обнародованы в статье профессора Харьковского государственного университета Е. Г. Либермана «План, прибыль, премия» в газете «Правда» и его докладе «О совершенствовании планирования и материального поощрения работы промышленных предприятий», направленном в ЦК КПСС (Либерман Е. План, прибыль, премия [Электронный ресурс] // Ист.-эконом. исслед. 2016. Т. 17. № 3. С. 420–432. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plan-pribyl-premiya> (дата обращения: 22.05.2021). Предложению Е. Г. Либермана оппонировали взгляды академика В. М. Глушкова (Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М. : «Статистика», 1975. 160 с. ; Китов А. И. Электронные цифровые машины. М. : Советское радио, 1956. 358 с.). Суть проекта Е. Г. Либермана заключалась во внедрении и укреплении элементов частнособственнических отношений, а именно в материальной заинтересованности субъектов хозяйствования, их самостоятельности в распоряжении фондами и т. п. Проект В. М. Глушкова (и других, в том числе пионера советской информатики А. И. Китова) предлагал преодолевать проблему планирования усложняющейся экономики за счет технических средств, а именно создания единой государственной сети вычислительных центров (ЕГСВЦ) и на ее основе – Общегосударственной автоматизированной системы управления (ОГАС).

⁵Кутейников А. В. Проект общегосударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) и проблемы его реализации в 1960 – 1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2011. 25 с.

Библиографические ссылки

1. Нисневич ЮА. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России. *Социологические исследования*. 2018;8:143–152. DOI: 10.31857/S013216250000769-8.
2. Новокрещёнов АВ. Номенклатура как кадровая технология и механизм государственного управления (по поводу статьи Ю. А. Нисневича). *Социологические исследования*. 2020;1:132–137. DOI: 10.31857/S0132162500008331-7.
3. Восленский М. *Номенклатура*. Москва: Захаров; 2005. 640 с.
4. Джилас М. *Новый класс*. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер; 1961. 246 с.
5. Смирнов ВЭ. Социальные механизмы общественного развития: социологическая и историко-культурная реконструкция. Минск: Беларуская навука; 2016. 293 с.
6. *История ВКП(б)*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1944. 354 с.
7. Гаман-Голутвина ОВ. *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции*. Москва: РОССПЭН; 2006. 446 с.
8. Крыштановская ОВ. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. *Общественные науки и современность*. 1995;1:51–65.
9. Коржихина ТП. Советская номенклатура: становление, механизмы действия. *Вопросы истории*. 1993;7:25–38.
10. Работяжев НВ. Механизмы рекрутирования и воспроизводства политической элиты в посткоммунистической России. В: Мельвиль АЮ, редактор. *Проблемы политической трансформации и модернизации России*. Москва: Московский общественный научный фонд; 2001. с. 18–47.
11. Вашук АС. Изучение образовательного уровня советской номенклатурной элиты как инструмент анализа социальной трансформации общества во второй половине XX века. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018;10(1):79–91. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-79-91.
12. Чаянов АВ. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства. В: Чаянов АВ. *Крестьянское хозяйство. Избранные труды*. Москва: Экономика; 1989. с. 114–143.
13. Магарил С. Российский правящий класс: механизмы вырождения. *Общая тетрадь*. 2011;2:27–34.
14. Кравченко ВИ. *Социология*. Санкт-Петербург: ГУАП; 2001. 104 с.
15. Фененко ЮВ. *Введение в социологию*. Москва: Волгоград; 2003. 163 с.
16. Малиновский БН. *История вычислительной техники в лицах*. Киев: Фирма «КИТ»; 1995. 384 с. Совместно с издательством «ПТОО «А. С. К.»».
17. Павлов В. Поражение. Почему захлебнулась косыгинская реформа. *Родина*. 1995;11:68–70.

References

1. Nisntvich YuA. Regeneration of the nomenclature as the ruling social stratum in post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;8:143–152. Russian. DOI: 10.31857/S013216250000769-8.
2. Novokreschenov AV. Nomenclature as personnel technology and mechanism of public administration (regarding the article by Yu. A. Nisnevich). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;1:132–137. Russian. DOI: 10.31857/S0132162500008331-7.
3. Voslenskii M. *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow: Zakharov; 2005. 640 p. Russian.
4. Djilas M. *The new class: an analysis of the communist system*. New York: Frederick A. Praeger; 1957. 214 p. Russian edition: Djilas M. *Novyi klass*. New York: Frederick A. Praeger; 1961. 246 p.
5. Smirnov VE. *Sotsial'nye mekhanizmy obshchestvennogo razvitiya: sotsiologicheskaya i istoriko-kul'turnaya rekonstruktsiya* [Social mechanisms of social development: sociological and historical-cultural reconstruction]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. 293 p. Russian.
6. *Istoriya VKP(b)* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1944. 354 p. Russian.
7. Gaman-Golutvina OV. *Politicheskie elity Rossii: Vekhi istoricheskoi evolyutsii* [Russia's political elites: Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN; 2006. 446 p. Russian.
8. Kryshchanovskaya OV. Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1995;1:51–65. Russian.
9. Korzhikhina TP. [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action]. *Voprosy istorii*. 1993;7:25–38. Russian.
10. Rabotyazhev NV. [Mechanisms of recruitment and reproduction of the political elite in post-communist Russia]. In: Mel'vil' AYU, editor. *Problemy politicheskoi transformatsii i modernizatsii Rossii* [Problems of political transformation and modernisation of Russia]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond; 2001. p. 18–47. Russian.
11. Vashchuk AS. Studying of the educational level of the Soviet nomenclature elite as an instrument of the social transformation of society analysing in the second half of the 20th century. *Historical and Social Educational Idea*. 2018;10(1):79–91. Russian. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-79-91.
12. Chayanov AV. [To the question of the theory of non-capitalist systems of economy]. In: Chayanov AV. *Krest'yanskoe khozyaistvo. Izbrannye trudy* [Peasant farm. Selected works]. Moscow: Ekonomika; 1989. p. 114–143. Russian.
13. Magaril S. [The Russian ruling class: Mechanisms of degeneration]. *Obshchaya tetrad'*. 2011;2:27–34. Russian.
14. Kravchenko VI. *Sotsiologiya* [Sociology]. Saint Petersburg: GUAP; 2001. 104 p. Russian.
15. Fenenko YuV. *Vvedenie v sotsiologiyu* [Introduction to sociology]. Moscow: Volgograd; 2003. 163 p. Russian.
16. Malinovskii BN. *Istoriya vychislitel'noi tekhniki v litsakh* [History of computer technology in persons]. Kyiv: Firma «KIT»; 1995. 384 p. Co-published by the «ПТОО «А. С. К.»». Russian.
17. Pavlov V. [Defeat. Why the Kosygin reform was choked]. *Rodina*. 1995;11:68–70. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.05.2021.
Received by editorial board 13.05.2021.

УДК 316.74

СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОЛОГИЯ НАУКИ В НАЦИОНАЛЬНОМ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТАХ: СЛУЧАЙ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

И. Г. НЕДЕЛЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Гродненский областной институт развития образования,
ул. Гагарина, 6, 230011, г. Гродно, Беларусь

Описываются возможности применения социальной топологии П. Бурдьё для исследования неравенства в науке в национальном и транснациональном контекстах. Утверждается, что в условиях глобализации науки дискуссии об ее эгалитаризме, начавшиеся примерно в середине прошлого века, все активнее выходят за пределы национальных границ. Для изучения глобального неравенства в науке часто используются теоретические рамки мир-системного анализа, неоинституционализма, а также теории глобального говернментализма. Утверждается, что данные теории часто приводят к редукционизму, который игнорирует символическое измерение научной деятельности. Предлагается переоценить эвристические возможности социальной топологии П. Бурдьё, нивелирующей указанный недостаток других теорий. Исследование направлено на демонстрацию релевантности данной теоретической рамки для изучения неравенства в разных шкалах научной деятельности в связи с тем, что основной фокус внимания французского социолога находился на национальных академических системах. Определяются общие положения топологической концепции поля П. Бурдьё, а также единицы социального порядка поля науки. Продемонстрирована роль различных форм капитала в определении структуры социального пространства. На примере социальных наук рассматриваются особенности формирования научных полей, их взаимосвязь с другими полями, а также структура в разных шкалах. Структура научного поля в национальной шкале может быть обозначена в виде дихотомии *доминирующие – доминируемые* или *центр – периферия*. В транснациональной шкале данная дихотомия также сохраняется, но представлена национальными полями. Среди них доминирующее положение занимают США и Великобритания, которые обладают наибольшим объемом символической власти. Структура транснационального научного пространства, однако, является более сложной и включает в себя пересекающиеся поля национального,

Образец цитирования:

Неделевская ИГ. Социальная топология науки в национальном и транснациональном контекстах: случай социальных наук. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:55–63 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-55-63>

For citation:

Nedelevskaya IG. The social topology of science in national and transnational contexts: the case of social sciences. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:55–63.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-55-63>

Автор:

Илона Генриховна Неделевская – преподаватель кафедры образовательных технологий факультета профессиональной самореализации.

Author:

Ilona G. Nedelevskaya, lecturer at the department of educational technologies, faculty of professional self-realisation.
inrainbow21@gmail.com

регионального и более глобального масштаба. Утверждается, что применение теоретической рамки поля к исследованию транснационального научного поля будет оставаться привязанным к установлению и объяснению особенностей взаимодействия национальных научных полей до тех пор, пока государства будут сохранять свои институциональные границы в научной деятельности.

Ключевые слова: социальная топология; теория поля; неравенство в науке; научный капитал; транснационализм; П. Бурдьё.

THE SOCIAL TOPOLOGY OF SCIENCE IN NATIONAL AND TRANSNATIONAL CONTEXTS: THE CASE OF SOCIAL SCIENCES

I. G. NEDELEVSKAYA^a

^aGrodno Regional Institute of Education Development,
6 Gagaryna Street, Hrodna 230011, Belarus

The article explores the possibilities of application P. Bourdieu's social topology in the studying of inequality in science in national and transnational contexts. It is argued that in the conditions of globalising science, discussions about its egalitarianism, which began approximately in the middle of the last century, are moving beyond national borders. For the purposes of studying global inequality in science, scholars often apply the theoretical frameworks of world-systems analysis, neo-institutionalism, and the theory of global governance. However, these theories often lead to reductionism which ignores the symbolic dimension of scientific activity. The article suggests reassessing the heuristic potentiality of P. Bourdieu's social topology, which mitigates the mentioned drawback of other theories. The article aims to demonstrate the relevance of this theoretical framework for the study of inequality in different scales of scientific activity due to the fact that the French sociologist focused mainly on national academic systems. The article defines the general provisions of P. Bourdieu's topological concept of the field and the units of the social order of the scientific field. It also demonstrates the role of various forms of capital in determining the structure of social space. Based on the case of social sciences, the article explores the formation of scientific fields, their interaction with other fields, and their structure in different scales. The structure of the scientific field on the national scale can be defined as a dichotomy of *dominant – dominated* or *centre – periphery*. On the transnational scale, this dichotomy is also relevant but it is represented by national fields. Among them, the dominant position is occupied by the United States and Great Britain, which have the largest amount of symbolic power. The structure of the transnational scientific space, however, is more complex and includes overlapping fields of national, regional and more global dimensions. The article argued that applying the theoretical framework of the field to the study of the transnational scientific field will remain tied to the definition and explanation of the peculiarities and the interaction of national scientific fields as long as national states keep their institutional boundaries in scientific activity.

Keywords: social topology; field theory; inequality in science; scientific capital; transnationalism; P. Bourdieu.

Introduction

The entry of Belarus into the European higher education area (EHEA) and Bologna process intensified international academic communication in various forms, from participation in scientific events and projects to publishing scientific works in journals. On the one hand, these processes contribute to positive change. On the other hand, the national system faced growing institutional pressure based on various academic rankings. The issues of publication activity and academic rankings are often declared as a priority in science policy but at the same time they become challenging tasks for organisations and scholars.

A similar trend of globalising science is covering more and more countries. The growing number of researchers confronting the norms and requirements of the production and spreading of scientific knowledge in the international context fuels debate about the

non-egalitarian nature of science [1, p. 72], replacing the focus from national onto global inequality.

Today, several approaches offer a theoretical framework for studying scientific production in the international space. The key ones include world-systems analysis, neo-institutionalism, a theory of global governance, and a field theory. Despite the differences between these approaches in theoretical principles, they all enable to use a vertical scale for differentiation of structure of the scientific space in the definitions of *dominant – dominated*. Authors referring to these theories suggest dividing the international scientific space into core and periphery representing the countries of the so-called global North and global South, respectively [2]. In most of the cases, the positions of dominance of various countries are explained by the inclusion of scientific production in broader social and ideological

structures. The arguments of this thesis can be considered rather fair, however, as some researchers note, they can also lead to reductionism, which ignores the symbolic component of the scientific production system [3, p. 195].

A broader theoretical framework in the form of a field concept was proposed by P. Bourdieu. This con-

cept has remained outside the attention of scholars of science studies for a very long time, but now its heuristic strength is being reassessed. In this article, we also sought to contribute to this reassessment trying to demonstrate the applicability of this concept to the social science field in national and transnational contexts.

The topological notion of the scientific field

The notion of the field is a key notion in P. Bourdieu's topological conception of social space. According to his logic, the field is a relatively autonomous domain of activity with special rules for the functioning of institutions and agents relations. Each domain of activity can be considered a social field. For example, in his works, P. Bourdieu addressed the political and economic fields, as well as fields of religion, journalism, science, literature, and art. He also outlined other adjacent fields or subfields, as in the case of television.

The French sociologist identified some general properties of the field. Firstly, it is the conflicting nature of relations between agents, which reflects in the struggle for dominant positions (or the specific capital) in a given field; secondly, the irreducibility of the stakes of struggle and interests of one field to the stakes and interests of other fields; thirdly, the need for a habitus relevant to the field, which allows one to follow the rules and practices in a particular field; fourthly, the structure of the field is determined according to the structure of distribution of a specific type of capital in the field; finally, the unification of agents in a given field by a set of shared fundamental interests which are often not recognised and not reflected, forming the doxa of the field [4].

According to P. Bourdieu, the scientific field is a space of competitive struggle between positions (achieved in the previous struggle), where a specific stake is a monopoly on scientific authority, defined as technical ability and at the same time as social power, understood as the ability to speak and act on behalf of science legitimately [5, p. 474].

The relatively autonomous field of science emerged as a result of the differentiation of various fields and the growth of their autonomy due to the interaction of several factors. Some of them were associated with deepening the division of labour, while others – with some social, political, and economic processes accompanying the formation of national states. The latter played an important role in the formation of autonomous fields of cultural production, in which the activities of agents are focused on the production and distribution of symbolic goods, for example, in the form of works of art or scientific truths, because they stayed for a long time under the control of the church. The researchers admit that the problem of defining the precise chronology of the formation of social sciences as a field remains open for

discussion today but note that their institutionalisation is associated with the formation of nation-states and their academic systems [6, p. 687].

The economic and political fields can influence the fields of cultural production in different ways, depending on the specifics of their structure and the balance of power between them. For example, the market can weaken the restrictions imposed by the state, but at the same time introduce its own logic of profit, while the state, in turn, is able to counterbalance the effect of the market with cultural policy [7]. Concerning the scientific field, the effects of interaction with the economic and political field can reflect in the specifics of scientific policy, which determines the balance between the fundamental and applied science, the hierarchy of goals and priorities of scientific activity, and its censorship in a broad sense.

The social order of the scientific field, besides agents and relations between them, is also formed by the resources inherited from the past in objectified and incorporated forms, as well as by a number of institutions that provide the reproduction of the social order. P. Bourdieu defines objectified resources as materialised resources (for example, books, equipment, etc.) and institutions that provide the production of scientific knowledge, while he associates incorporated resources with scientific habitus, which is the system that generate patterns of perception, assessment and action and which enable the selection of particular objects, solutions and evaluation of those solutions [5, p. 491]. Moreover, in the scientific field, there are various types of institutions for the production and circulation of scientific goods, for (re)production of producers and consumers (in the form of educational systems that form a scientific habitus), instances of recognition (in the form of academies, awards, etc.) and instances and instrument for the dissemination of the results of scientific production. Among the latter the French sociologist places particular emphasis on scientific journals, «which, through selection implemented in accordance with prevailing criteria, ensure the recognition of products that meet the principles of official science, constantly giving an example of what deserves to be called science, and carry out actual censorship of heretical products either by open exclusion of them, or by determining what can be published, discouraging the desire to be published»¹ [5, p. 491].

¹Hereinafter translated by us. – I. N.

The structure of social space, including the social field, is determined by the distribution of the symbolic capital relevant to it. The category of capital is one of the cornerstones in P. Bourdieu's social topology. Generally, capital is resources of both tangible and intangible forms that allow one to legitimately exercise power in the social space. P. Bourdieu distinguishes four forms of capital: economic, cultural, social, and symbolic, which differ in liquidity, convertibility, and the potential for inflation.

Economic capital coincides with the general concept defined in the framework of economic theory. This type of capital is «immediately and directly convertible into money and may be institutionalised in the form of property rights» [8, p. 242]. Social capital refers to real or potential resources associated with «possession of a durable network of more or less institutionalised relationships of mutual acquaintance and recognition – or in other words, to membership in a group» [8, p. 247]. Cultural capital is more multidimensional and includes three states: incorporated, objectified and institutionalised. The incorporated state is associated with differences in the abilities and competencies of agents, or with «dispositions of the mind and body» [8, p. 243]. The objectified state is associated with the possession of material objects and means, while institutionalised – with academic qualifications that have institutional recognition.

Transfigurations of cultural and social capital, which are perceived in accordance with classification schemes, determined by the very structure of capital distribution in a particular field, give rise to the fourth type which is symbolic capital. It is recognised «as legitimate competence, as authority exerting an effect of (mis)recognition» [9, p. 62]. It is the possession of symbolic capital that allows its owners to set the boundaries of legitimate norms and samples of culture in the broadest sense.

The distribution of various types of capital determines the structure of the social world and, through the establishment of restrictions, determines the chances of success for specific practices of agents. The general structure of the social world can be represented as

a multidimensional space, the fundamental level of which is the level of social classes. The level of social classes, in turn, determines the structure of the field of power in various social fields, which are relatively autonomous spheres of human activity with special rules for the functioning of institutions and agent relations. According to P. Bourdieu, the field of power is «the space of power relations between agents and institutions possessing the capital necessary to take dominant positions in various fields (in particular, in the economic and cultural)» [10, p. 369]. Exactly in this field, there is a struggle between agents with different types of capital on the establishment of rules of determining the value of certain types of capital, their preservation, and transformation, i. e., for defining the foundations of power.

This condition determines the presence of two opposing principles of hierarchisation and the corresponding spaces in the fields of cultural production: they are heteronomous and autonomous [11]. The heteronomous principle is associated with the subordination of the logic of the economic field and the field of power, according to which success is measured by such indicators as, for example, sales rating, circulation. On the contrary, the autonomous principle of hierarchisation reflects the logic of the field itself, within which the recognition of agents and the results of their work are determined by those who use recognition from their peers as the criterion of legitimacy (examples of this logic demonstrate the ideas of fundamental, or pure science as opposed to applied science). According to P. Bourdieu, the stronger the principle of autonomous hierarchisation is in a field, the more autonomous the field is, and vice versa.

In fields with a high degree of autonomy, the agents with the largest volume of symbolic capital wield power. As already noted, any types of capital can take the form of symbolic capital, which is perceived according to classification schemes determined by the structure of capital distribution in a particular field. Thus, symbolic capital, considered in the context of various social fields, is a specific capital relative to autonomous fields to which, among others, scientific capital belongs.

Scientific capital and field structure

P. Bourdieu defines scientific capital as «a special type of symbolic capital (which is known to be always based on acts of cognition and recognition), consisting in recognition (or trust), which is bestowed by a group of competing colleagues within the scientific field» [12, p. 56]. The condition for the accumulation of scientific capital is the demonstration of the «scientific contribution» of the agent (scientist) and the recognition of this contribution by other agents of the scientific field (scientists). P. Bourdieu writes that «to exist scientifically is to have a “plus” in terms of the categories of perception prevailing within the field, that is to say, for one's peers (“to have contributed something”), to

have distinguished oneself (positively) by a distinctive contribution» [13, p. 55]. The French sociologist considers acts of public recognition to be visible signs of this contribution, which mainly include scientific citations, scientific awards, and translations of works into foreign languages. Scientific capital, thus, acts as a symbolic capital of recognition, that is valid, for the most part, but not completely (due to the possibility of conversion into other types of capital and in other fields), within the limits of the field of science [13, p. 55].

The volume of accumulated scientific capital, which is the basis of symbolic power in the scientific field, depends on the value and originality of the scientific

contribution made by a scientist. The volume of scientific capital and its distribution determine the social structure of the field of science. The more scientific capital agents possess, the more legitimacy they have to define the norms of the scientific field and the hierarchy of scientific practices, objects, and research methods, i. e., ultimately, to exercise power through determining what is considered a science and «scientific». Vice versa, scientific capital of less volume limits the agents' influence in this field.

The distribution of scientific capital forms the social structure of the field of science. According to P. Bourdieu, it is able to determine the strategies of agents' behaviour in the scientific field. Thus, the French sociologist classifies the groups of agents with the largest volume of scientific capital as dominant. They can be designated as the orthodoxy of the scientific field, whose strategies aim to preserve the established order. Groups of agents with less scientific capital are the dominated class. Depending on their position in the field and social trajectory, these agents can choose both succession strategies, which are to follow the established scientific ideal and create «moderate» innovations, and disruptive strategies, which are to focus on redefining the principles of scientific legitimacy of domination [5, p. 492]. The latter strategy leads to stigmatisation of the agents who adhere to it as «heretics» and attempts to exclude them from the field; however, depending on the state of social order in the field, they can lead to success, becoming scientific revolutions. At the same time, the strength of the dependence of the choice of strategies on dispositions in the field is directly proportional to the dependence of the scientific order on the broader social order.

Taking into account the law of the division of labour, the French sociologist also distinguishes two aspects of scientific capital corresponding to two types of power operating in the field of science. One of them is secular, or political, power (from the French *temporales*). According to P. Bourdieu, it is «institutional and institutionalised power, which is associated with the occupation of important positions in scientific institutions, the administration of laboratories or faculties, participation in committees, examination boards, and so on, as well as power over the means of production (contracts, loans, posts) and reproduction (the power to appoint and advance in their careers), which is given to them by high positions» [12, p. 64]. In his works, he often refers to this aspect of scientific capital as political scientific capital. The second type of power is a specific scientific power based on poorly objectified and institutionalised recognition by a group of peers [12, p. 64]. The French sociologist associates it with pure scientific capital.

In addition to the differences in the foundations of power, P. Bourdieu also highlights other differences between political scientific capital and pure scientific capital. Firstly, there are differences in exposure to criticism. Since the latter is directly related to scien-

tific innovation, which carries a break with the current prerequisites, it is more susceptible to criticism and refutation than the political scientific capital characterised by greater institutionalisation. Secondly, these types of capital differ in acquisition strategies: if pure scientific capital is acquired and accumulated through the contribution of scientific discovery, political is accumulated through the concentration of time on administrative processes. Thirdly, there are differences in the way of translation. The pure type is incorporated in the agents' personality, and in this regard the process of its transmission, which can be expressed in the process of training, cooperation and consecration of followers, is complicated. The political type in its mechanisms is similar to the bureaucratic one, when «the definition of an official position is in some way adjusted to the applicant» [12, p. 66]. Fourthly, these types of capital differ in their ability to scale. While political scientific capital is almost completely limited by the national framework, pure scientific capital is able to go beyond them to the international level. Finally, they differ in the degree of convertibility. According to P. Bourdieu, political scientific capital is more easily converted into pure scientific capital due to the effect of a quasi-charismatic halo, when signs of academic recognition are given to agents for the very fact of their positions in the institutional scientific hierarchy [12, p. 68].

The two identified types of capital or power coexist in the space of the field of science. At the same time, depending on the structure of their distribution, the coexistence of these types of power can be more or less conflicting. In the first case, agents with various types of scientific capital can enter into cooperation to distribute administrative resources (in the form of personnel, equipment, etc.) required for research; in the second case, agents with political type of scientific capital may seek to exclude «heretics» from the institutional framework of scientific activity. However, according to P. Bourdieu, in any case, the actions of agents with political scientific capital are focused on maintaining the existing order in the scientific field.

The distribution of the two types of scientific capital determines the structure of power relations in the field and, accordingly, the structure of the positions of various agents. The agents' positions, through the influence of habitus and the perception of other agents of the field, determine the boundaries of possible practices for the production of scientific knowledge and relations between agents. Thus, having established the positions of agents in the structure of the scientific field, according to P. Bourdieu, one can determine the chances of success of certain practices of agents, as well as predict their possible behaviour in relation to the production and dissemination of scientific knowledge, which is manifested, for example, in hierarchisation of important and unimportant, interesting and uninteresting for research, as well as in the choice of places for publishing research results.

Within the framework of national borders, P. Bourdieu tried to record the spatial structure of the field of social and human sciences in France with the help of statistical analysis of various indicators, among which were citation rates, membership in juries, examination and other commissions, as well as editorial boards membership [14, p. 146]. As for the study of strategies or position-takings of agents in the field of science, during his period of work P. Bourdieu only managed to outline the directions of such analysis, which today social scientists are only beginning to explore.

It is also worth noting that P. Bourdieu did not operate with such categories as core or periphery; however, these spatial categories quite easily entered as analogies of dominant and dominated in the discourse of researchers using P. Bourdieu's optics as a theoretical framework. For example, centre-peripheral relationships were illustrated by researchers of the literary field [15]. Unfortunately, we have not succeeded in finding studies that illustrate such relationships within national boundaries, but some studies vividly demonstrate the patterns of such a dichotomy at the international level [16].

National scientific fields in transnational context

As noted earlier, social sciences differentiated as a relatively autonomous field during the period of nation-state building. This period shaped the differences of national academic fields not only in relation to language but also intellectual traditions (as in the case of German hermeneutic method as an alternative to British empiricism and French positivism) [6, p. 689]. Nevertheless, the boundaries of the national fields of science have always been susceptible to international interaction to one degree or another.

The nature of international interaction has changed throughout the history of the social science field. As some researchers note, transnational relations of various kinds in the field of social sciences became organised in 19th century through two main institutions of the international scientific conference and the international scientific association [6, p. 689]. In the interwar period at the beginning of the 20th century, these processes were suspended and resumed after the World War II in the format of various associations and international organisations, which contributed to more regular transnational connections, as well as to the formation of an international disciplinary canon and an international hierarchy, dominated by scholars and scholarship from the United States [6, p. 690]. The collapse of the Eastern bloc and the development of the South Asian countries led to more active involvement of these countries in international interaction, and new information and communication technologies made it possible to cover the maximum number of agents around the world. Today, however, the interaction of national academic systems is becoming more and more transnational, or global, in nature. There is evidence from various studies, according to which social sciences are practiced in almost all regions and countries of the world, publication activity experiences increase simultaneously with the decrease in self-citations, and international cooperation and academic exchanges are intensifying [6, p. 691].

The structure of this emerging transnational scientific field can be represented as a multi-level space where national, regional, and transnational fields overlapping each other. At the same time, based on the degree of accumulation of scientific (symbolic) capital,

or power, in the structure of the transnational field, it is possible to identify its core, semi-periphery and periphery. The core is represented by the United States and Great Britain. It is the national fields of these countries, in particular America, that are the hegemon in the transnational field of social sciences and, at the same time, the most independent from other national fields. This is evidenced by the results of various studies on the analysis of citations [17], editorial boards [16], faculty stuff education [18], as well as translation of scientific works into foreign languages [6]. These studies refer to the dominant position of researchers from the United States and Great Britain which determine the boundaries of the legitimacy of the production of scientific knowledge in the social sciences. According to the same indicators, the semi-periphery is formed by the scientific fields of Western European countries. The fields of other countries belong to the periphery. Research attention to these countries is drawn mainly from the side of scholars, whose academic interest is somehow related to these countries.

Scientists from national fields, whose borders are open for international interaction, have a choice of two key strategies (with the exception, perhaps, of hegemon, since they already dominate on a global scale): to exist only nationally or also globally. Some studies demonstrate a clear division of scientists into two such camps, which at the same time may not be familiar with each other's work [19]. Both may follow strategies of orthodoxy or heterodoxy in the national or transnational field which will be stigmatised as such depending on the social order in those fields.

Today, however, the division of scholars within national boundaries into globalisers and nationalisers in many national fields is blurring. One of the reasons for this blurring is the expansion of scientific policy based on the assessment of publication activity in peer-reviewed international journals, which encourages it to increase [20, p. 569]. In addition, some authors argue that the continuing dynamics of specialisation and disciplinary differentiation move scientific communication beyond national boundaries to explore problems arising in new disciplines and subdisciplines [20, p. 571]. In this regard, an increasing number of scientists are

faced with the alien normality of both other national scientific field and the transnational field.

Following the logic of social topology, different national fields of science may have similar positions, clustering in social space with different distances from each other according to the volume of symbolic capital. That means their social orders with the criteria of legitimacy and the hierarchy of agents' scientific practices are similar. Moreover, their geographical distance does not equate to the distance in the global social space. For example, despite the geographical distance, we can expect that the social order of the hegemonies of global science represented by the United States and Great Britain are highly similar, as the social order of some scientific fields of the former colonial states have more similarities with their metropolises than with the post-Soviet countries. In the same way, we can find more similarities in the social order of the fields of Russia and Belarus than of Russia and Finland.

The differences in the position of national fields are based on factors external and internal in relation to fields. External factors are associated with the peculiarities of the interaction of the scientific field with other fields, including in retrospect. As noted earlier, at a certain period of history, the economic and political fields became two key fields, striving to dominate in many regions of the planet. Particular national fields can interact with these fields in different ways, staying more autonomous or heteronomous. This interaction can differ in the degree of its mediation. For example, in the countries of the Soviet Union, the field of social sciences was extremely heteronomous and obeyed the logic of the political conjuncture. In the 1920s, sociology was recognised as a bourgeois science and was banned until the late 1950s. However, even after its revival in the 1960s, it was practiced more as an applied science with a high degree of censorship and self-censorship of scientists. Thus, in such conditions, the scientific fields of the Soviet countries formed social orders with their own priorities, objects and methods of scientific research, as well as their institutions.

The political field or economic field can impact more or less directly the scientific field through financial providing of its resources that are the primary economic capital functioning in the scientific field. This factor also influences the position of national fields in the transnational space. Here, two key areas can be distinguished: resource support for the research and resource support for the educational activity. Resource providing of the number of research positions, sala-

ries, equipment, access to databases, the library fund, participation in international scientific events affects the possibilities of choosing certain research objects and methods as well as the symbolic value of scientific contributions which can be made by agents from a particular field. For example, in the context of limited funding, we can expect that agent practices focus more on applied rather than fundamental studies. Their results, however, differ in the potential for the accumulation of symbolic capital in the international space: according to some researchers, scientific knowledge focused on local socio-economic needs (especially in peripheral countries) may be secondary in world science [21, p. 27].

The resource providing of educational activity, which is closely associated with research activity, has a similar effect. Here, however, the time factor has a more important stress. We can assume that university teachers with different classroom load and (or) schemes of material incentives tend to choose different strategies for producing and spreading scientific knowledge in the national and transnational scientific fields. These strategies differ in their potential to accumulate symbolic capital both within and outside the national scientific field.

Factors internal to the fields, which underlie the differences in their position in the transnational scientific space, are associated with the specifics of the social order of national fields. The foundations of the social order of the scientific field within national boundaries is outlined in the second part of the article, so here we only recall that the structure of the power positions of various agents is determined through the distribution of two types of scientific capital – pure scientific and political. Based on their positions, agents have more or less power to determine the boundaries of practices for the production and spreading of scientific knowledge, as well as the hierarchy of objects and methods of research and institutions, which also determine the features of the interaction of the national scientific field with other national scientific fields.

Thus, the peculiarities of the interaction of the national field with the economic and political fields determine the degree of field autonomy today. The field autonomy, in turn, determines the social order with its own rules for converting various types of capital into symbolic one (and vice versa), criteria for the legitimacy of practices, the hierarchy of agents, institutions, and scientific practices. As a result, one can observe how similar national fields occupy similar positions in the global centre-peripheral scale.

Conclusion

In this article, based on the example of the social sciences, we tried to assess the possibilities of applying the topological concept of the social field, proposed by P. Bourdieu, in studying the scientific sphere of activity at national and transnational levels. As

a result of the analysis, we can formulate the following conclusions.

1. The key provisions of the field concept, which the French sociologist developed and applied to national scientific fields, retain their relevance for application in

a transnational context. This is mainly possible due to the fact that science throughout its history has been susceptible to international interaction, which today is intensifying under the influence of globalisation processes.

2. The fields of science on various scales differ in their structure. At the national level, the interaction of dominant and dominated agents and institutions is primary, while at the transnational level – the interaction of dominant and dominated national fields, which agents and institutions represent. This circumstance is due to preserving the borders of national states as the institutional boundaries of scientific activity. As a result, the emerging transnational scientific field can be represented as a multilevel social space, where national, regional, and transnational fields occupy different positions and at the same time overlap each other.

3. Differences in the structure of scientific fields of various scales require the adaptation of the methodological principles of the field concept during its appli-

cation. Firstly, it concerns the determination of the degree of autonomy of the scientific field. Within national boundaries, it is based on dominating heteronomous or autonomous principles of hierarchisation, while at the transnational level it is determined based on the degree of the independence of national scientific fields relative to each other since transnational fields are at the emerging stage. Secondly, it is necessary to highlight the differences in the reconstituting of the structure of the field. In the case of the national level, the structure can be determined based on two types of symbolic capital – pure scientific and political. At the transnational level, the symbolic structure can be determined only according to the pure scientific capital. Thirdly, the determination of the fields' social order, their hierarchy, and criteria for the legitimacy of practices should be carried out at each level since the social order of the transnational field is not identical to the social order of national fields.

Библиографические ссылки

1. Жэнгра И. *Социология науки*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2017. 112 с.
2. Кисленко ИЮ. О роли понятий «глобальный Север – Юг» в глобальной социологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020;2:116–128. DOI: 10.21638/spbu12.2020.201.
3. Krause M. «Western hegemony» in the social sciences: fields and model systems. *The Sociological Review*. 2016;64: 194–211.
4. Бурдье П. Некоторые свойства полей. *Восток*. 2004;11:85–90.
5. Бурдье П. Поле науки. В: Бурдье П. *Социальное пространство: поля и практики*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. с. 473–517.
6. Heilbron J. The social sciences as an emerging global field. *Current Sociology*. 2014;5:685–703.
7. Sapiro G. Field theory from a transnational perspective. In: Medvetz T, Sallaz J, editors. *Oxford handbook of Pierre Bourdieu*. Oxford: Oxford UP; 2018. p. 161–182.
8. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J, editor. *Handbook of theory and research for the sociology of education*. Westport: Greenwood; 1986. p. 241–258.
9. Бурдье П. *Практический смысл*. Москва: Алетейя; 2017. 560 с.
10. Бурдье П. Поле литературы. В: Бурдье П. *Социальное пространство: поля и практики*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. с. 365–472.
11. Бурдье П. Рынок символической продукции. *Вопросы социологии*. 1993;1:49–63.
12. Бурдье П. Клиническая социология поля науки. В: Бурдье П, Качанов ЮЛ, Пэнто Л, Шматко НА, редакторы. *Социоанализ Пьера Бурдье*. Москва: Алетейя; 2001. с. 49–95.
13. Bourdieu P. *Science of science and reflexivity*. Chicago: University of Chicago Press; 2004. 168 p.
14. Бурдье П. *Homo academicus*. Москва: Издательство Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара; 2018. 464 с.
15. Anheier HK, Gerhards J, Romo FP. Forms of capital and social structure in cultural fields: examining Bourdieu's social topography. *American Journal of Sociology*. 1995;4:859–903.
16. Demeter M. Nobody notices it? Qualitative inequalities of leading publications in communication and media studies research. *International Journal of Communication*. 2018;12:1001–1031.
17. Ploszaj A, Olechnicka A, Celińska-Janowicz D. Core-periphery relations in international research collaboration. In: Costas R, Frassen T, Yegros-Yegros A, editors. *Proceedings of the 23rd International conference on science and technology indicators; 2018 July 18; Leiden, Germany*. Leiden: Leiden University; 2018. p. 1322–1327.
18. Demeter M, Toth T. The world-systemic network of global elite sociology: the Western male monoculture at faculties of the top one-hundred sociology departments of the world. *Scientometrics*. 2020;3:2469–2495.
19. Соколов М. *Академические репутации в российской социологии*. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге; 2020. 46 с.
20. Vanderstraeten R. Scientific communication: sociology journals and publication practices. *Sociology*. 2010;3:559–576.
21. Несветайлов Г. Центр-периферийные отношения и трансформация постсоветской науки. *Социологические исследования*. 1995;7:26–40.

References

1. Gingras Y. *Sotsiologiya nauki* [Sociology of science]. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House; 2017. 112 p. Russian.
2. Kislenko IY. [On the role of the «global North – South» notions in global sociology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 2020;2:116–128. Russian. DOI: 10.21638/spbu12.2020.201.

3. Krause M. «Western hegemony» in the social sciences: fields and model systems. *The Sociological Review*. 2016;64: 194–211.
4. Bourdieu P. [Some properties of fields]. *Vostok*. 2004;11:85–90. Russian.
5. Bourdieu P. [The field of science]. In: Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [The social space: fields and practices]. Saint Perersburg: Aleteia; 2005. p. 473–517. Russian.
6. Heilbron J. The social sciences as an emerging global field. *Current Sociology*. 2014;5:685–703.
7. Sapiro G. Field theory from a transnational perspective. In: Medvetz T, Sallaz J, editors. *Oxford handbook of Pierre Bourdieu*. Oxford: Oxford UP; 2018. p. 161–182.
8. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J, editor. *Handbook of theory and research for the sociology of education*. Westport: Greenwood; 1986. p. 241–258.
9. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [The logic of practice]. Moscow: Aleteia; 2017. 560 p. Russian.
10. Bourdieu P. [The field of literature]. In: Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [The social space: fields and practices]. Saint Perersburg: Aleteia; 2005. p. 365–472. Russian.
11. Bourdieu P. [The market of symbolic production]. *Voprosy sotsiologii*. 1993;1:49–63. Russian.
12. Bourdieu P. [A clinical sociology of the scientific field]. In: Bourdieu P, Kachanov YuL, Pento L, Shmatko NA, editors. *Sotsioanaliz P'era Burd'yo* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu]. Moscow: Aleteia; 2001. p. 49–95. Russian.
13. Bourdieu P. *Science of science and reflexivity*. Chicago: University of Chicago Press; 2004. 168 p.
14. Bourdieu P. *Homo academicus*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute for Economic Policy; 2018. 464 p. Russian.
15. Anheier HK, Gerhards J, Romo FP. Forms of capital and social structure in cultural fields: examining Bourdieu's social topography. *American Journal of Sociology*. 1995;4:859–903.
16. Demeter M. Nobody notices it? Qualitative inequalities of leading publications in communication and media studies research. *International Journal of Communication*. 2018;12:1001–1031.
17. Ploszaj A, Olechnicka A, Celińska-Janowicz D. Core-periphery relations in international research collaboration. In: Costas R, Frassen T, Yegros-Yegros A, editors. *Proceedings of the 23rd International conference on science and technology indicators; 2018 July 18; Leiden, Germany*. Leiden: Leiden University; 2018. p. 1322–1327.
18. Demeter M, Toth T. The world-systemic network of global elite sociology: the Western male monoculture at faculties of the top one-hundred sociology departments of the world. *Scientometrics*. 2020;3:2469–2495.
19. Sokolov M. *Akademicheskie reputatsii v rossiiskoi sotsiologii* [Academic reputations in Russian sociology]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg; 2020. 46 p. Russian.
20. Vanderstraeten R. Scientific communication: sociology journals and publication practices. *Sociology*. 2010;3:559–576.
21. Nesvetailov G. [Centre-peripheral relations and transformation of post-Soviet science]. *Sociological Studies*. 1995;7: 26–40. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.08.2021.
Received by editorial board 16.08.2021.

УРОВЕНЬ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПОВЫШЕНИЯ

А. А. БЕЛОВ¹⁾, С. А. БОРЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы,
пр. Победителей, 7, 220004, г. Минск, Беларусь

На основании статистических данных предложен подход к количественной оценке уровня воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь. С помощью данного подхода определено, что в системе подготовки и аттестации научных кадров проводится недостаточная работа с точки зрения ежегодного восполнения численности работников с ученой степенью. Выявлены количественные параметры функционирования системы подготовки и аттестации, необходимые для стабилизации численности научных работников высшей квалификации, занятых в экономике страны.

Ключевые слова: кадровый потенциал; научно-технический потенциал; научные работники высшей квалификации; воспроизводство научных работников; эффективность системы аспирантуры.

THE LEVEL OF REPLACEMENT OF EMPLOYEES WITH PhD DEGREES IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE PROSPECTS OF ITS IMPROVEMENT

A. A. BELOV^a, S. A. BOREIKO^a

^aBelarusian Institute of System Analysis and Information Support of Scientific and Technical Sphere,
7 Pieramožcaŭ Avenue, Minsk 220004, Belarus

Corresponding author: A. A. Belov (belov404.net@gmail.com)

Based on the available statistical data, an approach to the quantitative assessment of the replacement level of employees with PhD degrees in the Republic of Belarus is proposed in the article. The practical application of this approach made it possible to determine the inefficiency of the postgraduate education system in terms of the annual replenishment of the number of employees with an academic degree. The quantitative parameters of the performance of postgraduate education system which necessary to stabilise the number of employees with PhD degrees in the economy are determined.

Keywords: personnel potential; scientific and technical potential; employees with PhD degrees; replacement of employees; efficiency of the postgraduate education system.

Образец цитирования:

Белов АА, Бореико СА. Уровень воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь и перспективы его повышения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;3:64–74.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-64-74>

For citation:

Belov AA, Boreiko SA. The level of replacement of employees with PhD degrees in the Republic of Belarus and the prospects of its improvement. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;3:64–74. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-64-74>

Авторы:

Андрей Александрович Белов – кандидат социологических наук; заведующий отделом научно-методического обеспечения инновационного развития.

Снежана Андреевна Бореико – младший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения инновационного развития.

Authors:

Andrei A. Belov, PhD (sociology); head of the department of scientific and methodological support of innovation development.
belov404.net@gmail.com

Snezhana A. Boreiko, junior researcher at the department of scientific and methodological support of innovation development.
snezhana.boreiko@gmail.com

Введение

Трудовые ресурсы являются важнейшим фактором производства во всех видах экономической деятельности. В научной сфере роль данного ресурса приобретает особое значение. Это обусловлено высокими требованиями к уровню профессиональных компетенций научных работников, деятельность которых направлена на создание (приращение) новых знаний. В целях обеспечения необходимой квалификации научных работников в стране должны функционировать соответствующие институты и создана инфраструктура для их подготовки. Формирование такой системы – долговременный и дорогостоящий процесс, поэтому показатели воспроизводства научных кадров часто рассматриваются в качестве индикаторов приоритетности и востребованности науки в государстве.

В Беларуси значимость кадрового потенциала науки актуализируется в контексте национальной безопасности в научно-технологической сфере¹. Одной из основных угроз национальной безопасности выступает снижение научно-технологического и образовательного потенциала до уровня, неспособного обеспечить инновационное развитие страны.

Подобная постановка проблемы вполне корректна и подтверждается данными международной статистики. Как показывает международный опыт, инновационное развитие тесно связано с уровнем научно-технологического и образовательного потенциала, в том числе с воспроизводством научных кадров. Так, наиболее высокие позиции в глобальном индексе инноваций (далее – ГИИ) занимают страны с самыми высокими показателями подготовки научных кадров. Указанная закономерность подтверждается высокой корреляцией двух показателей – рейтинговой оценки страны в ГИИ и количества выпускников аспирантуры в расчете на 10 тыс. населения. В рамках данной работы информация собрана для 55 стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европы и СНГ. Коэффициент корреляции составил 0,84, что свидетельствует о сильной связи показателей.

В настоящее время по количеству выпускников аспирантуры Беларусь уступает большинству стран-

лидеров инновационного развития. В нашем государстве на 10 тыс. населения приходится всего 0,83 аспиранта. В целом это соответствует уровню стран СНГ (в России этот показатель составляет 1,25 аспиранта, в Молдове – 0,87, в Кыргызстане – 0,73). В странах Европейского союза данный показатель в среднем составляет 2,05. При этом высокие значения характерны не только для традиционных лидеров (Германии, Франции, Скандинавии), но и для многих стран Центральной и Восточной Европы (например, для Словакии – 2,63, Словении – 2,29, Чехии – 2,20). Зависимость уровня инновационного развития от уровня подготовки научных работников высшей квалификации в странах ОЭСР, Европы, СНГ представлена на рис. 1. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь с точки зрения кадрового потенциала науки отмечается угроза неблагоприятной возрастной структуры, а также недостаточного уровня подготовки научных кадров.

Уровень подготовки научных кадров можно рассматривать в следующих аспектах:

- качественном (отражает уровень профессиональных и исследовательских компетенций научных кадров);
- количественном (характеризует способность действующей системы подготовки и аттестации обеспечивать воспроизводство численности научных кадров).

В рамках данной работы нами исследован количественный аспект. Согласно приведенным статистическим данным для Беларуси характерен невысокий уровень подготовки научных кадров (она занимает 44-е место из 55 стран).

Однако межстрановые сопоставления не позволяют определить, какую тенденцию задает сложившийся уровень подготовки научных кадров с точки зрения воспроизводства их численности. Приводит ли нынешний уровень подготовки к сокращению численности ученых, или он вполне достаточен для воспроизводства кадрового потенциала науки? Поиск ответа на данный вопрос и является целью настоящей статьи.

Методические комментарии

В рамках данного исследования изучаемой совокупностью выступают научные работники высшей квалификации (далее – НРВК). Следует отметить, что данное понятие активно используется в законодательстве, однако ни один из нормативных правовых актов не дает его четкого определения.

Использование этого понятия в законодательстве демонстрирует некоторую двойственность и противоречивость. Подобная ситуация обусловлена тем, что отношения, связанные с воспроизводством НРВК, затрагивают как сферу образования, так и сферу науки.

¹Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

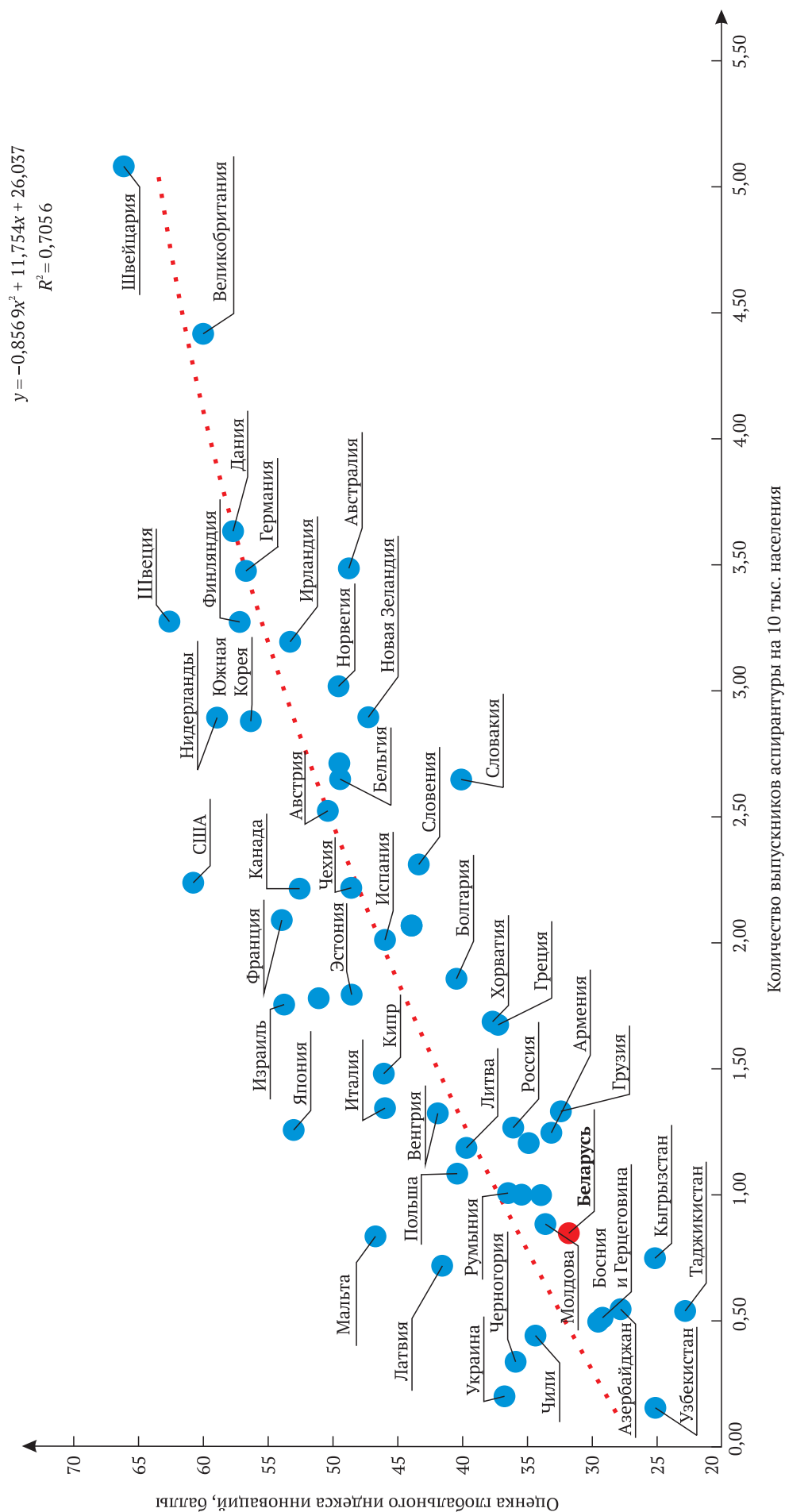

Рис. 1. Зависимость уровня инновационного развития от уровня подготовки научных работников высшей квалификации в странах ОЭСР, Европы, СНГ (составлено на основе [1–9])

Fig. 1. The dependence of the level of innovative development on the level of training of highly qualified scientists in the OECD countries, Europe, and the CIS (compiled on the basis [1–9])

Понятие НРВК применяется в Кодексе Республики Беларусь об образовании² (далее – Кодекс об образовании) в связи с подготовкой специалистов в аспирантуре и докторантуре. В частности, при зачислении лица для обучения по программам послеевропейского образования заключается договор о подготовке научного работника высшей квалификации. При этом, согласно Кодексу об образовании, успешное завершение послеевропейского образования и, соответственно, выполнение договора о подготовке НРВК не связано с вопросами защиты кандидатской или докторской диссертации и присуждением соответствующей ученой степени.

Для аспирантов успешным завершением обучения являются выполнение индивидуального плана и присуждение квалификации «исследователь», для обучающихся в докторантуре – выполнение индивидуального плана без присуждения квалификации. Таким образом, с точки зрения Кодекса об образовании, под НРВК можно понимать лицо, окончившее аспирантуру с присвоением квалификации «исследователь», и/или лицо, окончившее докторантуру.

Однако такой подход к определению НРВК не в полной мере коррелирует с Указом Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2011 г. № 561 «О некоторых вопросах подготовки и аттестации научных работников высшей квалификации»³ (далее – Указ № 561). В частности, в Положении о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь, утвержденном Указом № 561 (далее – Положение о присуждении ученых степеней), деятельность Высшей аттестационной комиссии (ВАК) в области присуждения ученых степеней отождествляется с аттестацией НРВК. Так, например, Глава 15 Положения о присуждении ученых степеней называется «Финансирование расходов по аттестации научных, в том числе научно-педагогических, работников высшей квалификации». В этой главе подробно расписаны расходы, которые возникают в процессе защиты кандидатских и докторских диссертаций и присуждения соответствующих степеней.

Таким образом, с точки зрения Указа № 561, конечной целью подготовки и аттестации НРВК является присуждение ученой степени. В данном контексте подготовка НРВК рассматривается лишь как этап более масштабного процесса, а предметом итоговой аттестации на данном пути является не выполнение индивидуального плана аспиранта или докторанта, а диссертационная работа. В рамках такого подхода под НРВК следует понимать лицо, имеющее ученую степень кандидата наук или доктора наук.

Вероятнее всего, подобная двойственность понимания НРВК в отечественном законодательстве возникла в результате желания поместить в рамки закона ситуацию, когда обучение в аспирантуре или докторантуре не заканчивается присуждением ученой степени. Действительно, если дать однозначное определение НРВК как лица с ученой степенью, то договор о подготовке НРВК должен заканчиваться ее присуждением. В противном случае получается, что НРВК не подготовлен и средства потрачены неэффективно. В случае же неэффективного освоения бюджетных средств они подлежат возврату.

Подобная цепочка выводов может парализовать систему подготовки НРВК, поскольку риск возврата средств будет вести к резкому снижению набора в аспирантуру и докторантуру. Для нашей страны это будет означать полную деградацию научной сферы, поскольку, как показывают статистические данные, даже сейчас Беларусь существенно отстает от большинства стран Европы по количественным показателям работы аспирантуры.

Таким образом, квалификация «исследователь», а также факт выполнения индивидуального плана в качестве финальной стадии подготовки НРВК являются скорее юридическим феноменом, позволяющим системе подготовки научных работников нормально функционировать. Конечно же целью этого процесса является именно присуждение ученой степени. Поэтому в рамках данной работы под НРВК будем понимать лицо, обладающее ученой степенью кандидата наук или доктора наук. Поскольку для получения степени доктора наук уже необходимо быть кандидатом наук, событием входа в совокупность НРВК целесообразно считать присуждение ученой степени кандидата наук.

Статистические данные о количестве НРВК, занятых в национальной экономике, формируются Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь (далее – Белстат) по строкам 22 и 23 формы государственной статистической отчетности 1-т (кадры) «Отчет о численности, составе и профессиональном обучении кадров» (далее – 1-т кадры). При этом данные о количестве занятых в 1-т кадрах определяются по состоянию на конец каждого отчетного года. Это весьма удобно для анализа показателей прироста (убыли) соответствующей совокупности за период. Так, абсолютный прирост (убыль) НРВК, занятых в экономике, за отчетный год определяется по формуле

$$\Delta = P_t - P_{t-1}, \quad (1)$$

где Δ – абсолютный прирост (убыль) численности НРВК, занятых в экономике, за отчетный год; P_t – численность НРВК, занятых в экономике, на конец

²Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З : в ред. от 23 июля 2019 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

³О некоторых вопросах подготовки и аттестации научных работников высшей квалификации : Указ Президента Респ. Беларусь от 1 дек. 2011 г. № 561 : в ред. от 8 мая 2020 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

отчетного периода; P_{t-1} – численность НРВК, занятых в экономике, на конец периода, предшествующего отчетному.

Следует отметить, что выбытие из изучаемой совокупности может происходить по совершенно разным причинам (выход на пенсию, смерть, миграция, временная безработица и др.). В данном случае формальным основанием для учета количества выбывших является факт прекращения трудовой деятельности лицом, обладающим ученой степенью. Некоторая погрешность в расчетах может быть обусловлена фактором временного выбытия. Например, лицо с ученой степенью может в отчетном году прекратить свою трудовую деятельность в Беларуси, а спустя время возобновить ее.

На данный момент отсутствуют достоверные сведения, позволяющие оценить масштабы возможного влияния фактора временного выбытия на динамику численности НРВК, занятых в экономике. По этой причине данный фактор в последующих расчетах будет игнорироваться. С точки зрения предмета настоящей статьи погрешность, обусловленная фактором временного выбытия, не может оказать существенного влияния на оценки и выводы. Данный фактор можно отнести к случайной компоненте временного ряда. В то же время в рамках данной работы анализируется достаточно продолжительный период времени (10 лет), на протяжении которого наблюдается устойчивый однонаправленный тренд по изменению численности НРВК. При этом анализ системы подготовки и аттестации НРВК рассматривается как фактор именно трендовой составляющей временного ряда.

Как уже отмечалось, событием входа в состав изучаемой совокупности является присуждение ученой степени кандидата наук. Сведения о присуждении ученых степеней за год формирует ВАК. В нашем исследовании количество защитившихся будет учитываться без иностранных граждан. Их учет может быть оправдан только при наличии сведений о том, что большинство из них после защиты остаются жить в Беларуси и становятся частью ее научных кадров. Однако такие сведения отсутствуют.

При этом для обеспечения единства методологии необходимо учитывать, что при расчете абсолютного прироста (убыли) НРВК по формуле (1) учитываются только лица, занятые в экономике. В соответствии с этим подходом при расчете количества вновь *прибывших* в состав НРВК необходимо было бы вычесть из общего количества защитившихся те лица, которые не заняты в экономике. Од-

нако с точки зрения предмета данной работы такая корректировка может не проводиться. Во-первых, средний возраст соискателя ученой степени кандидата наук составляет 35,5 года, т. е. практически все соискатели находятся в трудоспособном возрасте. Во-вторых, с точки зрения оценки уровня воспроизводства отсутствие такой корректировки покажет максимальную способность действующей системы подготовки и аттестации НРВК к замещению численности изучаемой совокупности, т. е. при расчетах допускается, что все защитившиеся кандидаты наук будут заняты в национальной экономике.

По данным Белстата мы можем определить абсолютный прирост (убыль) НРВК за год, а по данным ВАК – ежегодное число вновь прибывших в данную совокупность. При этом величина абсолютного прироста численности совокупности может быть определена как разность между числом вновь прибывших и числом выбывших за отчетный год по формуле

$$\Delta = \Pi - В,$$

где Δ – абсолютный прирост (убыль) численности НРВК, занятых в экономике, за отчетный год; Π – количество прибывших за год в состав НРВК, занятых в экономике (в рамках данной работы принимается равным количеству граждан Республики Беларусь, защитивших кандидатскую диссертацию в отчетном году); $В$ – количество выбывших за год из состава НРВК, занятых в экономике.

Тогда число выбывших из совокупности НРВК за год можно рассчитать по формуле

$$В = \Pi - \Delta. \quad (2)$$

После определения числа прибывших и выбывших за год уровень воспроизводства НРВК (R) может быть определен по формуле

$$R = \frac{\Pi}{В}. \quad (3)$$

Значения коэффициента R имеют следующую интерпретацию: при $R > 1$ действующая система подготовки и аттестации обеспечивает расширенное воспроизводство НРВК (такой коэффициент определяет рост НРВК в экономике); при $R = 1$ действующая система подготовки и аттестации обеспечивает простое воспроизводство НРВК (при таком коэффициенте обеспечивается сохранение численности НРВК в экономике на одном уровне); при $R < 1$ действующая система подготовки и аттестации обеспечивает суженное воспроизводство НРВК (такой коэффициент определяет сокращение численности НРВК в экономике).

Результаты исследования

По данным Белстата, на конец 2020 г. в экономике Республики Беларусь было занято 14 617 работников с ученой степенью, или 3,38 НРВК на каждую

тысячу занятых в экономике. За последние 10 лет численность НРВК в экономике страны уменьшилась на 2423 человека. Так, в 2010 г. численность

НРВК составляла 17 040 человек, или 3,62 на каждую тысячу занятых в экономике. Таким образом, численность НРВК в течение анализируемого периода сократилась на 14,2 % (среднегодовой темп убыли – 3,0 %).

Следует отметить, что в течение этого же периода в результате демографических процессов сокращалась и общая численность занятого населения. Общая убыль занятых в экономике составила 8,2 % (с 4703 в 2010 г. до 4319,6 в 2020 г.). Таким образом, в относительных величинах (в расчете на 1000 занятых) снижение численности НРВК несколько ниже и составляет 6,6 % за 10 лет (рис. 2).

В течение этого же периода гражданами Республики Беларусь было защищено 4125 кандидатских

диссертаций. При этом по данному показателю наблюдается стремительная негативная динамика. Так, если в 2011 г. было защищено 475 диссертаций, то в 2020 году их количество снизилось до 274, или на 42,3 %. Наиболее существенное снижение произошло в 2019–2020 гг. (рис. 3). Причины подобной динамики последних лет требуют отдельного исследования.

С учетом динамики общей численности НРВК, занятых в экономике, а также данных о количестве присужденных степеней кандидата наук в соответствии в формулой (2) можно рассчитать общее выбытие НРВК за год и на основании формулы (3) оценить уровень воспроизводства НРВК в стране.

Результаты расчетов представлены в табл. 1.

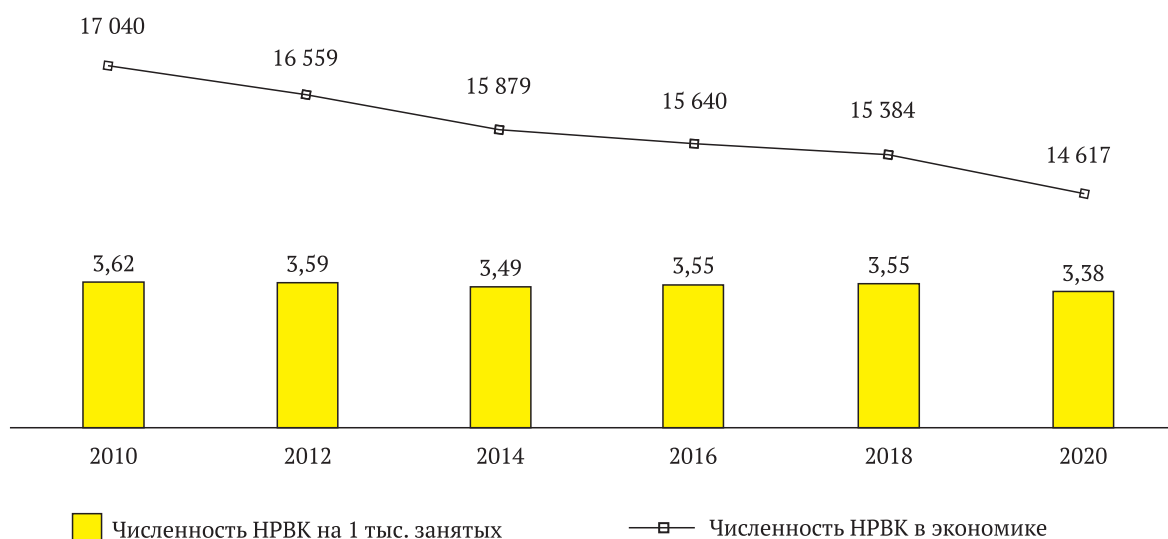

Рис. 2. Динамика численности НРВК, занятых в экономике

Fig. 2. Dynamics of the number of highly qualified scientists employed in the economy

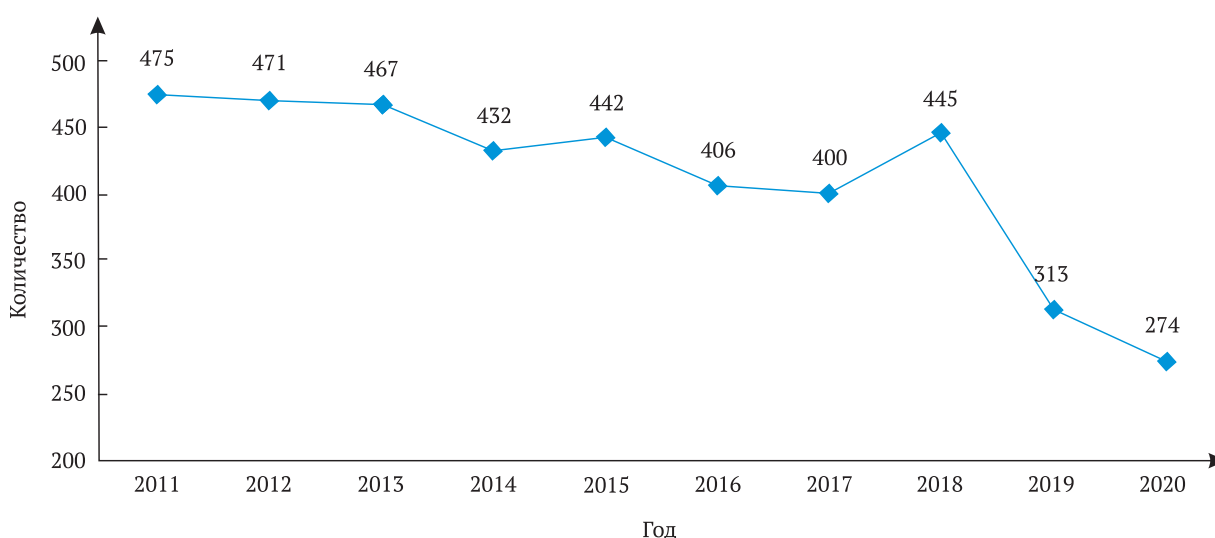

Рис. 3. Динамика количества присужденных степеней кандидата наук

Fig. 3. Dynamics of the number of PhD degrees awarded

Оценка уровня воспроизводства НРВК в 2011–2020 гг.

Table 1

Assessment of the level of reproduction of highly qualified scientists in 2011–2020

Показатель	2010	2011–2012	2013–2014	2015–2016	2017–2018	2019–2020	Всего
P_t – общая численность НРВК, занятых в экономике на конец периода, чел.	17 040	16 559	15 879	15 640	15 384	14 617	14 617
Δ – общий прирост (убыль)	–	–481	–680	–239	–256	–767	–2423
Π – количество защитивших кандидатские диссертации за период, чел.	–	946	899	848	845	587	4125
B – количество выбывших за год из состава НРВК, занятых в экономике, чел.	–	1427	1579	1087	1101	1354	6548
R – уровень воспроизводства НРВК	–	0,66	0,57	0,78	0,77	0,43	0,63

Как показывают результаты проведенных расчетов, в течение всего анализируемого периода количество выбывших НРВК за год существенно превышало количество новых специалистов с ученой степенью. В общей сложности за 10 лет прекратили свою деятельность в экономике страны более 6,5 тыс. НРВК. Как уже отмечено, за этот же период системой подготовки и аттестации обеспечено присуждение немногим более 4000 степеней кандидата наук. Таким образом, вновь подготовленные и аттестованные НРВК лишь на 63 % заменили выбывших работников с ученой степенью. Это свидетельствует о суженном режиме воспроиз-

водства НРВК, что определяет долгосрочную тенденцию по сокращению их общей численности в экономике.

Следует отметить, что негативная тенденция сокращения количества новых защит привела к значительному снижению уровня воспроизводства НРВК. Так, если в 2015–2018 гг. уровень воспроизводства превышал 75 %, то в 2019–2020 гг. снизился до 43 %. Подобная динамика уровня воспроизводства НРВК свидетельствует об угрозе национальной безопасности в научно-технологической сфере в связи с сокращением интеллектуального и образовательного потенциала.

Обсуждение результатов

Как показали результаты проведенной оценки, действующая система подготовки и аттестации НРВК не обеспечивает даже простого воспроизводства численности работников с ученой степенью. Как было отмечено, выбытие НРВК за 10 лет составило 6548 человек, т. е. в среднем около 655 человек в год. В тот же период в среднем за год присуждалось около 412 новых степеней кандидата наук. Иными словами, для обеспечения замещения НРВК необходимо повысить количество защит диссертаций в среднем на 243 единицы в год, или на 59 % к среднему уровню 2011–2020 гг. Решение указанной задачи возможно двумя способами – экстенсивным и интенсивным.

Экстенсивный путь заключается в наращивании численности приема и выпуска аспирантов

при сохранении текущего уровня эффективности аспирантуры. Имеющиеся статистические данные позволяют количественно оценить, какие показатели подготовки НРВК необходимо нарастить для достижения запланированного эффекта. В частности, на протяжении последних десяти лет наблюдаются устойчивые соотношения приема и выпуска аспирантов, а также выпуска аспирантов и количества защит диссертаций (табл. 2).

Как показывают данные табл. 2, в среднем за 2011–2020 гг. отношение численности выпуска из аспирантуры к приему составляло 66,7 % при стандартном отклонении $\pm 12,1$ %. Соотношение числа защит кандидатских диссертаций к численности выпуска из аспирантуры в среднем за период составляло 45,4 % при стандартном отклонении $\pm 6,2$ %.

Таблица 2

Соотношение основных показателей подготовки и аттестации НРВК

Table 2

The ratio of the main indicators of training and certification of highly qualified scientists

Год	Количество принятых в аспирантуру	Количество выпустившихся из аспирантуры	Число защит кандидатских диссертаций	Отношение выпуска к приему, %	Отношение защит к выпуску, %
2011	1732	1087	475	62,8	43,7
2012	1336	1071	471	80,2	44,0
2013	1320	1122	467	85,0	41,6
2014	1254	1071	432	85,4	40,3
2015	1380	922	442	66,8	47,9
2016	1393	776	406	55,7	52,3
2017	1337	744	400	55,6	53,8
2018	1473	792	445	53,8	56,2
2019	1300	712	313	54,8	44,0
2020	1093	780	274	71,4	35,1
<i>В среднем за 2011–2020 гг.</i>	<i>1362</i>	<i>908</i>	<i>413</i>	<i>66,7</i>	<i>45,4</i>
<i>Стандартное отклонение</i>	<i>155</i>	<i>156</i>	<i>65</i>	<i>12,1</i>	<i>6,2</i>

Следует отметить, что с методической точки зрения сопоставление представленных величин внутри каждого года не вполне корректно. Например, показатель выпуска из аспирантуры за каждый год формируется за счет обучающихся, поступивших 3–5 лет назад. Показатель количества защит также формируется за счет выпускников аспирантуры разных лет в прошлом, а также за счет соискателей ученой степени, которые вовсе не обучались в аспирантуре. Вместе с тем постоянство отмеченных соотношений на протяжении 10 лет, что подтверждается невысокими значениями стандартного отклонения, позволяет свидетельствовать о закономерном характере взаимосвязи данных показателей. Это дает основание полагать, что наращивание численности приема в аспирантуру через несколько лет приведет к увеличению численности выпуска, а это повлияет и на количество защит.

При условии сохранения отмеченных соотношений защит, выпуска и приема для обеспечения 655 защит кандидатских диссертаций необходим выпуск из аспирантуры в объеме не менее 1441 человек в год (45,4 %). В свою очередь, для обеспечения численности выпуска из аспиран-

туры в объеме 1441 человек в год необходимо обеспечить прием на уровне 2162 человека в год (66,7 %). При этом для достижения постоянного эффекта в размере 655 кандидатских диссертаций в год указанная численность приема должна сохраняться на заданном уровне не менее 10 лет. Это обусловлено в первую очередь сроками подготовки аспирантов (3–5 лет), а также сложившейся динамикой защит после окончания аспирантуры (как правило, предельная доля защитившихся достигается в период до 5 лет после окончания аспирантуры).

В свою очередь, *интенсивный путь* заключается в значительном увеличении эффективности системы подготовки НРВК. Для анализа этого сценария воспользуемся методом построения сетки Лексиса на примере пяти когорт и пяти календарных лет. Событием формирования когорт будет выпуск из аспирантуры. Численность выпуска из аспирантуры примем как постоянную величину на уровне 780 человек (фактическое значение 2020 г.). Событием выхода из когорты определим защиту диссертации. При этом вероятности события выхода в каждый год жизни когорты первоначально примем на уровне предыдущих лет [10, с. 11] (табл. 3).

Таблица 3

Сетка Лексиса для пяти когорт выпускников аспирантуры при текущих вероятностях защиты диссертации в каждый год после выпуска

Table 3

Lexis grid for five cohorts of postgraduate graduates with the current probabilities of defending a dissertation in each year after graduation

	Календарные годы				
	2021	2022	2023	2024	2025
5-й					16
4-й				40	40
3-й			41	41	41
2-й		37	37	37	37
1-й	95	95	95	95	95
Исходная численность когорты	780	780	780	780	780
Количество событий за календарный год	95	133	173	213	229

Как представлено в табл. 3, сложившийся режим функционирования аспирантуры (численность выпуска и вероятности защиты после выпуска) может обеспечить не более 229 защит в год. Эта величина рассчитывается по сетке Лексиса как сумма событий (защит) за 2025 г. во всех пяти когортах (16 + 40 + 41 + 37 + 95).

Следует отметить, что фактическое количество защит по стране за год будет всегда выше, чем может обеспечить аспирантура, поскольку значительная доля степеней кандидата наук присуждается соискателям, никогда не обучавшимся в аспирантуре.

Для достижения количества защит среди выпускников аспирантуры на уровне 655 диссертаций в год при сохранении численности выпуска на уровне 780 человек в год необходимо повысить вероятности защиты в течение пяти лет с момента выпуска в 2,855 раза. Иными словами, необходимо увеличить эффективность аспирантуры почти в три раза. В таком случае доля выпускников аспирантуры, защитившихся в течение пяти лет с момента выпуска, должна увеличиться с нынешних 29,4 % до 83,9 %. Таким образом, защититься в течение пяти лет должен не каждый третий выпускник, как это наблюдается сейчас, а 8 из 10 выпускников (табл. 4).

Таблица 4

Сетка Лексиса для пяти когорт выпускников аспирантуры при условии повышения текущих вероятностей защиты диссертации в 2,855 раза

Table 4

Lexis grid for five cohorts of postgraduate graduates, provided that the current probabilities of defending a dissertation increase by 2,855 times

	Календарные годы				
	2021	2022	2023	2024	2025
5-й					47
4-й				114	114
3-й			116	116	116
2-й		107	107	107	107
1-й	272	272	272	272	272
Исходная численность когорты	780	780	780	780	780
Количество событий за календарный год	272	379	494	608	655

Описанный сценарий повышения эффективности аспирантуры представляется маловероятным. Такой процент защит может быть достигнут только при условии резкого снижения уровня требований к диссертационным исследованиям и существенного упрощения процедуры защиты диссертации. Однако такие меры могут привести к снижению качества диссертационных работ и, соответственно, к обесцениванию самой ученой степени.

Более целесообразным представляется некоторый компромисс между наращиванием численности обучающихся в аспирантуре и одновременным повышением ее эффективности. Например, целевой показатель защит в год (655) можно обеспечить при увеличении численности приема до 1 673 человек и, соответственно, численности выпуска до 1 115 человек в год, а также при одновременном повышении эффективности аспирантуры в два раза (до 60 % защит в течение пяти лет после выпуска).

Заключение

Международные сопоставления показывают, что в настоящее время для Беларуси характерно низкое количество выпускников аспирантуры. По данному показателю наша страна более чем в два раза уступает среднему уровню стран ОЭСР и Европейского союза. При этом действующая система подготовки и аттестации не справляется с задачей по воспроизводству численности НБРК, занятых в экономике.

В течение последних 10 лет численность НБРК сократилась на 14,2 %, что существенно выше темпов сокращения общей численности занятых в экономике. При этом в 2019–2020 гг. существенно ускорилась тенденция по снижению количества защит кандидатских диссертаций. В результате в 2020 г.

система подготовки и аттестации НБРК обеспечила воспроизводство их численности на уровне немногим более 40 %. В среднем же за последние 10 лет уровень воспроизводства численности НБРК составил 63 %.

Сложившаяся ситуация представляет серьезную угрозу для научно-технологической безопасности страны. При сохранении сложившихся тенденций отставание Беларуси от других стран Европы будет только нарастать. Для стабилизации численности НБРК требуется реализация системных мер по значительному увеличению приема в аспирантуру (не менее чем в полтора раза) и эффективности аспирантуры (примерно в два раза).

Библиографические ссылки

1. Graduates by education level, programme orientation, sex and field of education [Internet]. Eurostat DATABASE [cited 2021 July 10]. Available from: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=educ_uoe_grad02&lang=en.
2. First-time graduate at the respective level of education [Internet]. OECD.Stat [cited 2021 July 10]. Available from: <https://stats.oecd.org>.
3. Малков ПВ, Баранов ЭФ, Безбородова ТС, Бобылев СН, Бугакова НС, Ваган ИС и др., редакторы. *Российский статистический ежегодник. 2020*. Москва: Федеральная служба государственной статистики; 2020. 700 с.
4. Вища освіта в Україні у 2019 році [Интернет]. Держстат України [процитовано 11 липня 2021 р.]. Доступно по: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/osv_rik/osv_u/vysh_osvita/arch_vysh_osvita.htm.
5. *Statistical Yearbook of Georgia: 2020*. Tbilisi: National Statistics Office of Georgia; 2020. 286 p.
6. О послевузовском образовании в Республике Казахстан на начало 2019/2020 учебного года [Интернет]. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [процитировано 11 июля 2021 г.]. Доступно по: <https://stat.gov.kz/official/industry/62/statistic/5>.
7. Doctoral students and graduates by form of studies and sex, 2005–2020 [Internet]. National Bureau of Statistics [cited 2021 July 11]. Available from: https://statbank.statistica.md/PxWeb/pxweb/en/30%20Statistica%20sociala/30%20Statistica%20sociala_07%20INV_INV070/INV070300.px/?rxid=9a62a0d7-86c4-45da-b7e4-fecc26003802.
8. О научной и инновационной деятельности в 2020 году [Интернет]. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [процитировано 11 июля 2021 г.]. Доступно по: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_28468/.
9. Population by sex and urban/rural residence [Internet]. United Nations Statistics Division [cited 2021 July 11]. Available from: <http://data.un.org/Data.aspx?d=POP&f=tableCode%3a1>.
10. Шумилин АГ, Гусаков ВГ, редакторы. *О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2015 года и за период 2011–2015 годов: аналитический доклад*. Минск: БелИСА; 2016. 230 с.

References

1. Graduates by education level, programme orientation, sex and field of education [Internet]. Eurostat DATABASE [cited 2021 July 10]. Available from: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=educ_uoe_grad02&lang=en.
2. First-time graduate at the respective level of education [Internet]. OECD.Stat [cited 2021 July 10]. Available from: <https://stats.oecd.org>.
3. Malkov PV, Baranov EF, Bezborodova TS, Bobylev SN, Bugakova NS, Vagan IS, et al., editors. *Russian statistical yearbook. 2020*. Moscow: Federal State Statistics Service; 2020. 700 p.

4. Higher education in Ukraine in 2019 [Internet]. State Statistics Service of Ukraine [cited 2021 July 11]. Available from: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/osv_rik/osv_u/vysh_osvita/arch_vysh_osvita.htm. Ukrainian.
5. *Statistical Yearbook of Georgia: 2020*. Tbilisi: National Statistics Office of Georgia; 2020. 286 p.
6. On postgraduate education in the Republic of Kazakhstan at the beginning of the 2019/2020 academic year [Internet]. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan [cited 2021 July 11]. Available from: <https://stat.gov.kz/official/industry/62/statistic/5>. Kazakh.
7. Doctoral students and graduates by form of studies and sex, 2005–2020 [Internet]. National Bureau of Statistics [cited 2021 July 11]. Available from: https://statbank.statistica.md/PxWeb/pxweb/en/30%20Statistica%20sociala/30%20Statistica%20sociala_07%20INV_INV070/INV070300.px/?rxid=9a62a0d7-86c4-45da-b7e4-fecc26003802.
8. About scientific and innovative activity in 2020 [Internet]. National Statistical Committee of the Republic of Belarus [cited 2021 July 11]. Available from: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_28468/. Russian.
9. Population by sex and urban/rural residence [Internet]. United Nations Statistics Division [cited 2021 July 11]. Available from: <http://data.un.org/Data.aspx?d=POP&f=tableCode%3a1>.
10. Shumilin AG, Gusakov VG, editors. *O sostoyanii i perspektivakh razvitiya nauki v Respublike Belarus' po itogam 2015 goda i za period 2011–2015 godov: analiticheskii doklad* [On the state and prospects of science development in the Republic of Belarus in 2015 and according to the results of 2011–2015: analytical report]. Minsk: BelISA; 2016. 230 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.08.2021.
Received by editorial board 07.08.2021.

СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются средства коммуникации новых религиозных движений в Республике Беларусь. Отмечается, что ввиду высокого уровня закрытости подавляющего количества новых религий для анкетирования, интервью, наблюдения и эксперимента их средства коммуникации с обществом являются наиболее доступным для исследования документальным источником первичной социологической информации. В рамках мониторинга конфессионального пространства страны, проводившегося с 1997 г., собрана информация о 1113 новых религиозных движениях. Документально зафиксированы средства коммуникации, используемые ими для трансляции религиозных идей и учений, в том числе в публичном пространстве Республики Беларуси. Выявлен ряд методологических проблем, связанных с анализом средств коммуникации новых религиозных движений. Установлена частота обращения новых религий к печатным СМИ, интернету, листовкам, книгам и специализированным периодическим изданиям. В зависимости от целевой аудитории все средства разделены на внутренние, внешние и универсальные. Проанализирована степень информативности внешних и универсальных средств, в том числе для научного анализа. Отмечено, что открытость новых религиозных движений для общества, предполагающая раскрытие новыми религиями значительной части внутренней информации, не означает автоматического признания и принятия социума, готовности к конструктивному диалогу с ним. Выявлена связь между типом новых религиозных движений по структуре и количеством используемых ими средств коммуникации. Установлено минимально доказуемое количество новых религиозных движений, заявляющих о себе в публичном пространстве посредством доступных для широких слоев населения средств коммуникации.

Ключевые слова: средства коммуникации; новые религиозные движения; печатные СМИ; листовки; нетрадиционная религиозность; анализ документов.

MEANS OF COMMUNICATION OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Theological Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus

This article is devoted to the analysis of the means of communication of new religious movements in the Republic of Belarus. Due to the high level of closeness of the overwhelming number of new religions for questioning, interviews, observation and experiment, their means of communication with society are the most accessible documentary source of primary sociological information for research. As part of the monitoring of the confessional space of the country, conducted since 1997, information was collected on 1113 new religious movements. The means of communication used by them to broadcast religious ideas and teachings, including in the public space of the Republic of Belarus, are documented. A number of methodological problems related to the analysis of the means of communication of new religious movements are identified. The frequency of appeals of new religions to print media, the Internet, leaflets, books and specialised periodicals has been

Образец цитирования:

Мартинovich ВА. Средства коммуникации новых религиозных движений в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:75–83.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-75-83>

For citation:

Martinovich VA. Means of communication of new religious movements in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:75–83. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-75-83>

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir A. Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics.
nrm2@yandex.ru

established. The entire set of means, depending on the target audience, is divided into internal, external and universal. The degree of informativeness of external and universal means of communication for scientific analysis, is analysed. It is noted that the openness of the new religious movements to society, which implies the disclosure of a significant part of their internal information, does not automatically mean recognition and acceptance of society, readiness for a constructive dialogue with it. The connection between the type of structure of the new religious movements and the number of different means of communication used by them is revealed. The minimum provable number of new religious movements working in the public space through means of communication accessible to the general population has been established.

Keywords: means of communication; new religious movements; printed media; leaflets; unconventional religiosity; documentary analysis.

Введение

Существует большое количество исследований, посвященных проблематике отношения новых религиозных движений (НРД) к обществу в целом и его институтам в частности [1–5]. Классификации такого отношения с разной степенью точности определяют его специфику [6]. Исследователями глубоко проанализированы отдельные НРД в многообразии их взаимодействий с миром [7; 8]. Однако без внимания остаются средства коммуникации, посредством которых НРД транслируют в общество свои религиозные идеи и учения. Несмотря на то что известен перечень средств коммуникации отдельных НРД, нет ответов на ключевые вопросы по этой теме для репрезентативных выборок НРД, т. е. на макроуровне анализа. Необходимо изучить, какие средства коммуникации используются, какова частота обра-

щения к ним разных НРД, а также соотношение друг с другом. Анализ средств коммуникации, наиболее активно использующихся разными НРД, приобретает особое значение с учетом высокого уровня их закрытости для анкетирования, интервью, наблюдения и эксперимента. Данные средства коммуникации являются наиболее доступным для ученого документальным источником первичной социологической информации на эту тему. Вслед за тезисом М. Маклюэна о том, что средство коммуникации есть сообщение, представим наши рассуждения на тему значения самих средств коммуникации НРД безотносительно их содержания [9]. Настоящая статья является введением в заявленную проблематику и не может претендовать на полноту охвата темы и анализ всех релевантных для нее вопросов.

Разновидности средств коммуникации НРД

Необходимо проводить различие между каналами и средствами коммуникации. Под каналом коммуникации следует понимать путь, маршрут трансляции сообщения от источника к одному или более получателям. Средством коммуникации выступает совокупность способов, а также технических и иных приспособлений, посредством которых осуществляется трансляция сообщения. Речь, жест, письмо, книга, афиша, телеприемник, интернет относятся к средствам коммуникации. Всю совокупность средств коммуникации НРД можно разделить по разным основаниям на следующие группы:

1) по целевой аудитории: внутренние (рассчитанные только на членов НРД), внешние (используемые только для коммуникации с обществом), универсальные (рассчитанные на использование внутри и вне организации одновременно);

2) по характеру транслируемого содержания: религиозные и нерелигиозные;

3) по вариантам использования НРД: одиночные (представленные только одной группой средств коммуникации) и комбинированные (представленные двумя и более группами).

Все НРД имеют внутренние средства коммуникации, но не у всех есть внешние и универсальные. Не все коммуникации НРД имеют религиозное содер-

жание. Наконец, не все НРД пользуются всеми доступными для них средствами коммуникации. Настоящее исследование посвящено анализу внешних и универсальных средств коммуникации НРД, применяемых для трансляции исключительно религиозного контента в одиночном и комбинированных вариантах использования.

Совокупность известных НРД любой страны не распределена по типам отношения к обществу и используемым средствам коммуникации. Ни для одной страны ученые с достоверностью не могут определить, какие конкретно средства коммуникации НРД используют чаще всего. Тем более не установлена связь между типом НРД по структуре и содержанию со спецификой отношения организации к обществу и/или возможным набором используемых средств коммуникации. Не доказано существование связи между количеством и спецификой средств, используемых НРД, и особенностями их отношения к обществу. Сохраняя ярко негативное отношение к миру, НРД может как активно распространять свои идеи с опорой на разные средства коммуникации, так и максимально дистанцироваться от любых контактов с миром. Так, представители Великого Белого Братства во время своего наиболее острого конфликта с обществом в 1991–1993 гг.,

когда оно предрекало конец света и полное уничтожение всего мира, активно проповедовали на улицах, распространяли литературу, развешивали листовки, давали рекламные объявления в белорусской прессе. Пензенские затворники ожидали конца света в землянках и не пытались воспользоваться средствами массовой коммуникации. В то же время НРД может достаточно хорошо относиться к обществу, но табуировать общение с миром на религиозные темы. Это касается значительного числа оккультно-мистических НРД. Члены таких групп являются гражданами, полностью интегрированными в жизнь общества. Однако они нигде, никогда и ни в какой форме не обсуждают религиозные темы, не распространяют учение НРД, никому не сообщают о факте существования НРД и своего членства в нем. Такие сообщества незаметны как отдельные общественные акторы. Они пытаются влиять на общество не проповедью своих идей, а формированием мировоззрения, системы ценностей и поведения своих последователей. Тем не менее можно предположить, что большое количество разных средств коммуникации является основным маркером стремления НРД донести какую-то информацию до мира. При этом содержание ее может быть разным: от агрессивного отторжения до попытки конструктивного диалога.

Средства коммуникации НРД обладают разной степенью информативности. Универсальные средства часто содержат достаточно важную информацию о религиозных движениях. Их использование является одним из маркеров открытости НРД к обществу, так как сторонним наблюдателям предлагается возможность изучать те же материалы, которыми пользуются члены НРД. Универсальные средства часто содержат много полезной для исследования информации и делают НРД более доступными для научного анализа. Отпадает необходимость в дополнительном сборе данных, контакте ученого с НРД – таким образом экономится время. Иначе обстоит ситуация с внешними средствами, которые по своей сути являются указателями, направляющими внимание человека на НРД. Их основное содержание сводится к ссылке на НРД, при установлении контакта с которым человек получает дополнительную информацию. Нередко вся информация сводится к анонсу встречи на религиозную тему с указанием названия религиозной организации и места собрания. Внешних средств достаточно для проведения исследования только в ситуации, когда социолог предварительно знаком с рекламирующим себя НРД, а краткая информация в печатных СМИ интегрируется им в массив иных данных по этой же организации. В противном случае реклама с выходными данными организации будет являться одновременно единственным источником информации об НРД. Она также может быть полезна при проведении самых неприятных по своим

целям исследований, например для установления самого факта деятельности множества разных НРД в стране. Однако любые чуть более сложные исследовательские проекты потребуют целого комплекса мер по сбору и анализу дополнительной информации об обучении НРД, его структуре, методах работы и т. д.

Открытость ряда НРД нельзя путать с признанием общества, принятием доминирующих в нем норм и ценностей, готовностью к диалогу с его институтами. Часто НРД раскрываются для внешнего мира только для того, чтобы продемонстрировать и обосновать его отторжение. Однако закрытые НРД не имеют универсальных средств коммуникации. Они поддерживают только внешние средства коммуникации, посредством которых приглашают людей в группу и сообщают о ней самые общие сведения. Важно отметить, что это правило действует исключительно для высоко- и среднеструктурированных типов НРД (сект и культов, клиентурных культов). Слабоструктурированные НРД в лице аудиторных культов не имеют развитого учения, которое они могли бы от кого-то скрывать. Внутренние средства коммуникации у них развиты слабо. Обращение к внешним средствам для них является не столько вопросом выбора стратегии работы с обществом, сколько наиболее доступным, экономичным и закономерным способом контактирования с миром. Они могут затратить определенные усилия на издание книг и т. д. Однако, становясь на путь развития внутренних и универсальных средств коммуникации, они одновременно инициируют процесс собственного организационного развития. Последний приводит их в конечном итоге к трансформации в более развитый по структуре тип НРД – клиентурные культы. Политика в области открытости организации становится вопросом простого выбора стратегии развития.

С течением времени средства коммуникации НРД могут меняться, что, как правило, связано с изменениями в политике открытости НРД и, как можно предположить, в отношении НРД к обществу в целом. Полный отказ от контактов может уступить попыткам убедить весь мир в истинности своего учения либо наоборот. Корректировки в средствах коммуникации могут также осуществляться и без какой-либо связи с изменениями в отношении НРД к миру, например, если НРД посчитает одну группу средств малоэффективной и предпочтет ей другую.

Наконец, НРД поддерживают разную частоту выходов на контакт с обществом. Регулярный контакт весьма распространен, но встречаются также примеры единовременного контакта (на начальной стадии работы) либо выхода на связь в строго ограниченные периоды времени, скажем, один раз в 10 лет (Небесные врата). При этом далеко

не всегда, опираясь на имеющийся в распоряжении ученого документ НРД, можно сделать однозначный вывод о частоте выходов организации на контакт с миром. Более того, однократные выходы НРД на контакт с миром непредсказуемы, а их документирование представляется сложнейшей задачей, так как заранее неизвестно, где, когда, в какой форме, на какой информационной пло-

щадке НРД попробует что-то рассказать о себе в обществе.

Поправку на актуальное учение и перипетии исторического развития НРД можно и нужно делать при изучении отдельных групп. Однако на уровне анализа совокупности НРД конкретной страны можно лишь де-факто фиксировать имеющиеся у них средства коммуникации.

Методология исследования

Анализ средств коммуникации НРД сопряжен с рядом сложностей, обусловленных обозначенной спецификой объекта исследования. В силу ряда методологических проблем, связанных с поиском документов по НРД [10], материалы для исследования собирались методом доступной выборки начиная с 1997 г. Был создан систематизированный архив, общий объем которого на 1 августа 2021 г. составил более 500 тыс. единиц хранения информации. В архиве собраны документы, фиксирующие деятельность 1113 НРД (их предполагаемая генеральная совокупность) в 916 населенных пунктах Республики Беларусь. Хронологические рамки исследования охватывают 1988–2020 гг. Процесс появления в стране ранее неизвестных НРД протекает на постоянной основе. Имеющаяся у нас информация о появлении НРД в Беларуси в 2021 г. и их средствах коммуникации в исследование не включалась. Не учитывались также невербальные, устные (проповеди на улицах либо среди знакомых) и аудиовизуальные средства коммуникации.

Для каждого из 1113 НРД собрано от одного до нескольких тысяч источников, документально фиксирующих их внутренние, внешние и/или универсальные средства коммуникации. Для настоящего исследования не имеют значения каналы коммуникации НРД, а также результаты попыток их контакта с миром. На объявление НРД в газете либо листовку мог никто не отреагировать. Значение имеет лишь само стремление НРД публично заявить о своем существовании, выраженное в доступном для анализа документе. Содержательное наполнение источников значимо лишь для их идентификации с конкретным НРД. Данная процедура проводилась на стадии сбора и первичного анализа документов. Разбору ее методологических особенностей посвящено отдельное исследование [11]. Для каждого НРД подсчитывалось количество разных средств коммуникации без поправки на частоту их использования. При этом были выделены пять основных групп средств коммуникации, используемых НРД в нашей стране для трансляции религиозного содержания. Рассмотрим каждую из них подробно.

1. Печатные СМИ Беларуси. К данной группе мы отнесли инициированные НРД рекламные объявления и статьи, размещенные в белорусских печат-

ных СМИ. В них сообщается о работе организации в стране, в упрощенном варианте доносится дополнительная информация об учении, культовой практике и других религиозных составляющих НРД. Для каждого НРД учитывался только факт рекламы, но не ее частота.

Печатные СМИ являются внешним средством коммуникации НРД. Газеты в редких случаях выделяют более одной страницы для рекламы конкретного НРД, которая никогда не содержит какой-то новой и важной для членов НРД информации. Последние имеют постоянный доступ к более содержательным и надежным источникам сведений по своей организации. Некоторые крупные НРД периодически перепечатывают статьи светских печатных СМИ на страницах собственных изданий, но исключительно в качестве свидетельства своего влияния на прессу и общество, т. е. для внутренней нерелигиозной коммуникации. В XX в. документально зафиксировано только одно НРД, для которого публикации в светских СМИ были универсальным средством. Это Трансмиссионная группа. Для данного НРД статьи в печатных СМИ являлись также важным средством внутренней религиозной коммуникации: от их наличия ставилось в зависимость второе пришествие мессии. Однако сегодня это НРД в Беларуси не представлено.

2. Листовки, афиши, плакаты информационного, рекламного и агитационного содержания, публично транслирующие сведения об НРД. Листовки и другие материалы могут быть разных размеров (от А6 до А0), цветов, могут быть напечатаны в типографии, распечатаны на принтере либо написаны от руки. Они могут распространяться из рук в руки, наклеиваться на столбы и здания, развешиваться в местах общего пользования, раскладываться в библиотеках, магазинах и других многолюдных помещениях, размещаться на стендах, официально предусмотренных для рекламы. Уличные листовки НРД под влиянием погодных условий достаточно быстро приходят в негодное состояние, но даже материалы, представленные в помещениях, в большинстве случаев уничтожаются после устаревания содержащейся в них информации. Нередко жизненный цикл листовки ограничивается одной-двумя неделями. Основная часть листовок датируется с точностью

до года и месяца, но для нашей работы важно было только попадание даты в хронологические рамки исследования. Заранее неизвестно, где, когда, каким образом и какие НРД будут распространять листовки, что делает мониторинг этого типа средств коммуникации достаточно сложным лонгитюдным предприятием. В исключительно редких случаях в Беларуси появлялись листовки НРД, не имеющих представительств в стране. В данном исследовании они не учитывались. Листовки НРД относятся к внешнему средству коммуникации религиозного содержания и внутри НРД практически не используются.

3. Книги и брошюры с информацией об учении, культовой практике НРД. Тираж, место издания, статус издательства, объем, особенности полиграфии и иные характеристики изданий не учитывались. Значение имела лишь фактическая доступность издания для не членов НРД без поправки на канал коммуникации. Так, книги, распространявшиеся через сеть государственных и/или частных книжных магазинов Республики Беларусь, входили в эту группу наравне с самиздатовской литературой, предлагавшейся прохожим на улицах городов. К этой же группе материалов относилась реклама НРД в так называемых каталогах новой духовности, а также во всевозможных сборниках работ, посвященных описанию деятельности представителей разных НРД. В книжных магазинах страны продается также литература большого количества НРД, не имеющих представительств в Беларуси. В исследовании она не учитывалась.

Книги, распространяемые НРД в Беларуси, относятся к универсальному средству коммуникации. В то же время целый ряд НРД имеет литературу, предназначенную исключительно для внутреннего пользования, недоступную для широкой общественности («Письма МО» у Детей Бога). Эти книги очень редко попадают в книжные магазины (как правило, букинистические), ведь они могут содержать телефонный номер или личную подпись владельца, что до определенной степени позволяет проконтролировать НРД и определить, от кого из членов произошла утечка внутренней информации. Само их наличие делает необходимым деление литературы на универсальную и внутреннюю. Большинство НРД с литературой для внутреннего пользования, как правило, имеют книги, публично распространяющиеся в стране. Именно они и фиксировались в исследовании.

Более глубокий анализ предполагает также деление литературы НРД на устаревшую и актуальную. Так, достаточно часто в публичном пространстве распространяются книги, уже вышедшие из употребления в НРД, например их ранние издания. В настоящей работе поправка на актуальность литературы НРД не делалась, хотя с учетом хронологических ра-

мок исследования определенная часть изученной литературы неизбежно устарела по меркам самих НРД.

4. Интернет-материалы, представленные собственными сайтами НРД и их рекламными публикациями на сторонних интернет-ресурсах. В исследовании учитывались сайты только на русском и белорусском языках, ссылающиеся на деятельность НРД в Республике Беларусь. Многие НРД выкладывают в интернете достаточно большой пласт информации о себе.

Периодически в интернете появляются массивы внутренних оригинальных документов и материалов НРД. Такие вбросы порой достаточно надежной информации представляют большой интерес для ученых, но в данном исследовании они не учитываются, так как не отражают стремление самого НРД к использованию интернета в качестве средства коммуникации. Интернет сделал возможным уход белорусов в НРД, никогда не действовавшие на территории Беларуси. Нам встречались примеры отъезда белорусов в другие страны для участия в НРД исключительно после знакомства с группой в интернете. Однако такие НРД не рассматривались в качестве фактически действующих в Беларуси, а их сайты не учитывались в исследовании.

Интернет-материалы также отличаются определенной нестабильностью. В силу этого релевантные для исследования сайты документировались в виде фотокопий экрана в формате .jpg с отражением белорусской специфики, интернет-адреса ресурса, даты. Тем самым, несмотря на любые изменения в работе НРД с интернетом, релевантная для социологического анализа информация сохранялась в ряде случаев спустя десятилетия после ее фиксации.

Интернет-материалы мы отнесли к универсальному средству коммуникации религиозного контента НРД. Ряд НРД имеет интернет-платформы с закрытым доступом исключительно для членов организации. Однако, как и в случае с книгами, в настоящем исследовании учитывались только общедоступные онлайн-сервисы.

5. Газеты и журналы НРД. Это специализированные периодические издания НРД либо издания, полностью посвященные распространению и рекламе учений и практик различных групп нетрадиционной религиозности. Начиная с 1988 г. в Республике Беларусь издавалось не менее 150 таких изданий и столько же ввозилось из стран ближнего зарубежья. Подавляющее большинство из них относятся к внутренним средствам коммуникации и рассчитаны исключительно на членов НРД. Однако среди них есть небольшая группа газет и журналов, распространявшихся в общественно доступных местах, например через киоски РУП «Белсоюзпечать» (газета «Тайна души» и др.) либо в процессе публичной проповеди (журнал «Сторожевая башня» и др.). Они изначально задумывались как универсальные

средства коммуникации и в настоящем исследовании учитывались именно в этом качестве. При этом достаточно часто одно издание в разных номерах рассказывало о деятельности совершенно разных НРД. Внутренние газеты и журналы НРД мы оставили без внимания.

В исследовании учитывалось использование НРД тех или иных средств религиозной коммуникации не в целом, а лишь в отношении Республики Беларусь. Так, например, в архиве автора есть оригинальные листовки и литература Аум Синрикё на японском и других языках, но в Беларуси их использование этой группой не зафиксировано. В то же время в стране была в обращении литература данного НРД на русском языке, давалась реклама в печатных СМИ страны, что и принималось во

внимание. Нам удалось отметить отличия средств коммуникации, используемых НРД в разных странах, но эта тема является предметом для отдельного исследования и выходит за рамки настоящей статьи.

Несомненно, целым рядом НРД используются средства коммуникации, которые не были зафиксированы автором на стадии сбора информации: определенная часть листовки не была вовремя обнаружена, сайты не задокументированы и т. д. При работе с 1113 разными организациями такие пробелы в сборе столь разнородных источников неизбежны. Именно поэтому все количественные данные в рамках исследования необходимо рассматривать лишь как минимально доказуемые значения.

Результаты исследования

В рамках исследования было документально зафиксировано следующее:

- реклама 567 НРД в 76 белорусских газетах (рекламные материалы НРД, не действующих в стране, не учитывались)¹;
- использование листовок, афиш и плакатов 313 НРД;
- распространение 7102 наименований книг 258 НРД;
- размещение в интернете ресурсов 375 НРД;
- реклама 60 НРД в специализированных газетах и журналах НРД.

Таким образом, печатные СМИ с большим отрывом лидируют среди всех средств коммуникации по частоте использования НРД в Республике Беларусь. За ними следуют интернет, листовки, книги и периодические издания самих НРД. Популярность прессы вызвана не в последнюю очередь оптимальным соотношением затрат времени и ресурсов НРД, необходимых для достижения результата. Разместить платную рекламу в газете проще, чем издать книгу, подготовить, напечатать и расклеить листовки, создать сайт в интернете.

Можно предположить, что рассмотрение наиболее активно используемых НРД средств коммуникации в диахронической перспективе показало бы, что печатные СМИ доминировали в 1990-е – начале 2000-х гг., а затем внимание стало переключаться на интернет. Данная тема выходит за рамки настоящей статьи, хотя и обладает большим эвристическим потенциалом. Подтверждение этого означало бы смещение акцента в работе НРД с внешних средств коммуникации на универсальные. Это, в свою очередь, стало бы одним из свидетельств в пользу увеличения степени открытости НРД к обществу, обусловленного изменениями в системе средств массовой коммуникации в целом.

По вариантам использования средства коммуникации разделяются на две группы. В первую вошли 648 НРД, задействовавшие одиночные средства. Из них 356 рекламировали себя только в печатных СМИ, 127 – в интернете, 77 – посредством листовок, 51 – через литературу и 37 – в периодических изданиях НРД. Во вторую группу вошли 362 НРД, использовавшие комбинированные средства трансляции религиозного контента. Из них 219 НРД прибегали к двум разным средствам коммуникации, 87 НРД – к трем, 53 НРД – к четырем и 3 НРД – к пяти средствам коммуникации. Таким образом, 1010 НРД, или 90,7 % от предполагаемой генеральной совокупности НРД Беларуси, транслируют информацию о себе посредством внешних и (или) универсальных средств коммуникации. Это означает, что информация о большинстве НРД, деятельность которых документально зафиксирована в стране, доступна из открытых для населения источников. Основная масса НРД не только не скрывает факт своей деятельности в стране, но и транслирует о себе информацию на разных платформах. Однако доступность этих сведений для населения не означает автоматически ее досягаемость для ученых. В своей совокупности она малозаметна, так как неравномерно распределена географически, размещена на разных информационных площадках, хронологически рассеяна по Беларуси в последние три десятилетия. Для ее фиксации необходим постоянный мониторинг конфессионального пространства страны. Лакуны в мониторинге для тех же листовок и афиш НРД практически невосполнимы. То же можно сказать о временных интернет-ресурсах НРД (некоторые сайты существуют всего несколько месяцев) и литературе, которая далеко не всегда попадает в библиотеки и магазины. Самым доступным для исследователя источником являются печатные СМИ, которые,

¹С момента нашей последней публикации [12] была найдена информация о рекламе в прессе еще трех НРД.

в отличие от других средств коммуникации, сохраняются в Национальной библиотеке Беларуси.

Предшествующее исследование показало, что печатными СМИ Республики Беларусь в той или иной форме идентифицируется не более 139 НРД. Можно предположить, что для других институтов общества этот показатель не будет выше. Таким образом, общество реагирует только на 13,8 % публично распространяющих о себе информацию НРД, в то время как 86,2 % НРД остаются незамеченными. Причины столь избирательного внимания общества к НРД, а также дистанцирование от реакции на их деятельность и рефлексии на эту тему требуют объяснения. Можно предположить, что отсутствие реакций общества обусловлено тем, что сами НРД не делали никаких публичных заявлений о своей деятельности. Но настоящее исследование делает эту версию несостоятельной, так как показывает, что НРД транслируют информацию о себе и своей работе на разных публичных платформах с опорой на разные средства коммуникации. Соответственно, избирательность внимания общества к НРД все еще требует объяснения.

Исключительно внешние средства коммуникации (одиночные или комбинированные) используют 45,9 % НРД. Только к универсальным средствам обращаются 24 % НРД. Одновременно внешние и универсальные средства трансляции религиозного содержания используют 30,1 % НРД. Таким образом, более половины (54,1 %) НРД публично сообщают о себе информацию, выходящую за рамки простой рекламы и указания на факт своего существования и деятельности. Для социологического исследования значение сопряженных со всеми средствами коммуникации документов зависит от его целей и задач. Однако ввиду того, что большинство НРД запрещают проводить с их членами интервью и анкетные опросы, документы сообщества представляются не только наиболее доступным, но и основным, а для многих НРД единственным источником первичной социологической информации об учении.

Для 84 из 1113 НРД не были обнаружены внешние или универсальные средства коммуникации. Информация об этой группе базировалась исключительно на их внутренних материалах. Далеко не все ее представители дистанцируются от контактов с обществом. Определенное их количество занимается устной проповедью на улицах городов и среди знакомых. Большинство из них может принять в свои ряды новых членов, но те не готовы заявить о себе публично через средства массовой коммуникации. Документы, подтверждающие их существование, поступают к ученым по трем каналам: от бывших членов НРД; от действующих членов НРД в результате нарушения норм и правил внутреннего распорядка сообщества (без согласования с руко-

водством они могут из лучших побуждений показать посторонним рассчитанную на внутренний круг книгу основателя НРД и другие материалы); из всевозможных документов и текстов, которые недоступны для широкой общественности и распространяются на мероприятиях НРД (съездах, специализированных выставках и др.). Всю эту информацию достаточно несложно найти, если начать ее искать целенаправленно, что и делают специалисты по НРД. Ознакомление не членов НРД с соответствующими материалами предполагает определенный уровень их увлеченности всевозможными идеями и практиками нетрадиционной религиозности. Периодически разные НРД этой группы создают всевозможные открытые обращения, заявления и послания, адресованные миру и обществу, но не используют при этом никаких внешних средств коммуникации для донесения своей информации до широкого круга людей. Достаточно часто они посылают эти документы в органы госуправления разного уровня, что не делает эти материалы более открытыми для общества. В тех случаях, когда НРД все же публиковало свое обращение к миру в газете, оно сразу попадало в группу работающих с внешними средствами коммуникации. Однако даже этот ни к чему не обязывающий шаг оказывается сложным барьером для большинства НРД этой группы. В нашем архиве собраны внутренние средства коммуникации большинства из 1113 НРД, однако в рамках настоящего исследования они учитывались по остаточному принципу для тех НРД, которые не имеют внешних и универсальных средств коммуникации.

Информация о группе из оставшихся 19 НРД доступна исключительно из критических материалов печатных СМИ. Ввиду того, что пресса отличается достаточно высоким уровнем неточности в донесении информации об НРД, искомые материалы учитывались только при наличии в них сведений, доступных для независимой перепроверки: ссылок на судебный процесс с участием НРД в Беларуси, хроники событий в пересказе представителей органов госуправления, детализированных журналистских расследований, в том числе с фотографиями, указанием непосредственных участников, свидетелей, и др.

Как и ожидалось, НРД в целом склонны выбирать одно, реже – два разных средства коммуникации. Распределение НРД по типу структуры и количеству используемых средств коммуникации дало предсказуемый результат: секты и культы, как наиболее развитый по структуре и в экономическом отношении тип НРД, чаще используют четыре или три средства коммуникации, чем менее структурированные клиентурные культы и слабоструктурированные аудиторные культы (см. таблицу).

Соотношение типа НРД по структуре и количества используемых средств коммуникации, %

The ratio of new religious movements type by structure and the number of the means of communication used, %

Количество используемых средств коммуникации	Тип НРД		
	Секты и культы	Клиентурные культы	Аудиторные культы
0	6,9	9,5	9,5
1	30,3	44,5	80,1
2	22,9	31,6	7,9
3	19,4	9,7	2,3
4	20,0	4,1	0,2
5	0,6	0,5	0

Как видим, секты и культы в меньшей степени, по сравнению с иными типами НРД, опираются на внутренние средства коммуникации (6,9 %). Клиентурные культы чаще других типов НРД используют два средства. Предсказуемым также является сильный акцент аудиторных культов (80,1 %) только на одном средстве коммуникации. Аудиторные культы представлены целителями, магами, колдунами, которые останавливаются чаще всего на рекламе в СМИ либо распространении листовок. Этого им вполне хватает для выведения своей работы на достаточно серьезный по меркам этого типа НРД уровень.

Анализ соотношения типов НРД по структуре с группами средств коммуникации показал, что секты и культы наиболее часто прибегают к транс-

ляции своих идей через универсальные средства. Клиентурные культы активно работают с обоими типами средств коммуникации с небольшим перевесом в сторону универсальных. Аудиторные культы доминируют в обращении к внешним средствам.

Результаты исследования позволяют также детально описать соотношение типа НРД по структуре с использованием разных групп средств коммуникации. Так, например, известно, к каким средствам обращаются НРД восточной ориентации при трансляции своих идей и чем они отличаются от распределения средств коммуникации в НРД христианской, оккультно-мистической и иной ориентации. Однако анализ этих результатов выходит за рамки объемов настоящей статьи.

Заключение

Большинство НРД транслируют в общество информацию о специфике своего учения, культовой практике, времени и месте проведения собраний посредством общедоступных средств коммуникации. Объемы доносимой информации варьируются в зависимости от группы используемых средств коммуникации и ряда иных факторов. Для социологического исследования эти сведения доступны только при условии лонгитюдного мониторинга конфессиональ-

ного пространства Республики Беларусь. Результаты такого мониторинга, проводимого нами с 1997 г., показали, что никакая отдельно взятая группа средств коммуникации не отражает в полноте многообразие НРД, деятельность которых документально зафиксирована в стране. Наибольшую популярность среди НРД имеют печатные СМИ. Высокоструктурированные НРД используют большее число разных средств коммуникации, чем слабоструктурированные.

Библиографические ссылки

1. Баркер А. *Новые религиозные движения*. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института; 1997. 284 с.
2. Beckford JA, editor. *New religious movements and rapid social change*. London: SAGE; 1986. 247 p.
3. Robbins T, Anthony D. New religious movements and the social system. Integration, disintegration, or transformation. *The Annual Review of the Social Sciences of Religion*. 1978;2:1–28.
4. Stark R, Bainbridge WS. *Religion, deviance, & social control*. New York: Routledge; 1997. 205 p.
5. Lewis JR. *Legitimizing new religions*. New Jersey: Rutgers University Press; 2003. 256 p.
6. Wilson BR. A typology of sects. In: Bocock R, Thompson K, editors. *Religion and ideology*. Manchester: Manchester University Press; 1985. p. 297–311.
7. Metraux AD. *Aum Shinrikyo's impact on Japanese society*. New York: Edwin Mellen Press; 2000. 165 p.
8. Carter LF. *Charisma and control in rajneeshpuram*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 316 p.
9. Маклюэн М. *Понимание медиа. Внешние расширения человека*. Москва: Канон-пресс-Ц; 2003. 464 с.
10. Мартинович ВА. Методологические проблемы мониторинга новых религиозных движений. *Социологические исследования*. 2016;6:56–65.

11. Мартинович ВА. Методологические проблемы в идентификации документов новых религиозных движений. *Научный результат. Социология и управление*. 2016;2(4):52–62.
12. Мартинович ВА. Реклама новых религиозных движений в печатных СМИ. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:17–24.

References

1. Barker E. *Novye religioznye dvizheniya* [New religious movements]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta; 1997. 284 p. Russian.
2. Beckford JA, editor. *New religious movements and rapid social change*. London: SAGE; 1986. 247 p.
3. Robbins T, Anthony D. New religious movements and the social system. Integration, disintegration, or transformation. *The Annual Review of the Social Sciences of Religion*. 1978;2:1–28.
4. Stark R, Bainbridge WS. *Religion, deviance, & social control*. New York: Routledge; 1997. 205 p.
5. Lewis JR. *Legitimizing new religions*. New Jersey: Rutgers University Press; 2003. 256 p.
6. Wilson BR. A typology of sects. In: Bocock R, Thompson K, editors. *Religion and ideology*. Manchester: Manchester University Press; 1985. p. 297–311.
7. Metraux AD. *Aum Shinrikyo's impact on Japanese society*. New York: Edwin Mellen Press; 2000. 165 p.
8. Carter LF. *Charisma and Control in Rajneeshpuram*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 316 p.
9. McLuhan M. *Ponimanie media. Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: the extensions of man]. Moscow: Kanon-press-Ts; 2003. 464 p. Russian.
10. Martinovich VA. Methodological problems in monitoring new religious movements. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;6:56–65. Russian.
11. Martinovich VA. Methodological problems in identifying the documents of new religious movements. *Scientific Result. Sociology and Management*. 2016;2(4):52–62. Russian.
12. Martinovich VA. Advertising new religious movements in print media. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:17–24. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.09.2021.
Received by editorial board 02.09.2021.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.34,316.334.2

УРОВЕНЬ ОВЛАДЕНИЯ ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В МИНСКЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾, Р. В. КАРАПЕТЯН²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7-9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

На основе анализа эмпирических данных, полученных в 2021 г., исследуется цифровая трансформация в городах-миллионниках Санкт-Петербурге и Минске. Особенностью выборки является высокий процент лиц с высшим образованием среди занятого населения. Изучена группа городских профессионалов. Выявлены тенденции в сфере труда, детализирующие процессы цифровой трансформации. Показана актуальность цифровизации в сфере труда для белорусских и российских профессионалов. Анализируется уровень овладения цифровыми технологиями занятым городским населением, а также влияние на этот процесс пандемии и удаленного формата работы. Представлены факторы, определяющие трудовую мотивацию городских профессионалов разного уровня в освоении ими информационно-коммуникационных технологий. Раскрыты тенденции развития цифровизации труда, их влияние на отдельные группы профессионалов, занятых как в производственной, так и в непроизводственной сфере. Делается вывод о том, что мотивация на овладение новыми цифровыми знаниями напрямую зависит от того, насколько они

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ, Карапетян РВ. Уровень овладения цифровыми технологиями в трудовой сфере: опыт эмпирического исследования в Минске и Санкт-Петербурге. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:84–92.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-84-92>

For citation:

Titarenko LG, Karapetyan RV. Skilling digital technologies in the labour sphere: experience of empirical research in Minsk and Saint Petersburg. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:84–92. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-84-92>

Авторы:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Рубен Вартанович Карапетян – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры экономической социологии факультета социологии.

Authors:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

larissa@bsu.by

Ruben V. Karapetyan, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of economic sociology, faculty of sociology.

ruben.v.karapetyan@gmail.com

необходимы человеку в профессиональной деятельности, способствуют его карьерному продвижению или помогают сохранить рабочее место.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровизация сферы труда; информационно-коммуникационные технологии; мотивация; цифровые риски.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-511-00011 и гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований № Г20Р-109.

SKILLING DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE LABOUR SPHERE: EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH IN MINSK AND SAINT PETERSBURG

L. G. TITARENKO^a, R. V. KARAPETYAN^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bSaint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia

Corresponding author: L. G. Titarenko (larissa@bsu.by)

Article is written on the basis of an analysis of empirical data obtained in 2021 from sociological studies conducted in Saint Petersburg and Minsk – cities with a population of one million, which served as the object of research of the current digital transformation. A feature of both samples was the large percentage of people with higher education among the employed population. In fact, we studied a group of urban professionals. The authors identify trends in the world of work that detail digital transformation processes. The purpose of the article is to describe the trends in the digitalisation process in the world of work in a large city and to reveal how relevant these trends are for the Belarusian and Russian professionals. The authors show the level of digital acquisition of the employed urban population today, as well as the impact on this process of the previous year associated with the pandemic and the inevitable transition of a part of the employed population to remote work. The article presents the factors that determine the labour motivation of urban professionals of different levels in their mastering of information and communication technologies, reveals the development trends of labour digitalisation processes and their impact on certain groups of professionals employed in both production and non-production spheres. It is concluded that the motivation of the employed population to master new digital knowledge directly depends on how much a person needs it in the workplace, contributes to his career advancement or helps to keep the workplace.

Keywords: digital economy; digitalisation of the labour sphere; information and communication technologies; motivation; digital risks.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (scientific project No. 20-511-00011) and the grant of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (No. Г20Р-109).

Введение

Цифровизация в сфере труда может рассматриваться как аспект феномена цифровой трансформации. Последняя предполагает перевод информации в цифровой формат при помощи новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), внедрение новых принципов работы, применение современных технологий (искусственного интеллекта, дополненной реальности, блокчейна, интернета вещей и др.), которые повышают производительность труда и эффективность экономики (работы компаний, организаций, институтов и отраслей) [1, с. 100]. Исследуя данный феномен в рамках социологических теорий, мы посчитали целесообразным несколько конкретизировать его определение. Социальная сущность трансформации состоит в качественном и количественном измене-

нии (часто радикальном), вызывающем в объекте преобразования морфологического, структурного и функционального характера [2, с. 38], конкретно отражающем суть вариативности социальных процессов [3]. Категория «трансформация» подчеркивает глубокие и интенсивные (быстро развивающиеся) структурные изменения (позитивные и негативные) в состоянии общества, при которых перерождение отдельных социальных сфер приводит к глобальным изменениям всей социальной системы. П. Штомпка указывал на специфичность социальной трансформации как особенного (по отношению к репродукции, трансмутации и морфогенезису) изменения сущностных качеств социальной реальности, вызванного преобразованиями в одной или нескольких социальных сферах [4].

С нашей точки зрения, цифровая трансформация – это необратимое качественное преобразование социального порядка, обусловленное взрывным прогрессом цифровых технологий и предполагающее возникновение характерных признаков нового общества.

Цифровая трансформация является доминантным трендом современной экономики и общества. Уже несколько десятилетий она охватывает не только наиболее развитые державы Запада, но и большинство развивающихся стран. С учетом важной роли, отводимой цифровизации в формировании единого научно-технологического пространства Союзного государства, эмпирические исследования в этой области (включая проблему использования

ИКТ в сфере труда) приобретают особую актуальность [5].

В последние два года развитие экономики во всем мире несколько замедлилось из-за пандемии. Однако, как ни удивительно, некоторые зарубежные авторы считают, что после финансового кризиса прошедшего десятилетия и нынешнего вынужденного замедления глобального развития в условиях пандемии может наступить новая эра в экономике, связанная с ростом производительности благодаря цифровой трансформации [6]. Отдельные исследования не могут доказать или опровергнуть эту гипотезу, однако она имеет право на существование. Предлагаем рассматривать анализируемые в статье данные с учетом этого предположения.

Цифровизация труда

В условиях цифровой трансформации, ключевого фактора изменений в сфере экономики и труда, потребность населения в овладении ИКТ быстро растет. Это касается также повседневной жизни и досуга. В своем исследовании мы исходили из необходимости изучить, насколько глобальные тенденции цифровизации экономики проявляются в странах, которые менее развиты, чем лидеры четвертой индустриальной революции. Пока успехи Беларуси и России в широком использовании новейших технологий не сопоставимы с авангардом нынешней индустриальной революции. Однако даже в наиболее цифровизированных регионах мира, по подсчетам зарубежных экономистов, цифровая трансформация не достигла предела: так, в 2015 г. в США она освоила 18 % своего потенциала, в Евросоюзе – 12 % [6]. Здесь, как и в других регионах, фиксировались разрывы между лидерами в цифровом развитии и отстающими фирмами и отраслями.

Наиболее крупные города-миллионники, как правило, являются точками роста в развитии инновационной экономики. Именно в них быстрее всего развиваются ИКТ. Выбранные нами для исследования цифровой трансформации города находятся впереди многих других национальных регионов по социально-экономическому и технологическому развитию. В Санкт-Петербурге и Минске сконцентрированы отрасли, развивающие ИКТ, больше всего занятого населения с высшим образованием,

много молодежи, большое количество людей, принадлежащих к молодому и среднему поколениям, сосредоточены научно-исследовательские институты. Эти населенные пункты представляют интерес для социологического исследования в первую очередь по той причине, что здесь наблюдается активный процесс инновационного развития¹. По мнению Д. В. Иванова, такие города являются «анклавами глобальности», где новая реальность создается виртуальными сетями и потоками, тогда как небольшие населенные пункты включены в процесс виртуализации реальности намного меньше [7, с. 46]. Различия в экономическом развитии и цифровизации приводят к увеличению социальных разрывов между странами, регионами внутри государства, социальными слоями, профессиональными группами.

Цифровая трансформация характеризуется неравномерным протеканием в мире, отдельно взятой стране и даже местности. Наиболее рельефно новые тенденции, детерминированные этими процессами, характерны именно для крупных городов. Среди тенденций цифровой трансформации выделим прежде всего рост цифровизации всех отраслей экономики. Она проявляется в более широком использовании передовых технологий. Кроме того, среди горожан наблюдается рост профессиональных знаний ИКТ, необходимых для успешной работы на современных производствах и в других отраслях (торговле,

¹Эмпирические данные по Минску получены методом телефонного опроса занятого населения в феврале 2021 г. Выборка составила 410 человек, адекватно представляющих основные группы занятых в разных отраслях экономики. Использована система CATI (номера из списка мобильных телефонов выбирались методом случайных чисел). Присутствовал высокий процент отказов по причине недостаточных знаний в области информационных технологий, что привело к преобладанию в выборке мужчин (58 %) и лиц с высшим образованием (73 %), что не адекватно всему населению Минска. В основном эта выборка включала городских профессионалов. Отклонения по возрастным группам были в пределах ошибки выборки (± 5 %). Опрашивались минчане, занятые полный рабочий день. В Санкт-Петербурге двухосновная выборка телефонного опроса, проведенного в феврале 2021 г., составила 1008 человек. Выборка репрезентативная, представлены основные группы занятых. Ошибка выборки была равна ± 4 %. Выборка включала 46 % мужчин и 54 % женщин, возрастные группы соответствовали структуре городского населения. Лица с высшим образованием составили 61 % от выборочной совокупности. Анкета включала дополнительные 10 вопросов по российскому трудовому законодательству и ценностям труда, которые в статье не использованы.

сфере обслуживания, логистике и т. д.). Данная тенденция пока не является системной, «хотя большинство работающих лиц демонстрируют уверенность в “правильном” развитии экономики и в своих способностях соответствовать новому технологическому укладу, едва ли они осознают их как ценность и имеют возможность перевести ее на язык доходов и карьерного развития» [8, с. 133]. Также необходимо отметить широкое внедрение ИКТ в повседневную жизнь (быт, досуг) населения. Если первые две тенденции касаются экономики в целом и характеризуют занятое население [9], то третья, относящаяся к бытовому уровню жизни, охватывает все группы населения (от подростков до пенсионеров). Быстрее всего цифровая трансформация реализуется в сфере услуг, так как здесь она не предполагает больших затрат и предполагает более скорую реакцию по сравнению со сферой производства, требующей крупных инвестиций и наличия работников с достаточно высоким уровнем овладения ИКТ.

Пандемия оказывает двойственное влияние на ход нынешней индустриальной революции [10; 11]. С одной стороны, перевод части населения на дистанционную форму труда потребовал от занятого населения более глубокого изучения ИКТ, цифровизация сферы услуг стимулировала внедрение ИКТ в повседневную жизнь. С другой стороны, некоторые отрасли сократились, работники потеряли доходы, что негативно повлияло на потребительский рынок.

Тенденции перевода экономики на цифровой формат в Беларуси и России имеют объективные подтверждения. Так, в Беларуси, несмотря на недостаточные масштабы финансирования, рост цифровизации продолжается. Согласно статистическим данным за 2018 г. почти 80 % предприятий использовали локальные вычислительные сети, около 97 % – интернет, свой сайт был у 67 % предприятий. Практически все предприятия использо-

вали для коммуникаций электронную почту. Однако сравнение этих сведений с показателями 2016 г. демонстрирует лишь рост (на 5 %) количества собственных сайтов². Возможно, отсутствие прогресса по другим показателям можно объяснить тем, что опубликованная статистика относится к доковидному периоду и проследить влияние перевода части отраслей экономики на дистанционный формат работы пока нет возможности. В любом случае ожидаемый эффект от цифровизации экономики должен отражаться в росте инновационной деятельности предприятий, смене парадигм организации общественного производства, поиске новых средств стимулирования конкуренции между компаниями, где ключевым фактором успеха является внедрение цифровых продуктов.

В России наблюдается похожая ситуация, производства медленно насыщаются ИКТ: организаций, использовавших интернет, с 2017 по 2019 г. стало лишь на 2,3 % больше. За данный период на 4,5 % увеличилось количество организаций, имеющих сайт, на 1,4 % выросло использование компьютеров³. Причин такого инертного распространения ИКТ в экономике может быть несколько. Возник эффект насыщения производств: в количественном срезе цифровых ресурсов оказывается достаточно, и вместо их количественного наращивания менеджмент ориентирован на замену морально устаревшей цифровой техники новыми, более производительными средствами ИКТ. Кроме того, имеет место калькуляция затрат и результатов использования цифровых продуктов, когда замена ими живого труда нерациональна с точки зрения издержек компании. Также, на наш взгляд, важной причиной выступает отсутствие необходимой цифровой культуры, надлежащей подготовленности работников к повседневному использованию ИКТ в рамках профессиональной деятельности.

Цифровая культура занятого населения большого города: опыт *case study* в Минске и Санкт-Петербурге

Цифровизация экономики требует развития цифровой культуры как занятого, так и всего населения. Цифровая культура – это «многообразие практик применения информационных технологий в материальной и духовной сферах жизнедеятельности общества» [12, с. 67]. Рост уровня овладения ИКТ занятым населением может быть измерен социологическими методами.

В ходе исследования мы выясняли, как занятое население оценивает роль ИКТ в жизни общества. Респондентам были заданы вопросы, на которые

предполагались положительные, отрицательные или нейтральные ответы. Отвечать можно было по стандартной шкале с пятью позициями. Так, на вопрос, упрощают ли цифровые технологии работу и позволяют ли они экономить время, почти 90 % минчан ответили положительно («Полностью согласен» и «Скорее согласен»). Такое единодушие можно считать практически полным признанием позитивной роли ИКТ в обществе. Почти 94 % опрошенных минчан согласны (дали ответы «Да» и «Скорее да») с тем, что благодаря цифровым технологиям появилось

²Статистический ежегодник Республики Беларусь – 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_18023/ (дата обращения: 12.12.2020).

³Российский статистический ежегодник – 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 16.12.2020).

больше возможностей для карьерного роста, образования и развития, а 66 % полагают, что ИКТ делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время. Наконец, 86 % минчан согласились с тем, что ИКТ дают свободу, обеспечивают возможность для творчества, самореализации и самовыражения.

Петербургжцы в целом позитивно относятся к потенциалу цифровой трансформации. С утверждением о том, что цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают работу и позволяют экономить время, согласились 85 % респондентов, лишь 6 % отклонили данный тезис. ИКТ делают жизнь интереснее для 53 % опрошенных жителей Санкт-Петербурга, 77 % склонны считать, что благодаря цифровым технологиям появилось больше возможностей для карьерного роста, образования и развития. Такое же количество респондентов ответили, что ИКТ – это расширение границ творчества, самореализации и самовыражения.

Сравнение данных по Минску и Санкт-Петербургу позволяет сделать очевидный вывод о том, что более половины опрошенного населения работоспособного возраста принимает и одобряет распространение ИКТ, включает их как естественный ресурс в пространство своей жизнедеятельности. Более того, 74 % респондентов заявили, что, по мнению их родственников и знакомых, цифровизация скорее положительно влияет на труд и занятость.

Вместе с тем следует отметить, что минчане и петербуржцы амбивалентны в оценках влияния ИКТ на человеческие отношения и признают возможность их негативного воздействия на важные стороны жизни. Иначе говоря, цифровые технологии не оцениваются как панацея в нематериальной сфере жизнедеятельности. Так, 40 % респондентов в Минске и треть респондентов в Санкт-Петербурге согласились с тем, что цифровые технологии не позволяют людям быть ближе друг к другу и не повышают уровень сплоченности и доверия. Кроме того, 60 % минчан и 35 % петербуржцев в ходе опроса признали, что цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым. Такие критические ответы показывают, что респонденты не станут перекладывать на цифровизацию решение тех проблем, где, по их мнению, технические подходы неадекватны. Решающая роль остается за человеком.

И все же, учитывая в целом положительную оценку роли ИКТ в современном обществе, можно сделать вывод о том, что большинство опрошенных мыслят довольно технократически и оценивают новейшие технологии очень высоко. Поскольку указанные вопросы относятся и к сфере труда, и к сфере развития личности, а также досуга, можно

сказать, что роль технологий во всех областях жизнедеятельности возрастает. ИКТ становятся своеобразным драйвером.

Проведенный в двух городах опрос показал, что в настоящее время довольно большая часть занятого населения активно использует интернет и ИКТ. Так, 97,8 % респондентов-минчан постоянно используют мессенджеры (*Viber, Telegram, Skype*), 83,7 % – социальные сети (*ВКонтакте, Facebook, Одноклассники* и др.), почти 62 % – интернет-банкинг, мобильный банкинг, оплату услуг через ЕРИП, 56 % обращаются к поисковым системам (*Яндекс, Navitel, Google Maps* и др.), более 43 % смотрят интернет-телевидение. Более половины опрошенных минчан свободно владеют компьютером и электронной почтой, более трети – облачными хранилищами, четверть – системами удаленной связи. Опрос жителей Санкт-Петербурга также показал масштабность освоения ИКТ: компьютером или ноутбуком свободно владеют 61 % респондентов, копировальной техникой – 42 %, программами *Microsoft Office* – 47,4 %, электронной почтой – 65,2 %, поисковыми системами – 47,9 %, облачными хранилищами – 24,9 %⁴. Эти цифры свидетельствуют о том, что компьютер и интернет прочно вошли в жизнь горожан. Еще чаще горожане пользуются электронной почтой и поисковиками. А вот средствами удаленной связи владеют лишь около трети опрошенных представителей занятого населения. Вместе с тем даже в отношении овладения этими технологиями достигнут определенный уровень: в среднем свое умение работать с приложениями для видеоконференций (*Zoom, Webex*) и облачными хранилищами минские респонденты оценили соответственно на 3,3 и 3,5 балла из 5 возможных.

Компетенции, которыми, как выяснилось, владеет только пятая часть опрошенных горожан и Минска, и Санкт-Петербурга, – это умение работать с профессиональными программами (например, *Autocad, Photoshop*) и информационно-аналитическими системами (*Бухгалтерия, КонсультантПлюс*). Тот факт, что лишь 20 % респондентов пользуются ими постоянно, показывает, что пока они востребованы недостаточно и нужны только лицам, занимающим определенные должности. По пятибалльной системе уровень освоения данными компетенциями оказался самым низким (средняя оценка – 3,07 балла, тогда как средняя оценка по уровню освоения поисковых технологий – 4,73 балла).

Тем не менее при исследовании уровня овладения этими технологиями в зависимости от рода занятий респондентов выявлено, что лица, которым эти навыки необходимы в профессиональной деятельности, владеют ими на более высоком уровне. Ключевым фактором можно считать и образование: среди лиц

⁴На основе данных предыдущего опроса по теме «Исследование трудовых компетенций в условиях цифровизации экономики и общества», проведенного на базе Центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Телефонный опрос проведен в феврале 2019 г. по стратифицированной выборке (полу, возрасту, месту жительства; $n = 1000$).

с высшим образованием, занятых на производстве, уровень освоения этих технологий превышает 80 %. Работники с более низким уровнем образования хуже владеют указанными программами. Возможно, наличие высшего образования и определенного должностного статуса является фактором, влияющим на дифференциацию уровня овладения наиболее сложными ИКТ. Таким же фактором выступает возраст: большинству специалистов, занятых и на производстве, и вне его, до 30 лет, руководителям разных уровней 30–39 лет. Примерно пятая часть квалифицированных работников представлены лицами старше 50 лет, 20 % из этой группы оценили свой уровень овладения указанными технологиями выше среднего.

Далее в ходе опроса респонденты оценивали, насколько они стали лучше владеть ИКТ за последний год, т. е. в условиях пандемии. Число горожан, ответивших на этот вопрос положительно, почти совпало с числом утвердительно ответивших на вопрос о постоянном использовании ИКТ. Это можно интерпретировать как признание того, что условия пандемии, обусловившие необходимость дистанционного формата работы и более активного внедрения ИКТ, в целом позитивно повлияли на данный аспект жизни белорусского общества. Трудно сделать однозначный вывод о том, в какой степени именно пандемия воздействовала на развитие цифровых компетенций у трудового населения Минска, однако в настоящее время многие из респондентов достаточно высоко оценивают свой уровень овладения ИКТ и постоянно развивают эти навыки. Судя по самооценкам, за последний год выросла потребность в освоении навыков по всем ИКТ, которые упоминались в опросе. Похожие тенденции обозначили возможности профессионального развития для петербуржцев: 45 % респондентов согласились с тем, что цифровизация этому способствует.

Результаты исследования позволили выявить, насколько часто минчане использовали ИКТ в повседневной жизни за последний год, когда приходилось работать в дистанционном формате из-за пандемии. Вполне ожидаемо оказалось, что 93,4 % респондентов ежедневно пользовались мессенджерами (*Viber, Telegram, Skype*) и 70 % – социальными сетями (*ВКонтакте, Facebook, Одноклассники* и др.). Намного меньше минчан пользовались другими интернет-сервисами (доставкой продуктов – менее 18 %, столько же – каршерингом и прокатом самокатов и велосипедов). Более половины опрошенных от случая к случаю записывались к врачу через интернет. Это объясняется тем, что интернет-банкинг достаточно пользоваться несколько раз в месяц, записываться к врачу, покупать лекарства через интернет нужно только в случае необходимости. К серверам онлайн-покупок респонденты обращались изредка (постоянно – чуть более 10 %), что тоже понятно: полного локдауна в Минске, как и в стране в целом, не было. Скорее всего, в будущем эти

серверы станут более популярны. Вполне ожидаемо было и то, что лица моложе 30 лет чаще других использовали все ИКТ. Горожане от 30 до 39 лет также эффективно ими пользовались, но не столь часто.

Отметим, что в Минске за последний год 75 % респондентов сталкивались с необходимостью самостоятельно осваивать какие-либо технические новинки (программы, мобильные приложения, устройства): 25 % из них сталкивались с такой необходимостью на работе, 20 % – в быту, 29 % – в равной мере в быту и на работе, 1 % опрошенных дали другие ответы (остальные не ответили). В Санкт-Петербурге эти цифры выше: 39 % респондентов сталкивались с такой необходимостью на работе, 32 % – в быту, 10 % – в обоих случаях (19 % не ответили). Мы считаем, что население исследуемых городов ориентировано на развитие цифровых знаний в повседневной жизни. Для 80 % опрошенных в Санкт-Петербурге внедрение цифровых технологий скорее приносит больше преимуществ. Мнение минчан было похоже, хотя и не столь позитивным. Таким образом, в обоих городах ИКТ востребованы и в сфере труда, и в сфере быта.

Большое внимание в исследовании уделялось мотивации горожан в освоении новых технологий. Так, у петербуржцев следующие мотивы для овладения ИКТ: интерес, желание развиваться, узнавать что-то новое, двигаться вперед (на это указали 62,5 % опрошенных), стремление работать эффективнее, больше успевать (51,4 %), желание сделать свою жизнь более интересной и насыщенной (38,3 %). По мнению 71 % минчан, ими также движет познавательный интерес. Желание эффективнее работать, справляться с более сложными задачами отметили 55,6 % респондентов, 44,6 % подчеркнули, что осваивают ИКТ с целью сделать жизнь более интересной и насыщенной. Все указанные мотивы имеют высокую оценку среди респондентов обоих городов и связаны с развитием личности. От 19 до 30 % опрошенных называли мотивы, связанные с карьерой, желанием получить должность, требующую знаний в сфере ИКТ, или требованиями руководства. В других случаях мотивы были связаны либо с желанием сменить работу или страхом ее потерять, либо с требованиями семьи (постоянно быть на связи).

Можно сделать вывод о том, что большинство мотивов осваивать ИКТ обусловлены внутренними побуждениями людей, их желанием узнавать новое, самореализовываться, сделать свою жизнь более интересной и насыщенной. Значительно меньше людей связывают освоение ИКТ с внешним принуждением (страхом перед потерей работы, карьеры, премии, желанием сменить работу). При этом более половины опрошенных минчан отметили, что их работодатели прилагают всевозможные усилия для того, чтобы обеспечить эффективность работы в условиях цифровизации (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Прикладывает ли Ваш работодатель достаточно усилий для того,
чтобы в условиях цифровизации Вы могли работать эффективнее?», %

Table 1

Distribution of answers to a question:
«Does your employer make enough efforts to make you
work more efficiently in the digital environment?», %

Вариант ответа	Жители Минска	Жители Санкт-Петербурга
Работодатель делает все возможное, чтобы мой труд стал эффективнее	52	57
Работодатель об этом не заботится	17	27
Не могу оценить	30	8
Это ко мне не относится	2	8

Работники осознают заинтересованность своего руководства в росте эффективности труда. Понятен мотив и работодателя – сокращение издержек. Так как сегодня наиболее действенным инструментом достижения данной цели выступает внедрение в производство цифровых технологий, можем предположить, что работодатели все чаще будут использовать его в решении производственных задач, в том числе привлекать сотрудников с более высоким уровнем овладения ИКТ. Но поскольку тех, кого изучать ИКТ побуждал страх потери работы, было менее 10 %, можно заключить, что пандемия оказала скорее позитивное влияние на цифровизацию, нежели негативное.

В ходе исследования также были выявлены новые проблемы в сфере труда, которые респонденты связывают с ростом цифровизации. Мы представляем ответы минчан (табл. 2) и петербуржцев (табл. 3), переходивших на удаленный формат работы и связывавших трудности именно с этим, а не с цифровизацией как таковой. Поскольку на этот вопрос в Санкт-Петербурге отвечали и те, кто не переходил на дистанционную работу, мы сравнили ответы двух групп. Оказалось, что разница не превышает ошибку выборки. Можно предположить, что в значительной мере эти трудности связаны с цифровизацией в целом, хотя в реальной жизни разграничить влияние факторов не представляется возможным.

Таблица 2

Распределение ответов минчан на вопрос:
«Если Вы частично либо полностью работаете дистанционно,
сталкиваетесь ли Вы со следующими проблемами?», %

Table 2

Distribution of Minsk residents' answers of answers to a question:
«If you work partially or completely remotely, do you face the following problems?», %

Проблемы, связанные с дистанционным форматом работы	Вариант ответа	
	Да	Нет
Необходимость постоянно отвлекаться на мессенджеры, электронную почту, из-за чего выполнение работы отнимает больше времени	24,0	76,0
Чувство неуверенности, страха из-за постоянного технологического обновления	9,4	90,6
Необходимость работать больше либо выполнять прежний объем работы за более короткий срок	41,1	58,9
Нехватка навыков работы с новым программным обеспечением / мобильным приложением	17,7	82,3

Примечание. Поскольку вариант «Затрудняюсь ответить» по всем вопросам составил менее 1 %, мы не указываем его в таблице.

Как видим, часть респондентов отмечают, что дистанционный формат работы привел их к перегрузкам: необходимости трудиться дольше по времени, работать быстрее или повышать уровень знаний. Однако объективных факторов в пользу этого мнения не выявлено.

В любом случае значительных страхов и неуверенности из-за новых технологий почти никто не высказал.

Ответы петербуржцев в целом показали отсутствие дискомфорта в нынешней организации их трудовой деятельности (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов петербуржцев на вопрос:
«Сталкиваетесь ли Вы со следующими проблемами в своей трудовой деятельности?»,
% от числа опрошенных, переходивших на дистанционный формат работы**

Table 3

**Distribution of Petersburgers' answers to a question: «Do you face the following problems in your work?»,
% respondents who worked remotely**

Проблемы	Вариант ответа		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Необходимость отвлекаться на мессенджеры, электронную почту, из-за чего выполнение работы отнимает больше времени	32,0	65,2	2,7
Чувство неуверенности, страха из-за постоянного технологического обновления	12,4	86,0	1,6
Необходимость работать больше либо выполнять прежний объем работы за более короткий срок	28,3	67,3	4,4
Нехватка навыков работы с новым программным обеспечением / мобильным приложением	21,5	75,4	3,2

Таким образом, внедрение ИКТ и дистанционный формат работы не являются для большинства представителей занятого населения фактором неуверенности (на это указали 86–90 % респондентов). Кроме того, 75–82 % опрошенных считают, что имеющихся у них профессиональных знаний достаточно, но при необходимости они легко осваивают новые компетенции. Почти для двух третей опрошенных не изменилась интенсивность труда. Этот показатель сильно отли-

чается в исследуемых городах. В Минске тех, кому приходится работать больше или быстрее из-за новых технологий, 41,1%, в Санкт-Петербурге – 28,3 %. Имеются различия в числе респондентов, которые отвлекаются от работы на мессенджеры и электронную почту: в Минске их 24 %, тогда как в Санкт-Петербурге 32 %. Чтобы найти причины подобных расхождений, нужен дополнительный анализ полученных данных, а также проведение новых исследований.

Заключение

Опрос подтвердил наличие общих для цифровой трансформации трендов, особенно заметных в городах, ставших точками технологического роста: позитивное отношение занятого населения Минска и Санкт-Петербурга к цифровизации труда, расслоение работников в освоении цифровых компетенций по возрасту, образованию, социальному статусу, а также широкое использование ИКТ в быту.

Занятое городское население в целом позитивно оценивает возможности освоения ИКТ и в сфере быта, и в сфере труда. Негативные последствия

цифровизации очевидны для значительно меньшего числа респондентов, что позволяет сделать вывод о принятии населением цифровой парадигмы развития наших государств.

Однако главным результатом цифровых трансформаций должен быть существенный прорыв в экономике, которого обе страны еще не достигли. Видимо, повышение уровня цифровой культуры среди населения не является решающим фактором в росте производительности труда и экономики. Эту проблему еще предстоит исследовать.

Библиографические ссылки

1. Лузгина А. Цифровая трансформация национальной экономики: вызовы и перспективы развития. *Банковский вестник*. 2020;3:100–105.
2. Батанов ИА. *Основы теории социально-экономических трансформаций*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; 2000. 132 с.
3. Ядов ВА. А все же умом Россию понять можно. В: Ядов ВА, редактор. *Россия: трансформирующееся общество*. Москва: Канон-пресс-Ц; 2001. с. 9–20.

4. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. Москва: Аспект Пресс; 1996. 416 с.
5. Беларусь и Россия планируют создать реестр технопарков Союзного государства [Интернет]. БЕЛТА [процитировано 30 июня 2021 г.]. Доступно по: <https://www.belta.by/society/view/belarus-i-rossiya-planirujut-sozdat-edinyj-reestr-tehnoparkov-sojuznogo-gosudarstva-448127-2021/>.
6. Manyika J, Spence M. A better boom. How to capture the pandemic's productivity potential [Internet]. Foreign Affairs. 2021 [cited 2021 July 1]. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-06-22/better-boom>.
7. Иванов ДВ. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации. *Социологические исследования*. 2020;5:44–55.
8. Карапетян РВ, Сизова ИЛ, Бакаев МА. Текущие и ожидаемые параметры прироста цифровых компетенций у занятого населения (пример Санкт-Петербурга). *Вестник Института социологии*. 2020;1:113–136. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.629.
9. Головенчик ГГ, Ковалев ММ. Цифровая трансформация и экономический рост (на примере белорусской экономики). *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика*. 2018;1:102–121.
10. COVID-19 in Eurasia: PONARS Eurasia Policy Perspectives. *PONARS Eurasia* [Internet]. April 2021 [cited 2021 July 1]. 103 p. Available from: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/2021/04/COVID-19-in-Eurasia_PONARS-Eurasia-eBook_April-2021.pdf.
11. Estrada MAR. Post-COVID-19 economic recovery model. The national domestic economic auto-sustainability model (NDEAS-Model). *International Journal of Asia-Europe Relations*. 2021;7(1):37–46. DOI: 10.37353/aei-insights.vol7.issue1.3.
12. Елькина ЕЕ. Цифровая культура как область междисциплинарных исследований: методологические подходы и тенденции развития. *International Journal of Open Information Technologies*. 2018;6(12):67–78.

References

1. Luzgina A. Digital transformation of the national economy: challenges and development prospects. *Bankovskii vestnik*. 2020;3:100–105. Russian.
2. Batanov IA. *Osnovy teorii sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsii* [Foundations of the theory of socio-economic transformations]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics; 2000. 132 p. Russian.
3. Yadov VA. [And yet you can understand Russia with your mind]. In: Yadov VA, editor. *Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia: transforming society]. Moscow: Kanon-press-Ts; 2001. p. 9–20. Russian.
4. Shtompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social changes]. Moscow: Aspect Press; 1996. 416 p. Russian.
5. Belarus and Russia plan to create a register of technoparks of the Union State [Internet]. BELTA [cited 2021 June 30]. Available from: <https://www.belta.by/society/view/belarus-i-rossiya-planirujut-sozdat-edinyj-reestr-tehnoparkov-sojuznogo-gosudarstva-448127-2021/>. Russian.
6. Manyika J, Spence M. A better boom. How to capture the pandemic's productivity potential [Internet]. Foreign Affairs. 2021 [cited 2021 July 1]. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-06-22/better-boom>.
7. Ivanov DV. Augmented modernity: effects of post-globalization and post-virtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;5:44–55. Russian.
8. Karapetian RV, Sizova IL, Bakaev MA. Current and expected parameters of building digital competencies among the working population (the example of Saint Petersburg). *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2020;1:113–136. Russian. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.629.
9. Golovenchik GG, Kovalev MM. Digital transformation and economic growth (on the example of the Belarusian economy). *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2018;1:102–121. Russian.
10. COVID-19 in Eurasia: PONARS Eurasia Policy Perspectives. *PONARS Eurasia* [Internet]. April 2021 [cited 2021 July 1]. 103 p. Available from: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/2021/04/COVID-19-in-Eurasia_PONARS-Eurasia-eBook_April-2021.pdf.
11. Estrada MAR. Post-COVID-19 economic recovery model. The national domestic economic auto-sustainability model (NDEAS-Model). *International Journal of Asia-Europe Relations*. 2021;7(1):37–46. DOI: 10.37353/aei-insights.vol7.issue1.3. Russian.
12. El'kina EE. [Digital culture as a field of interdisciplinary research: methodological approaches and development trends]. *International Journal of Open Information Technologies*. 2018;6(12):67–78. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.07.2021.
Received by editorial board 07.07.2021.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ КАК ЭПИФЕНОМЕН СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ БЕЛОРУССКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

В. А. СИМХОВИЧ¹⁾, Д. И. НАУМОВ²⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

²⁾Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Изучается субъективная оценка качества жизни белорусского студенчества, рассматриваемая в контексте реализации государственной молодежной политики. Качество жизни концептуализируется в рамках субъективного подхода, который атрибутирует индивиду фундаментальную роль в социальной жизни. Измерение качества жизни осуществляется с помощью индексного метода, сущность которого состоит в редукции социальной информации и сведении ее к единому показателю безотносительно к общему количеству признаков-индикаторов объекта. В рамках разработанной методики измерения качества жизни рассчитывались индивидуальные индексы, описывающие характеристики общественного сознания студенческой молодежи в отношении тех или иных сторон качества жизни, а также интегральный индекс качества жизни и совокупный индекс уровня жизни. В качестве индикаторов качества жизни выступают такие показатели, как субъективная оценка материального уровня жизни, субъективная оценка здоровья, доступности и качества медицинской помощи, субъективная оценка доступности и качества образования, субъективная оценка доступности и качества социальной инфраструктуры, субъективная оценка состояния окружающей среды, субъективная оценка качества социальной среды и удовлетворенность качеством жизни. Данная методика позволяет рассмотреть различные аспекты жизни студентов и выявить слабые места в реализации отдельных направлений государственной молодежной политики. Методика использовалась для изучения качества жизни студентов Белорусского государственного экономического университета, выступивших объектом исследования, которое проводилось в два этапа в 2019 и 2020 гг. Сравнительный анализ данных показал, что респонденты продемонстрировали высокую степень удовлетворенности как объективными условиями жизни, так и субъективным восприятием степени удовлетворенности своих потребностей. Анализ общих индексов субъективной оценки качества жизни в ретроспективном, актуальном и перспективном аспектах свидетельствует о социальном оптимизме опрошенных, так как значения данных индексов не снижаются, а в ряде случаев повышаются. Исключение составляет значение индекса субъективной оценки качества социальной среды, снижение которого в 2020 г. свидетельствует о фиксации респондентами негативного влияния как на их жизнь, так и на жизнь всего общества социально-экономических последствий пандемии COVID-19 и политического кризиса в стране. Хотя социальный оптимизм слабо выражен, данный эпифеномен можно объяснить тем, что молодые люди считают все показатели качества жизни фактически равнозначными, что обусловлено результатами их социализации и в значительной степени детерминировано логикой развития современного общества.

Ключевые слова: субъективное качество жизни; студенческая молодежь; индексный метод; оценка; социальный оптимизм; эпифеномен.

Образец цитирования:

Симхович ВА, Наумов ДИ. Социальный оптимизм как эпифеномен субъективной оценки качества жизни белорусского студенчества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:93–103 (на англ.). <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-93-103>

For citation:

Simkhovich VA, Naumau DI. Social optimism as epiphenomenon of subjective assessment of Belarusian students' life quality. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:93–103. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-93-103>

Авторы:

Валентина Александровна Симхович – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Института социально-гуманитарного образования.

Дмитрий Иванович Наумов – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социальной политики и идеологии.

Authors:

Valentina A. Simkhovich, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of economic sociology and psychology of entrepreneurship, Institute of Social Science and Humanities Education.

simkhovich_V@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3831-6118>

Dzmitry I. Naumau, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of social policy and ideology.

cedrus2014@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2508-0361>

SOCIAL OPTIMISM AS EPIPHENOMENON OF SUBJECTIVE ASSESSMENT OF BELARUSIAN STUDENTS' LIFE QUALITY

V. A. SIMKHOVICH^a, D. I. NAUMAU^b

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

^bAcademy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus,
17 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

Corresponding author: V. A. Simkhovich (simkhovich_V@mail.ru)

The article is devoted to the subjective assessment of the Belarusian student youth's life quality, considered in the context of the implementation of the state youth policy. The concept of life quality is considered within the framework of the subjective approach that attributes to the individual a fundamental role in social life. Measuring of the subjective quality means making use of the index method, designed to reduce social information to a single indicator, regardless of the total number of the object's indicators. Within the framework of the developed technique for measuring life quality, calculated were individual (particular) indices that describe the characteristics of the student youth's public consciousness to certain aspects of life quality, as well as the integral index of life quality and aggregate index of the standard of living. The indicators of life quality are as follows: subjective assessment of the material standard of living, subjective assessment of health, accessibility and quality of medical care, subjective assessment of accessibility and quality of education, subjective assessment of accessibility and quality of social infrastructure, subjective assessment of the state of ecological environment, subjective assessment of quality of social environment and satisfaction with quality of life. The given technique enables to diagnose various aspects of the students' life and identify weaknesses in implementing particular areas of the state youth policy. It was used to measure the quality of life of the Belarus State Economic University students who were the object of the study carried out in two stages – in 2019 and 2020. A comparative analysis of the data showed that the respondents demonstrated a high degree of satisfaction with both objective living conditions and subjective perception of the degree of satisfaction with their needs. The analysis of the general indices of subjective quality of life in retrospective, current and prospective aspects testifies to the respondents' social optimism since their values do not decrease and in some cases increase. The only exception is the value of the index of subjective assessment of social environment quality: its decrease in 2020 indicates that the respondents fixed a negative impact on their lives and life of the whole society, which was caused by the socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic and the political crisis in the country. Although social optimism is weakly expressed, the given epiphenomenon can be explained by the fact that the young people consider all indicators of life quality as virtually equal that is both conditioned by the results of socialisation and logic of a modern society's development.

Keywords: subjective quality of life; student youth; index method; assessment; social optimism; epiphenomenon.

Introduction

The student youth is a unique socio-demographic group in the structure of the Belarusian society. It is implicitly characterised by a high level of social dynamism, a significant degree of socio-cultural innovation, a pronounced focus on more intensive acquiring of relevant competencies. Young people associate their success in life with such qualities as dedication, hard work, readiness to take risks, education and intelligence [1, p. 174]. One of their most important characteristics is the attitude towards achieving a high quality of life viewed as a universal standard for an individual's personal success in society. In fact, life quality acts as a behavioural regulator that determines the parameters of the young people's social activity. That is why a sociological dimension of the subjective quality of students' life in the context of implementing the state youth policy in the Republic of Belarus acquires theoretical and applied significance.

Young people in general are characterised by a specific age, social and psychological properties, values and attitudes, special subculture, patterns of behaviour

etc. As for the student youth, its typological feature is constant mobility and changeability in structural and sociocultural aspects that determine instability of the criteria used by an individual to assess his own social status and quality of life. It traditionally actualises measuring of the subjective quality of students' life as life quality «gives grounds for both man's perception of the surrounding world as a whole and its objects, and his assessment of the life situation and decision-making»¹ [2, p. 56]. In general, the subjective quality of students' life can be considered as a result of the mutual impact of objective and subjective factors and parameters (state and dynamics of macrosocial processes, resource capabilities of individuals and groups, value orientations, quality and content of secondary socialisation, normative requirements for youth etc.) expressed in the individual's assessment of conditions and results of life activity.

Since the Belarusian students are *a priori* a most important social resource in ensuring the country's

¹Hereinafter translated by us. – V. S.

socio-economic and scientific-technical development, the issue of measuring the subjective quality of their life is of particular significance. Subjective quality of life

is the phenomenon used to comprehensively consider and evaluate implementation of the state youth policy, with the student youth being both its subject and object.

Methodology and methods of research

Conceptualisation of the subjective quality of the student youth's life requires considering of the approaches to the phenomenon of life quality that have developed in socio-humanitarian discourse. The issue of life quality viewed as a complex and multilevel construct is traditionally one of the topical issues in theoretical and applied research, being an integral part of various scientific disciplines, schools and areas [3–5].

In modern socio-humanitarian discourse the category of life quality is considered in an interdisciplinary aspect that brings together the theoretical and practical achievements of the humanities and social sciences. It is reflected both in development of integral conceptu-

al models of life quality and in combination of various theoretical approaches when methods to assess the population's life quality are developed. As S. A. Ayvazyan underlines, «there are a lot of theoretical conceptions of life quality highlighting various aspects of life (happiness, health, ability to lead a decent lifestyle etc.), but there is no single universal definition of this synthetic latent category» [6, p. 10].

At present, there are the following theoretical interpretations of the concept of life quality [7; 8] that explicate the essence and content of the given phenomenon within the framework of the general classification scheme of its measurement (table 1).

Table 1

Theoretical interpretations of life quality in the social sciences and humanities

Theoretical approach	Essence and content	Epistemological limitations of approach
Subjectivistic	Life quality is interpreted as a degree of comfort of an individual's life activity in the micro- and macro-social framework, designed to meet personal needs of various levels	Cultural relativism that ignores socio-cultural specificity of a particular community
Objectivistic-consuming	It emphasises the objective relationship of an individual's life quality with the possibilities of practical implementation of his needs in a specific social context. In this case, life quality acts as a certain set of resources necessary to meet man's individual needs and personal development	Achieving an individual's certain quality of life is considered in the light of material needs; the role of spiritual needs is minimised
Quantitative-consuming	Life quality is seen as a complex characteristic of the degree of satisfaction of people's material and cultural needs, prevailing conditions of individual and group life, basic parameters of the individual and society's development. That's why consumed goods and services, real income etc. are considered objective markers of achieving a standard level of life quality	It focuses on undeniable significance of material resources to determine the parameters for achieving a certain quality of life
Axiological	Life quality is defined as a set of life-meaningful guidelines and value orientations. They characterise the structure of an individual's needs and living conditions, as well as the degree of people's satisfaction with life, social relations and environment. Accordingly, life quality emphasises the parameters and completeness of realisation of certain social ideals in the individual and group life	It ignores social conditioning of ideals and values and considers them as isolated from the material basis of society
Complex	Life quality is seen as a complex of optimal characteristics of an individual's life activities within the framework of a particular social space and time. Together, they ensure adequacy of the parameters of the individual life to the types of a person's needs and social activities. Here quality of life is considered from the viewpoint of a mutual correspondence of methods and results of an individual's activity	The opportunistic principle of constituting a system of optimal characteristics of an individual's life activity used as a normative parameter for achieving quality of life
Synthetic	Life quality is understood as a degree of comfort of social and natural environment an individual lives in. The approach ties the parameters of man's harmonious life, level of his individual well-being, mental and physical health. Feeling of happiness, pleasure of different natures, fulfilment of desires are viewed as the basic indicators of a high degree of life quality achieved by the individual	Voluntarist and subjectivist character of measuring an individual's quality of life takes place

Ending table 1

Subjective-sociodynamic	Life quality is viewed in the light of the population's satisfaction with the favourable dynamics of socio-economic changes in society in a particular period of time. It highlights four levels of measuring quality of life – individual, group, societal and world	Parameters of society's macroeconomic development are identified with criteria to measure life quality
Relationalistic	Social potential of life quality and its practical implementation at the individual level are related. So, life quality is seen in the context of an individual correlation of a person's status and resource provision with his normative-target attitudes and life plans in a particular time and social framework	Social status acts as a single universal parameter of an individual's life quality

Note. Own development based on [6–8].

It seems hard to talk about universality of manifestation and measurement of life quality as far as various socio-demographic groups and, above all, subjective personal assessments and positions are concerned. It can be fully applied to the young people with a variety of meanings especially noticeable due to a deep social differentiation caused by the economic conditions of life, differences in the structure of production and labour market, dramatic gaps in the level of remuneration [9, p. 247].

The given aspect entails the task of developing and testing the technique for index measurement of the subjective quality of the Belarusian students' life chosen as the object of research. The subjective quality of life interpreted as a set of unique personally significant characteristics which determine the individual's attitude to the retrospective, actual and projective parameters of his own life, is highlighted by the following. The category of subjective quality of life is an epistemological tool that in a sociological survey ensures taking the impact of quality of living conditions and life process on the individual's position to various aspects of social reality into account.

In our research designed to study quality of the Belarusian students' life, quality of life is understood as «its complex characteristic that reflects the objectively existing parameters of the standard of living and satisfaction of needs for directly unpaid benefits as well as a subjective perception of the degree of satisfaction of the entire totality of needs in a specific period of time in society» [10, p. 658]. Sociological analysis of level and quality of the students' life involves its subjective assessment based on the appropriate system of indices and indicators, since the given assessment represents the typological features of the Belarusian youth most optimally.

The following points serve the indicators of life quality:

- subjective assessment of the material standard of living that combines the indicators of satisfaction with material provision and satisfaction with housing conditions;
- subjective assessment of health, accessibility and quality of medical care that combines the indicators related to assessing one's own health, quality and accessibility of medical care;
- subjective assessment of accessibility and quality of education that combines the indicators characterizing quality and accessibility of services education;

- subjective assessment of accessibility and quality of social infrastructure by which an individual assessment of satisfaction with availability and function of social infrastructure facilities at the place of residence (cultural institutions, sports facilities etc.) is made;

- subjective assessment of the state of ecological environment that is determined by assessing of the environmental situation at the place of residence, level of pollution of the place of residence (water quality, air purity), satisfaction with the greening of the region of residence;

- subjective assessment of quality of social environment that is determined by assessing of the level of security provided to an individual at the place of residence, study, work and in the country as a whole;

- satisfaction with quality of life that takes people's assessment of their life as a whole, their emotional state at a certain point in time into account.

It should be noted that assessing of quality of the students' life is impossible without assessing of the standard of their living that is determined with the parameter of individual consumption of goods and services used to meet the young people's basic needs.

In the research a number of indices were calculated: individual and general indices, integral index of life quality and aggregate index of the standard of living. Individual (particular) indices describe the characteristics of the young people's public consciousness in particular aspects of life quality. Their choice and methods of coordination entailed some difficulty. To eliminate it, the questions in the questionnaire were directed to highlight positive or negative assessments of aspects of an individual's life. «Neutral position» or «find it difficult to answer» options were excluded. Each particular index was calculated on linear distributions of responses as a difference between shares of positive and negative responses; to avoid negative values of the index, 100 was added to the obtained data. The arithmetic mean of individual indices was used to develop general indices of life quality (table 2). The integral index of quality of the students' life was calculated as the arithmetic mean of the general indices. A similar way was used to construct the aggregate index of the standard of living of the student youth which is considered as an integral indicator of effectiveness of the state youth policy implementation both in higher professional education and in society as a whole [10].

Table 2

System of subjective indicators of life quality

General indices of subjective quality of life	Particular indices of subjective quality of life	Questions to calculate particular indices of subjective quality of life
Index of subjective assessment of material standard of living	Assessment of financial standing	How do you assess the financial standing of your family?
	Retrospective assessment of the family's financial standing	How has your family's financial standing changed over the past year?
	Prospective assessment of the family's financial standing	How do you think your family's financial standing will change in a year?
	Satisfaction with living conditions	To what extent are you satisfied with your living conditions?
Index of subjective assessment of health, accessibility and quality of medical care	State of health	How do you assess your state of health?
	Accessibility of medical care	Are you satisfied with the possibility of receiving medical care if necessary?
	Quality of medical care	Please, assess quality of free medical care provided by health institutions.
Index of subjective assessment of accessibility and quality of education	Accessibility of education	Are you satisfied with the possibility of getting education?
	Quality of education	How do you assess quality of education (by level of education)?
Index of subjective assessment of accessibility of social infrastructure	Satisfaction with availability of institutions of social sphere	How satisfied are you with availability of institutions of social sphere at your place of residence (by type and kind)?
Index of subjective assessment of the state of ecological environment	Assessments of the state of ecological environment	How do you assess your place of residence (by aspects of the environmental situation)?
Index of subjective assessment of quality of social environment	Assessment of the level of security	Do you feel safe (by territorial localisation)?
Index of subjective assessment of satisfaction with life	Assessment of life at the present moment of time	To what extent are you satisfied with the life you lead now?
	Retrospective assessment of family life	How has the life of your family changed over the past year?
	Prospective assessment of family life	How do you think the life of your family will change in a year?

Thus, the given technique for measuring quality of the student youth's life, based on the index method, enables solving two tasks: diagnose various aspects of the students' life and identify specific problem areas in higher professional education when the state youth policy is implemented. Its universality was not questioned due to heterogeneity of the student youth throughout the world, not to

mention it in the post-Soviet countries. The reason is quite obvious – it is unique and original nature of the youth of each country, despite the general algorithm for changing value ideas among the generations of the young people from different countries entailed by the key events in the world (emergence of the Internet, spread of mobile communications, informational technologies etc.) [11, p. 235].

Results and their discussion

An applied sociological research to study the subjective quality of the Belarusian students' life was carried out in two stages (in November 2019 and September 2020). The target population is full-time students of all faculties of Belarus State Economic University (BSEU). The size of the random samples was $n = 325$ in 2019 and $n = 394$ in 2020 (with a confidence interval of $95 \pm 5\%$) that is sufficient enough to generate the obtained results to the entire population. A method for collect-

ing information in the study is an online questionnaire survey. The questionnaire contained the questions for the respondents to assess both their own life quality and standard of living and those of their family. The processing and analysis of the empiric data was carried out with the SPSS Statistics.

The results of the questionnaire survey show that the BSEU respondents demonstrated a consistently high degree of satisfaction with both objective living

conditions and subjective perception of the degree of satisfaction with their needs. Thus, the aggregate index of living standards was 1.3 in 2019 and 1.3 in 2020; the aggregate index of the life quality was 1.3 and 1.3, respectively. If in 2019 the Belarusian society did not face serious crisis phenomena in the economic and political spheres, in 2020 the country, like the whole world, was hit by the tough economic consequences of the COVID-19 pandemic. Therefore, in the given case social optimism of the respondents actualises the question of its source which can be considered either in the light of their typological characteristics as the young people, or in social infantilism of the given age cohort.

In general, the analysis of the general indices of the subjective quality of life due to its retrospective, current and prospective aspects indicates the respondents' increased social optimism (table 3). The only exception is the value of the index of subjective assessment of quality of the social environment: its decrease in 2020 indicates that the respondents fixed a negative impact on their lives and life of the whole society, which was caused by the socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic and the political crisis in the country.

The analysis of particular indices of the subjective quality of life in the light of retrospective, actual and prospective aspects also indicates the same increase in the respondents' social optimism (table 4).

Table 3

Dynamics of general indices of subjective quality of life in 2019 and 2020

General indices of subjective quality of life	2019	2020
Index of subjective assessment of material standard of living	1.3	1.3
Index of subjective assessment of health, accessibility and quality of medical care	1.1	1.2
Index of subjective assessment of accessibility and quality of education	1.3	1.3
Index of subjective assessment of the accessibility of social infrastructure	1.5	1.5
Index of subjective assessment of the state of ecological environment	1.2	1.4
Index of subjective assessment of quality of social environment	1.6	1.2
Index of subjective assessment of satisfaction with life	1.2	1.2

Note. Compiled on results of researches conducted in 2019 and 2020.

Table 4

Dynamics of particular indices of subjective quality of life in 2019 and 2020

General indices of subjective quality of life	Particular indices of subjective quality of life	2019	2020
Index of subjective assessment of material standard of living	Assessment of financial standing	1.3	1.4
	Retrospective assessment of the family's financial standing	1.0	1.0
	Prospective assessment of the family's financial standing	1.4	1.3
	Satisfaction with living conditions	1.4	1.7
Index of subjective assessment of health, accessibility and quality of medical care	State of health	1.3	1.3
	Accessibility of medical care	1.1	1.2
	Quality of medical care	0.9	0.9
Index of subjective assessment of accessibility and quality of education	Accessibility of education	1.6	1.6
	Quality of education	1.0	0.9
Index of subjective assessment of the accessibility of social infrastructure	Satisfaction with availability of institutions of social sphere	1.5	1.5
Index of subjective assessment of the state of ecological environment	Assessments of the state of ecological environment	1.2	1.4
Index of subjective assessment of quality of social environment	Assessment of the level of security	1.6	1.2
Index of subjective assessment of satisfaction with life	Assessment of family life at present	1.2	1.3
	Retrospective assessment of family life	1.0	1.0
	Prospective assessment of family life	1.4	1.3

Note. Compiled on results of researches conducted in 2019 and 2020.

The respondents highly assessed the quality and efficiency of the institutional infrastructure that ensures maintenance of the standard of living in the country within the framework of the normatively established social standards. The only exception in the given case is the respondents' low assessment of the quality of social environment perceived as a decreased level of public security in the Belarusian society. The low assessment is obviously resulted from the sharp deterioration in the socio-political situation in the country during the election campaign and in the post-election period.

It should be noted that the respondents' social optimism correlates with the general subjective assessment of their quality of life in 2020 which is consistently positive. So, to the question «To what extent are you satisfied with the life you lead now?», the following responses were received: totally satisfied – 14 % (5 % in 2019); rather satisfied – 50 % (53 % in 2019); rather not satisfied – 30 % (34 % in 2019); totally dissatisfied – 5 %

(6 % in 2019); only 1 % of respondents found it difficult to answer (3 % in 2019).

The validity of the students' social optimism should be considered in the context of the subjective assessment of their families' material standard of living in actual and prospective aspects because the young people are financially supported mainly by their parents and they are not fully employed in the labour market during their study at university. In general, the BSEU students are quite optimistic and highly assess the level of their families' financial standing. To the question «How do you assess your family's financial standing?» the following responses were received: 41.6 % of the respondents note that the life of their family in this respect has not changed over the past year, 28.7 % of the respondents note a change in life for the better and 25.9 % – a change for the worse (43.1 %, 25.7 % and 25.5 % corresponding in 2019).

Of particular interest are data on the subjective assessment of life satisfaction in future (table 5).

Table 5

**Distribution of responses to the question:
«How do you think your family's financial standing will change in a year?», %**

Responses	Year	
	2019	2020
Improve significantly	12.7	15.2
Improve slightly	35.8	29.4
Will not change	28.1	18.8
Deteriorate slightly	7.0	11.7
Deteriorate significantly	2.1	4.3
Difficult to answer	14.3	20.6

The obtained data show that the share of the respondents expecting an improved standing in their family's life decreased by 3.9 %, and of those predicting that they will live the same way they do at the moment decreased by 9.3 %, and of those expecting deterioration or significant deterioration in their life increased by 6.3 %. It should be noted that in the 2020 survey almost every fifth respondent found it difficult to answer, and it may indicate both the respondents' immature position and unwillingness to predict the situation. In

this regard, it seems worth talking about pluralism of the opinions on the issue under study, its significant differentiation which might have been caused by the difficult economic and political situation.

As far as the general index of the subjective assessment of life quality is concerned, it did not change in retrospective, actual and prospective aspects as compared to the previous 2019 year, its value also amounted to 1.2, and its structure showed minor changes over the year (table 6).

Table 6

Structure of the general index of subjective assessment of satisfaction with life in 2019 and 2020

Particular indices of subjective assessment of satisfaction with life	2019	2020
Particular index of subjective assessment of satisfaction with life at present	1.2	1.3
Particular index of subjective assessment of satisfaction with life over the past year	1.0	1.0
Particular indices of subjective assessment of satisfaction with life in future	1.4	1.3

Note. Compiled on results of researches conducted in 2019 and 2020.

In retrospect, the BSEU respondents demonstrated a fairly balanced assessment of their families' financial standing that corresponds to its projective assessment. Of great importance for assessing the quality of life is the person's subjective satisfaction with his financial standing and its change over time rather than the real level of his income. The results of the 2020 empirical measurement indicate that 91.7 % of respondents are satisfied with their financial standing, of them 44.7 % consider it good in one way or another (44.4 % in 2019), 47.0 % assess it as average (45.2 % in 2019). At the same time, 42.6 % of the respondents believe that their families' financial standing did not change over the past year, almost a third (31.7 %) noted its deterioration, every fifth respondent noted its improvement. The comparison to the results of the 2019 survey show that the share of the respondents who noted an improved level of their financial standing decreased by 7.7 %, while the share of those who noted its deteriora-

tion increased by 8.6 %. The obtained results can be interpreted in the light of the negative impact of the economic and political crisis in the country, with the COVID-19 pandemic being one of its drivers, on the individual and society.

It should be noted that the respondents are rather restrained in their assumptions about their future financial standing. However, the general trend of their opinions in 2020 is less positive than in 2019: the share of those who are pessimistic has almost doubled (see figure).

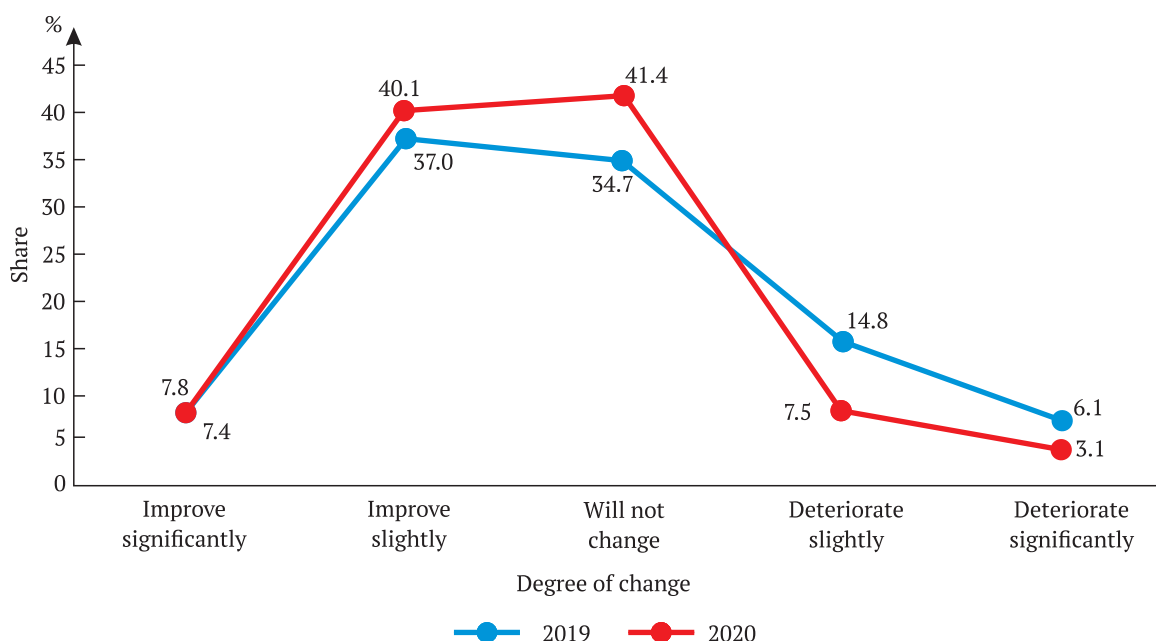
Despite the observed changes in the respondents' assessments of satisfaction with various aspects of the financial standing, the values of particular indices indicate that positive judgments are dominating. The most significant differences were recorded in relation to satisfaction with housing conditions (table 7), while the general self-assessment index of material standing was 1.3, as in December 2019.

Table 7

Dynamics of particular indices of subjective assessment of the material standing in 2019 and 2020

Particular indices of subjective assessment of material standing	2019	2020
Particular index of subjective assessment of material standing at present	1.3	1.4
Particular index of subjective assessment of material standing over the past year	1.0	1.0
Particular index of subjective assessment of material standing in future	1.4	1.3
Particular index of subjective assessment of satisfaction with housing	1.4	1.7

Note. Compiled on results of researches conducted in 2019 and 2020.

Distribution of responses to the question: «How do you think your family's financial standing will change in a year?» (in 2019 and 2020)

The results of the 2020 study show that almost seven out of ten respondents (65.7 %) were satisfied with their health, almost a third (32 %), on the contrary, were not satisfied. There were no significant differences compared to the 2019 study. The indicator of availability of medical care remained at the level of the previous year (table 8). Most respondents note that they have free access to health services. Every second survey participant (56.1 % in 2020 and 52.5 % in 2019) is satisfied with the opportunity to receive medical care if necessary, 36.8 % are not satisfied (39.7% in 2019).

In 2020 the value of the particular index of the medical care quality is 0.9 (same as in 2019) and responses show a slightly greater (but not rather significant) domination of the negative values. The analysis of the data presented in table 4 shows that the bias towards negative assessments is associated with lower satisfaction with quality of medical services provided by clinics and hospitals.

At the same time, the general index of subjective assessment of health, accessibility and quality of me-

dical care has a positive value for the second year in a row – it is 1.1 in 2019 and 1.2 in 2020. The changed value of the index is caused by an insignificant increase (+0.1 per year) in the particular index of medical care availability.

Of particular interest is the subjective assessment of accessibility and quality of education, since it is specialised secondary and higher professional education that determines competitiveness of the young people in the labour market and their social prospects in society. To the question «Are you satisfied with the opportunity to get education?» the respondents suggested the following responses: totally satisfied – 24 % (21 % in 2019), rather satisfied – 52 % (59 % in 2019), rather not satisfied – 15 % (12 % in 2019), totally dissatisfied – 3 % (4 % in 2019) and 5 % of them found it difficult to answer (4 % in 2019).

A retrospective subjective assessment of the quality of education turned out to be more differentiated: the levels of education were assessed by the respondents in the following way (table 9).

Table 8

Dynamics of particular index of quality of medical care according to the type of healthcare institution in 2019 and 2020

Healthcare institution	2019	2020
Clinic for adults	0.7	0.7
Hospital (inpatient treatment)	0.8	0.8
Ambulance	1.1	1.0
Dental clinic	1.0	1.1
Antenatal clinic	1.0	1.0

Note. Compiled on results of researches conducted in 2019 and 2020.

Table 9

Subjective assessment of education quality, %

Level of education obtained	High quality		Average quality		Low quality		Did not obtain		Difficult to answer	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Secondary general	18	15	65	62	14	17	2	3	1	3
Vocational	5	5	30	33	10	10	50	46	6	6
Secondary specialised	6	7	35	36	6	10	46	42	6	6
Higher	14	16	61	59	20	21	0	0	5	4

Note. Compiled on results of researches conducted in 2019 and 2020.

A comprehensive assessment of the general index of subjective assessment of education accessibility and quality was made based on the analysis of the particular indices of the same name. The obtained values did not change; the value of the general index is 1.3. The students' subjective assessments of education quality

were obviously influenced by their personal experience associated with the choice and implementation of educational trajectories of personal development, level of achieved academic engagement, nature of relationships in the academic community, degree of integration into the social networks of the educational institution.

Conclusion

Thus, the issue of sociological measurement of the subjective quality of the Belarusian students' life in the context of implementation of the state youth policy in the country has an undeniable theoretical and applied significance. First of all, the focus should be made on the heuristic potential of the subjective approach to conceptualising the phenomenon of life quality that enables to bring to the fore the individual to whom the fundamental role in social life is attributed. Quality of life is a wide range of conditions for human life that includes not only the standard of living, but also such components that relate to social well-being, ecological environment, political climate, psychological comfort. That is why measurement of subjective assessments of life quality requires making use of an index method, which is designed to reduce social information to a single indicator, regardless of the total number of the object's attributes-indicators. Within the framework of the developed technique for measuring quality of the

Belarusian students' life, particular indices describing the characteristics of public consciousness about certain aspects of life quality are calculated. In addition, suggested is the calculation of the integral index of life quality and aggregate index of the standard of living of the student youth considered as an integral indicator of effectiveness of the state youth policy implementation. The technique for measuring the subjective quality of life enables to diagnose various aspects of the students' life and identify particular problem areas in the state youth policy implementation. In general, the students' assessment of subjective satisfaction with life is characterised by a weakly expressed optimism in retrospective, current and prospective aspects. The given epiphenomenon can be explained by the fact that the young people consider all indicators of life quality as virtually equal that is both conditioned by the results of their socialisation and largely determined by the logic of a modern society's development.

Библиографические ссылки

1. Папуша АВ, Пинчук ИВ, Сухотский НН, Аржанник ВВ, Сорокопыт НА, Фаблинова ОН и др., составители. *Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований. Выпуск 10*. Минск: Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; 2018. 180 с.
2. Рябов ВВ. Теоретические основания исследования качества жизни человека. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2018;3(2):51–73.
3. Лига МБ. Качество жизни как основа социальной безопасности. Москва: Гардарики; 2006. 223 с.
4. Лига МБ. Качество жизни: генезис идей. *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Философия, культурология, социология, социальная работа»*. 2011;4:237–244.
5. Нугаев РМ, Нугаев МА. Качество жизни в трудах социологов США. *Социологические исследования*. 2003;6:100–105.
6. Айвазян СА. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. Москва: Наука; 2012. 432 с.
7. Присяжный МЮ. Подходы к определению понятия «качество жизни». *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011;5:283–295.
8. Присяжный МЮ. Понятие «качества жизни» в системе смежных понятий. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011;4:201–208.
9. Зубок ЮА, Чупров ВИ. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019;12(6):243–259. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14.
10. Naumov D, Simkhovich V, Vishniakova M. Quality of life of youth as a subject of sociological research: theoretical and methodological aspect. В: Шутин ВЮ, редактор. *Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Выпуск 13*. Минск: БГЭУ; 2020. с. 654–660.
11. Беляева ЛА. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020;13(4):220–237. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13.

References

1. Papusha AV, Pinchuk IV, Sukhotskii NN, Arzhanik VV, Sorokopyt NA, Fablinova ON, et al., compilers. *Respublika Belarus' v zerkale sotsiologii: sbornik materialov sotsiologicheskikh issledovaniy. Vypusk 10* [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: a collection of materials from sociological research. Issue 10]. Minsk: Informatsionno-analiticheskii tsentr pri Administratsii Prezidenta Respubliki Belarus'; 2018. 180 p. Russian.
2. Ryabov VB. Theoretical basis of the quality of human life study. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2018;3(2):51–73. Russian.
3. Liga MB. *Kachestvo zhizni kak osnova sotsial'noi bezopasnosti* [Life quality as grounds for social security]. Moscow: Gardariki; 2006. 223 p. Russian.
4. Liga MB. Life quality: genesis of ideas. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Seriya «Filosofiya, kul'turologiya, sotsiologiya, sotsial'naya rabota»*. 2011;4:237–244. Russian.

5. Nugaev RM, Nugaev MA. [Life quality in works by US sociologists]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2003;6:100–105. Russian.
6. Ayvazyan SA. *Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya: ekonometricheskii podkhod* [Analysis of the quality and life-style of the population: an econometric approach]. Moscow: Nauka; 2012. 432 p. Russian.
7. Prisyazhnyi MYu. [Approaches to definition of the concept «quality of life»]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2011;5:283–295. Russian.
8. Prisyazhnyi MYu. [Concept of «quality of life» in the system of related concepts]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2011;4:201–208. Russian.
9. Zubok YuA, Chuprov VI. Self-regulation of the image of labor in young people's cultural space. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2019;12(6):243–259. Russian. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14.
10. Naumov D, Simkhovich V, Vishniakova M. Quality of life of youth as a subject of sociological research: theoretical and methodical aspect. In: Shutilin VYu, editor. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. Vypusk 13* [Scientific works of the Belarus State Economic University. Issue 13]. Minsk: Belarus State Economic University; 2020. p. 654–660.
11. Belyaeva LA. Generation Y in Russia: social stratification, position in the labor market and problems of political socialisation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2020;13(4):220–237. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13. Russian.

Статья поступила в редколлегия 10.06.2021.
Received by editorial board 10.06.2021.

УДК 316.1

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ «ХРОНОТОП» В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО

Т. М. ШАВЕРДО¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Анализируются объяснительные возможности концепта «хронотоп» применительно к изучению социальных явлений и процессов. Показывается генезис понятия от исследований А. А. Ухтомского, посвященных пространственно-временным аспектам функционирования человеческого организма и окружающей среды, к литературной критике М. М. Бахтина, в рамках которой раскрывается пространственно-временная организация художественных произведений. Осуществляется проекция взаимоотношений пространства и времени в литературе на сферу социального. Выявляется латентная хронотопичность культурно-исторической концепции Шпенглера, где качественные особенности пространства и времени порождают принципиально различные картины мира и содержание человеческого бытия. На основании теоретических положений А. Я. Гуревича и антропологических исследований Л. Леви-Брюля раскрывается проблема пространственно-временного детерминизма структуры нашего мышления. Эxpлицируется взаимосвязь между приметами пространства-времени, образом мира и самого человека. Обосновывается эффективность использования категории «хронотоп» как инструмента анализа социума на уровне структуры и действия. Обозначаются наиболее перспективные направления использования объяснительных возможностей хронотопа в социологии.

Ключевые слова: социальный хронотоп; социальное пространство; социальное время; пространство-время; пространственно-временные координаты социума.

THE EXPLANATORY POTENTIAL OF THE «CHRONOTOPE» CATEGORY IN SOCIAL RESEARCH

T. M. SHAVERDO^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The explanatory possibilities of the «chronotope» concept applied to the social phenomena and processes study are analysed. The concept's genesis from A. A. Ukhtomsky's research, dedicated to the space-time aspects of the human body functioning and the environment, to M. M. Bakhtin's literary criticism, which reveals the space-time organisation of literary works is shown. The specificity of spatio-temporal relations in literature is projected onto the sphere of social. The latent chronotopicity of Spengler's cultural-historical concept is revealed. According to this concept, the qualitative features of space and time produce fundamentally different pictures of the world and the human existence content. Based on A. Ya. Gurevich's theoretical propositions and L. Levi-Bruhl's anthropological studies, the space-time determinism problem of our thinking structure is revealed. The connection between the signs of space-time, the image of the world and a human is explicated. The effectiveness of using the category «chronotope» as an analysing tool of society at the level of structure and action is substantiated; the most promising areas for using the explanatory possibilities of the chronotope in sociology are identified.

Keywords: social chronotope; social space; social time; space-time; space-time coordinates of society.

Образец цитирования:

Шавердо ТМ. Объяснительный потенциал категории «хронотоп» в исследовании социального. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;3:104–112.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-104-112>

For citation:

Shaverdo TM. The explanatory potential of the «chronotope» category in social research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;3:104–112. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-104-112>

Автор:

Тамара Михайловна Шавердо – младший научный сотрудник.

Author:

Tamara M. Shaverdo, junior researcher.
tamara.shaverdo17@ya.ru

Пространство и время проявляют себя на самых разных уровнях общественной жизни, обеспечивая совпадение социальных акторов в физическом и символическом смыслах. В интересах исследования категории пространства и времени могут быть отделены друг от друга для формулирования более точных определений, выявления специфических характеристик и причиняющих сил пространства и времени по отношению к социальной жизни. Однако только единство пространственно-временных координат задает полноценную рамку нашего бытия и контекст человеческого взаимодействия.

Интуиция в отношении единства пространства и времени сопровождает человека на протяжении всей истории. Очевидность пространственных форм и трансцендентность времени соприкасаются как жизнь и смерть. Человека с рождения окружает жизненный ресурс пространства, воплощенный во всем разнообразии наличной данности универсума. Время же не имеет материального воплощения и обнаруживает себя главным образом через предчувствие *inferno*.

Как отмечают историки и антропологи, вместе с попыткой осмысления времени человек предпринимает и попытку его устранить как нечто препятствующее разворачиванию жизни. В архаической культуре преодоление времени осуществлялось посредством мифов о многократном рождении и всевозможных обрядах инициации, отрицающих конечность жизни. Однако попытка преодолеть время оказывается лишь уловкой, в которую попадает сам человек, так как приметы «обманутого» времени всегда обнаруживают себя через пространство. Несмотря на то что старение мы привыкли связывать с временным модусом, только пространство способно предъявить телу его беспомощность – расстояние, которое больше не преодолеть, «дичь», с которой уже не совладать. Осязаемость пространственных форм создает иллюзию нашей власти над действительностью, тогда как трансцендентность времени страшит неизвестностью. Вступая в отношения с понятным и доступным пространством, мы всегда соприкасаемся и со временем, которое реализует свои планы через материальный мир. Таким образом, пространство и время нашей жизни оказываются тесно переплетены и соизмеримы друг с другом.

Единство пространства и времени включает в себе категорию «хронотоп» (от греч. *chronos* – время, *topos* – место). Понятие «единство» не всегда означает равноправие и согласованность пространства и времени в системе социальных координат. На протяжении человеческой истории *chronos* и *topos* с попеременным успехом осуществляют символическую экспансию в отношении друг друга. Специфика взаимосвязи пространства и времени,

воплощенная в уникальном хронотопе, во многом определяет образ каждого конкретного социума.

В данной статье предпринимается попытка выявить объяснительный потенциал категории «хронотоп» в изучении социального посредством установления взаимосвязи между приметам пространства-времени, образом мира и самого человека.

В научный оборот категорию «хронотоп» ввел русский и советский физиолог А. А. Ухтомский в контексте исследования особенностей пространственных и временных аспектов функционирования человеческого организма и окружающей среды. На взгляд А. А. Ухтомского, хронотоп представляет собой спайку пространственно-временных координат реальности, обеспечивающих взаимосвязь единичного и всеобщего, согласованность событий прошлого, настоящего и будущего в единой мировой линии. В отличие от параметров пространства и времени, взятых по отдельности, хронотоп, как пространственно-временная целостность, порождает уникальность бытия сущего: «С точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события...» [1, с. 267].

Все сущее А. А. Ухтомский наделяет определенной судьбой, которая складывается из причиняющих сил пространства и времени и являет собой перетекание вещи (реализация временной координаты) из одной формы в другую (реализация пространственной координаты). Понятие судьбы в данном контексте сходно с понятием хронотопа, так как воплощает в себе единство всех ипостасей объекта от прошлого к настоящему и его путь, намеченный в будущее чередой состоявшихся событий. При этом понятие судьбы отсылает к важной для понимания хронотопа метафоре неизбежности, выраженной в невозможности вещи преодолеть причиняющие силы пространства и времени. Следует отметить, что, придерживаясь идеи единства пространства и времени, направляющей силой в хронотопе А. А. Ухтомский считает время, а именно прошлое: «Идея хронотопа в том, что событие не создается, не определяется сейчас пришедшими факторами, – последние приходят лишь затем, чтобы осуществить и выявить то, что накопилось и определилось в прошлом» [1, с. 267].

Несмотря на то что рассуждения А. А. Ухтомского обращены главным образом к физиологии человека, его работа позволяет сделать ряд обобщений, и рассматривать под «вещью» предельно широкий круг объектов и явлений материальной и нематериальной природы.

В блоке социально-гуманитарного знания термин «хронотоп» появляется благодаря работе философа и культуролога М. М. Бахтина [2] и разрабатывается им в контексте исследования пространственно-временной организации художественных

произведений. По Бахтину, хронотоп – это слияние разворачивающихся в произведении пространственно-временных отношений в самостоятельной смысловой целостности. Время и пространство в литературе перетекают друг в друга: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [2, с. 236].

В хронотопе как в неделимой целостности время становится художественно-зримым, а пространство обретает способность к движению. М. М. Бахтин отводит хронотопу принципиальное значение в литературе и полагает, что именно пространственно-временные отношения определяют жанровые различия и образ человека в произведении. В своей работе М. М. Бахтин анализирует различные жанры европейского романа с точки зрения развертывания пространственно-временных отношений. Организующую роль в хронотопе он (как и А. А. Ухтомский) отводит временной координате. Несмотря на то что М. М. Бахтин исследует пространство и время художественного произведения, его методологическая рамка представляет интерес для социолога, так как может выступать наглядной моделью работы хронотопа в контексте социальных явлений и процессов.

Три основных типа романного единства (хронотопа) – авантюрный роман-испытание, авантюрно-бытовой роман, биографический роман – сложились еще в Античности и стали основой для всевозможных вариаций в европейском романе [2].

Так, авантюрный роман-испытание характеризуется отсутствием естественной цикличности и исторической локализации времени. Повествование не позволяет ни определить конкретных следов эпохи, ни связать происходящее с биологическим возрастом героев, ни выстроить единую событийную линию, подчиненную логике каузальных связей. М. М. Бахтин пишет: «“Вдруг” и “как раз” – наиболее адекватные характеристики всего этого времени, ибо оно вообще начинается и вступает в свои права там, где нормальный и прагматически или причинно осмысленный ход событий прерывается и дает место для вторжения чистой случайности с ее специфической логикой» [2, с. 242]. Время здесь выстраивается не линейно, а посредством неких всплесков активности (авантюры), возникающих и затухающих по воле случая. Внутри данного типа романа время как бы не указ: герои не стареют, последовательность событий утрачена, а происходящее описывается с помощью пространственных метафор и разворачивается, как правило, на богатом географическом фоне. Как подчеркивает М. М. Бахтин, для реализации повествования авантюрного романа-испытания необходима лишь чистая пространственная экстенсивность [2].

Подлинная связь между героем и внешним миром здесь отсутствует: «Мир не способен изменить героя, он его только испытывает, и герой не воздействует на мир, не меняет его лица; выдерживая испытания, устраняя своих врагов и т. п., герой оставляет в мире все на своих местах, он не меняет социального лица мира, не перестраивает его да и не претендует на это» [3, с. 205]. Персонаж не обладает субъектностью (в декартовском смысле): оказываясь в водовороте событий, он лишь отвечает на всевозможные вызовы судьбы.

Интерес для социологов представляет не столько специфика пространственно-временной организации романа, сколько акцент на уникальности мира, воссозданного по законам хронотопа авантюрного романа-испытания. Перекладывая принцип взаимодействия пространства и времени на устройство социальной реальности в данном типе романного единства, мы можем обнаружить сходный хронотоп в период расселения человеческих племен по земле. В условиях экстенсивного хозяйствования абсолютизируется значение пространства и практически не играет роли временной фактор. Жизненный уклад вращается вокруг освоения новых территорий, борьбы с неблагоприятными климатическими условиями, преодолением элементарных пространственных барьеров (гор, рек) в поиске более щедрых земель. Человек здесь сливается с пространством, он в прямом смысле гоним ветрами и направляем солнцем.

Второй тип романа – авантюрно-бытовой – демонстрирует слияние авантюрного и бытового времени в новом хронотопе. М. М. Бахтин подчеркивает, что речь идет не о механическом соединении двух времен, а об уникальной конфигурации временных примет, порождающих совершенно новый хронотоп и, соответственно, мирообраз в романе.

Если испытания в романе первого типа олицетворяют в первую очередь сконцентрированную событийность, то повествование авантюрно-бытового романа строится на идее метаморфозы героев и всего человеческого мира, что предполагает наличие временных рядов. М. М. Бахтин обращает внимание на то, что идея метаморфозы воплощает в себе последовательность самых разных типов: смену веков и поколений, перерождение природы, метаморфозы земледельца и самого зерна в цикле земледельческого быта [2]. Для всех этих временных рядов характерна смена или чередование различных ипостасей одного и того же объекта или явления.

Метаморфоза, как направляющая сюжетной линии авантюрно-бытового романа, создает картину человеческой жизни в ее основных переломных моментах: «Здесь нет становления в точном смысле, но есть кризис и перерождение» [2, с. 266]. В отличие от романа первого типа время здесь играет роль причиняющей силы и накладывает неизгладимый

отпечаток на всю жизнь героев. Вместе с тем время не перестает быть авантурным, оно наполнено исключительными и невероятными событиями, происходящими внезапно и вдруг, однако звенья в цепи событий связываются уже не по воле случая, а усилиями самих героев. Это указывает на существенную трансформацию позиции героев в контексте мирообраза произведения: из пассивного и претерпевающего человек становится действующим лицом в своей жизненной истории. Здесь нас интересует не столько специфика взаимоотношений героя с миром в романе, сколько установление каузальной связи между характером пространственно-временных конфигураций и образом человека.

Обращаясь к социальной реальности, мы видим, что вектор времени постепенно включается в игру, когда чистая пространственная экстенсивность больше не может обеспечить человека всем необходимым, а «ничейных» территорий практически не остается. Человек вынужден укорениться в пространстве, однако жизнь на конкретном месте необходимо выстраивать в соответствии с определенными ритмами и закономерностями. Переход от охоты и собирательства к земледелию служит ярким примером включения временной координаты в жизненный уклад социума: чтобы метаморфоза зерна осуществилась, человеку необходимо организовать свой быт в соответствии с сельскохозяйственными циклами.

Наконец, третий тип античного романа – биографический – воплощает в себе типичные моменты жизненного пути: «...рождение, детство, годы учения, брак, устройство жизненной судьбы, труды и дела, смерть и т. п.» [3, с. 206–207]. Если в авантюрно-бытовом романе жизненный путь предстает как череда исключительных происшествий, фиксирующих перерождение героя, то биографическое время, напротив, иллюстрирует обычное течение жизни. Время утрачивает авантюристичность и локализуется в пространстве, череда событий выстраивается в соответствии с биотемпоральными закономерностями и обретает свойство необратимости. Так, герои биографического романа не могут вмиг оказаться на противоположной части земного шара, вновь обрести молодость или жить, вовсе не старея, как это возможно, например, в авантюрном романе-испытании. М. М. Бахтин отмечает, что биографическое время в романе неизбежно встраивается в исторический процесс, который, однако, проявляет себя лишь в зачаточной форме и реализуется главным образом через соприкосновение поколений. Несмотря на то что биографический роман еще не имеет подлинной историчности, связь поколений во временном ряду позволяет добиться более реалистичного изображения действительности, в отличие от романов первых двух типов.

В соответствии с особенностями пространственно-временных примет в романе демонстрируются и система взаимосвязи человека с миром, и сам образ героя. Человек здесь осуществляет однонаправленное движение по жизненному пути, осваивает пространство и проживает события. По мнению М. М. Бахтина, мир в контексте биографического романа больше не играет роли фона, а становится существенной и неотъемлемой частью жизни действующего лица: «Соприкосновения и связи героя с миром организуются уже не как случайные и неожиданные встречи на большой дороге (и не как орудие испытания героя)» [3, с. 208]. Сам герой в биографическом романе наделяется устойчивыми характеристиками, которые задаются с начала повествования и сохраняются до конца. Человеческая жизнь становится отделима от череды событий, но вместе с тем она не способна игнорировать неотвратимость времени и не считается с пространственными фактами. События, пережитые героем, непременно накладывают отпечаток на его судьбу, но не приобретают значение переломного опыта, как в авантюрно-бытовом романе. Типичность происходящего в биографическом романе свидетельствует о рутинизации отношений человека с миром. Так, например, прозрачность будущего и предсказуемость пространства наиболее отчетливо обнаруживают себя в современной системе координат.

Анализируя три основных типа романного единства, мы видим, как вместе с трансформацией пространственно-временной организации мира в произведении изменяется и образ героев.

В авантюрном романе-испытании, где пространство отвоевывает у времени главенствующую роль, герои оказываются практически неотделимыми от событийности, их действия направляются внешними силами и полностью подчинены воле случая.

В авантюрно-бытовом романе на первый план выходит идея метаморфозы – перерождения героев и всего сущего на жизненном пути, а время становится организующим началом повествования. В таком хронотопе движение героя приобретает направленный характер и протекает в упорядоченном временном ряду, прерогатива веления от случая переходит к человеку и воплощается в стремлении субъекта установить тождество между ипостасями собственного Я в начале и конце жизненного пути.

В биографическом романе события выстраиваются в упорядоченный ряд и составляют единый и необратимый жизненный путь, а пространственные факторы накладывают существенный отпечаток на судьбу героя. Человек обретает укорененность в мире, однако не растворяется в событийности, а наделяется устойчивыми чертами, которые остаются неизменными на протяжении его биографии. Отношения человека с пространственно-временной реальностью «опривычиваются», что представляет

собой попытку преодолеть непредсказуемость окружающей действительности и обрести онтологическую безопасность.

Согласно логике М. М. Бахтина любые явления и объекты в произведении хронотопичны: своеобразие пространственно-временных конфигураций может составлять хронотоп дороги, провинциального городка, гостиной-салона, встречи и т. д. [2, с. 277–279]. Так, помимо общего хронотопа произведения, существует множество хронотопичных образований, которые могут пересекаться, соединяться друг с другом. Такие образования, как правило, выступают точкой концентрации смыслов в произведении: на дороге происходят судьбоносные встречи, за разговорами в гостиной-салоне решается карьера и определяется репутация главных героев.

В контексте окружающей действительности пространственно-временное картирование также уместно, например, при дифференциации пространства на приватное (пространство дома или квартиры) и публичное (пространство города и всевозможных общественных мест), разделении времени на личное и рабочее. Приватное пространство и личное время воплощают собой так называемую домашнюю обстановку и как бы разрешают нам чувствовать себя непринужденно и расслабленно, тогда как рабочее время и место активируют в нас совершенно другие качества: собранность, сосредоточенность, внимательность. Таким образом, окружающая действительность оказывается насквозь хронотопична, как на макроуровне в контексте картины мира, так и на микроуровне в контексте запретов и разрешений, которые накладывают на нас определенные пространственно-временные образования. Закономерно, что, действуя согласно этой системе запретов и разрешений, хронотопичным оказывается и сам человек.

В социально-гуманитарном дискурсе категория «хронотоп» появляется только в середине 1970-х гг. (и остается преимущественно в поле зрения литературоведения). Качественная сторона пространственно-временных отношений интересовала социальных теоретиков задолго до появления самой категории. Так, например, о хронотопе, не указывая на понятие прямо, говорят представители цивилизационного подхода к общественной динамике, рассматривая образ мира в его пространственно-временной обусловленности.

Наиболее показательна в этом отношении культурно-историческая концепция Шпенглера, согласно которой каждая культура обладает комплексом уникальных характеристик и неизбежно проходит цикл от зарождения и расцвета к упадку и гибели. В его теории пространство и время выступают двумя мощнейшими векторами, формирующими неповторимый образ мира и душу народа.

Так, западноевропейской культуре соответствует фаустовская душа, символизирующая чистое, беспредельное пространство и время, воплощенные в архитектуре готического собора, живописных перспективах и звуках фуги, «растворяющих отдельное мгновение в бесконечности» [4]. Для носителя фаустовской души характерны обостренное чувство судьбы и вписанность единичной жизни в мировую линию истории, а пространство мыслится как абстракция, находящаяся за пределами чувственного опыта. Западноевропейский дух стремится всячески высвободиться от материи, преодолевая ее посредством религиозной идеи вездесущего Бога, музыкального искусства, рождающего из ниоткуда неведомые дали, самой немецкой философии, которая ярко воплотилась в идеализме И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля. Такая система пространственно-временных координат порождает особое бытие, «исполненное глубокого самосознания, созерцающее себя самое, культуру личности, получившую свое выражение в мемуарах, размышлениях, исповедях» [4].

Аполлоновской душе античной культуры, напротив, чужда идея беспредельности и вечности, что находит воплощение в завершенности скульптурно оформленного тела и живописи, которая лишена перспективы. Пространство и время здесь непосредственно доступны для чувственного восприятия и не существуют в абстракции. Обозримость границ и ограниченность форм составляют единственно возможную суть пространства, а мгновение настоящего – суть времени.

Греческая архитектура демонстрирует беззаботные отношения человека с пространством и временем: в строительстве он постоянно «уклоняется от решения трудных тектонических проблем, в разрешении которых нильская и позже рейнская культура смутно ощущала свой долг» [4]. Более того, «будучи наследником высокоразвитого микенского искусства обращения с камнем и живя к тому же в скалистой стране со скудными лесами, [грек] вернулся к употреблению дерева» [4]. Все это свидетельствует о том, что стремление к вечности чуждо как греческой архитектуре, так и аполлоновской душе. В этой картине мира человеческое Я замыкается в наличной данности тела, ему претят рефлексия, идея внутреннего развития и, следовательно, всякая историчность. Бытие грека заключено в «теперь и здесь, все – на переднем плане жизни; в его образе мира отсутствуют дали рождения и смерти, прошлого и будущего» [4]. Аполлоновский человек в противоположность человеку Запада оказывается предельно «овнешнен»: ему нечего противопоставить могуществу высших сил, и он находит себя в сладостном претерпевании жизненного потока.

Арабо-византийскую культуру О. Шпенглер наделяет магической душой, которая выражает

постоянную борьбу земного и божественного начал. Черты этой культуры представлены в труде философа «Закат Европы» не столь отчетливо, однако мы постараемся обозначить наиболее яркие приметы магической картины мира для демонстрации вариативности пространственно-временных отношений¹.

Архитектура арабо-византийской культуры утверждает преодоление античного принципа естественной тяжести²: стройные колонны храмов Константинополя, мечетей Кордовы, иерусалимских соборов каким-то неведомым образом держат на себе всю величественную композицию из бесчисленных арок и сводов, позволяя куполу свободно парить над базиликой или восьмиугольником. Эффект ирреальности пространства усиливают выполненные при помощи позолоты мозаики и арабески, мерцание которых видоизменяет привычные глазу формы и переносит зрителя в сферу магического, внеземного существования.

Восприятие человеческого тела также переживает метаморфозу, которая заключается в перемещении внимания с физического облика на взгляд как нематериальное продолжение тела: «Благодаря пробуравленным зрачкам направленных вдаль глаз все выражение отвлекается от тела и вкладывается в тот “пневматический”, магический принцип, который принимается за господствующее начало в человеке» [4]. Если западный человек обращен внутрь себя, аполлоновский словно вывернут наизнанку, обращаясь сразу ко всему миру, то магический человек целиком обращен к единому Богу.

В размышлениях О. Шпенглера отчетливо прослеживается хронотопичность картины мира: приметы пространства и времени сливаются в осмысленном и конкретном целом, воплощаясь в архитектуре, живописи, литературных и музыкальных произведениях и целых мировоззренческих концепциях. Качественные особенности пространства и времени порождают принципиально различные картины мира и содержание человеческого бытия.

Следует отметить, что исследователи имеют различные взгляды на роль пространства и времени в организации картины мира. Так, М. М. Бахтин вслед за А. А. Ухтомским считает ведущим началом в хронотопе время. Однако в самих примерах романного единства, описанных М. М. Бахтиным, это не всегда находит подтверждение (в авантюрном романе-испытании пространственная экстенсивность вытесняет время). В классификации культурно-исторических типов О. Шпенглер в большей мере ориентируется на пространственные формы, осо-

бое внимание уделяя архитектурным ансамблям, само время он трактует в терминах пространства, усматривая, например, идею вечности в монументальности египетских пирамид. Современный исследователь В. Е. Кемеров делает упор в сторону методологической топохронии, в соответствии с которой «временные определения либо погружены в пространственные, либо дистанцированы от них» [5, с. 173]. Проблема топохронии во многом обусловлена очевидностью пространственных форм и отсутствием эмпирической реальности времени. На взгляд В. Е. Кемерова, нашу социальность следует осмысливать в терминах времени, так как жизненное пространство уже задано пределами земли и образ мира может видоизменяться именно под действием временных факторов: «Если история не закончилась, она будет протекать в формах использования времени, его наполнения, интенсификации, синтеза качественных форм человеческой деятельности и взаимодействий» [5, с. 183]. Тезис В. Е. Кемерова звучит убедительно, однако в полной мере применим лишь к тем социально-культурным образованиям, которые полностью исчерпали возможности экстенсивного освоения пространства. С нашей точки зрения, вопрос о ведущем начале пространства и времени в хронотопе не предусматривает универсального ответа, так как в каждую конкретную эпоху пространство и время обладают разными правами и причиняющей силой по отношению к формированию картины мира.

В рамках исследования пространственно-временных координат социума особого внимания заслуживают труды советского и российского историка А. Я. Гуревича, посвященные изучению средневековой картины мира в полемике с более поздними историческими периодами. А. Я. Гуревич настаивает на уникальности каждой эпохи в пространственно-временном отношении и указывает на ограниченность возможностей нашего познания в исследовании минувших дней теми базовыми представлениями о пространстве и времени, которые сформировали наше мышление [6].

Человек не рождается с чувством времени и пространства, его представления о темпоральности и наличной данности окружающего мира всегда опосредованы культурой [7]. Пространство и время существуют не только объективно, как неотъемлемые физические параметры бытия и социального взаимодействия, но и субъективно: они переживаются людьми и воспроизводятся ими в ходе социальных практик, «причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного

¹Кроме западноевропейской, античной и арабо-византийской культуры, О. Шпенглер затрагивает и ряд других, однако они не получают детального рассмотрения, в связи с чем мы ограничимся анализом пространственно-временной организации в трех наиболее объемных примерах.

²Согласно этому принципу в греческой архитектуре опора всегда была пропорциональна удерживаемой тяжести, что обуславливало относительно небольшие масштабы строений.

развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково» [6, с. 45].

Нынешние представления о времени и пространстве, как отмечает А. Я. Гуревич, вовсе имеют мало общего с той пространственно-временной реальностью, которая переживалась людьми других исторических эпох: «В так называемом примитивном, или мифологическом, сознании эти категории не существуют как чистые абстракции, поскольку само мышление людей на архаических стадиях развития было по преимуществу конкретным, предметно-чувственным» [6, с. 45].

Ученый описывает современность как эпоху господства времени над пространством, где главным фактором общественного развития выступает скорость: «Самое соперничество между социальными системами понимается теперь как соревнование во времени: кто выиграет в темпах развития, на кого работает время?» [6, с. 44]. В связи с появлением новых средств транспорта и коммуникации становится возможным вмиг преодолевать огромные расстояния, не считаясь с пространственной далью, в результате чего мир делается гораздо меньшим, а образ его – практически несопоставимым с той моделью, которая господствовала в период более низких скоростей.

Предпринимая попытку познать пространственно-временную реальность минувших эпох, мы всегда оказываемся заложниками своего хронотопа. Так, разум, воспитанный в модерной системе координат, мыслящий собственную жизнь как точку, которая движется от прошлого к будущему, едва ли может откинуть эту матрицу восприятия, заглядывая в мир древнего человека.

Невозможность до конца преодолеть свой хронотоп во многом объясняет и оценочный характер наших суждений относительно пространственно-временной реальности минувших дней. В этом контексте показательным является исследование первобытного мышления французским антропологом Л. Леви-Брюлем [8, с. 45]. Само слово «первобытный» в нашем языке служит не только для того, чтобы обозначить уклад жизни, который существовал задолго до нас, но и для того, чтобы отчетливо маркировать действующих лиц этого далекого времени как примитивных, отсталых и совершенно не развитых интеллектуально. Примечательно и то, что первобытными часто называют наших формальных современников (например, австралийских аборигенов), чей образ жизни как будто замер в далеком прошлом. Л. Леви-Брюль сразу же отвергает вывод о примитивности таких народностей как ложный, приводя в качестве аргументов их особую изобретательность в организации быта, уровень мастерства в создании произведений ис-

кусства, а также сложную структуру их собственных языков.

Согласно многочисленным антропологическим исследованиям мышление первобытных людей в самом деле не подчиняется привычным законам логики: «Там, где мы ищем вторичные причины, устойчивые предшествующие моменты (антецеденты), первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду» [8, с. 8]. В пространственно-временном отношении первобытное мышление без труда допускает совершенно невозможные вещи с точки зрения современной картины мира: пребывание одного существа сразу в нескольких местах, совершение убийства посредством истязания тени противника и полное игнорирование закона причинности.

Трудность, с которой мы сталкиваемся, когда пытаемся объяснить жизненный уклад обществ низшего типа или первобытных обществ, заключается, по мнению Л. Леви-Брюля, в принципиально иной структуре мышления современного человека. Антрополог предлагает отказаться от попыток оценить первобытное мышление с позиции формальной логики: «Оно не антилогично, оно также и не алогично. <...> Оно не стремится, прежде всего, подобно нашему мышлению, избегать противоречия» [8, с. 64].

Основную причину несостыковки первобытной и современной картин мира мы связываем с несовпадением базовых координат нашего бытия – пространства и времени. Эта мысль находит подтверждение в контексте проблемы модели мира, обозначенной А. Я. Гуревичем: «...это и проблема человеческой личности, отношения которой с миром и самосознание выражались в категориях “картины мира”, в том числе в категориях пространства и времени» [6, с. 49]. Так, например, для представителей развитых обществ характерны четкое выделение собственного Я из наличной данности универсума, дифференциация пространства на конкретные локусы, вписанность жизни и деятельности в упорядоченный временной ряд. Это отчетливо прослеживается в ситуации картирования мира на горный и дольный и в контексте эсхатологических идей [9]. Представители обществ низшего типа, напротив, не способны провести различие между собой и окружающей действительностью: в этих условиях пространство воплощает собой некую недифференцированную тотальность, а время как бы устраняется, абсолютизируя роль места. Такие отношения пространства и времени формируют мистический образ мира. Л. Леви-Брюль отмечает: «Для первобытного мышления существует только один мир. Всякая действительность мистична, как и всякое действие, следовательно, мистичным является и всякое восприятие» [8, с. 55].

Неспособность вырваться из ткани окружающей действительности формирует совершенно иную структуру мышления и картину мира, нежели в условиях субъект-объектных отношений с наличной данностью универсума. Можно было бы поспорить, действительно ли пространственно-временная реальность является первичной по отношению к характеру мышления, а не наоборот. Данный вопрос автор склонен рассматривать в соответствии с дюркгеймианской логикой. По Дюркгейму, пространство и время представляют собой в первую очередь базовые категории мышления, без которых когнитивные операции не могут быть в полной мере реализованы. Они задают предельную рамку мышления и «соответствуют наиболее универсальным свойствам вещей» [10, с. 185]. Эти категории рассматривались французским социологом как продукт коллективной жизни, а их содержание – как отражение самых разных аспектов существования в обществе: «Ритм социальной жизни лежит в основе категории времени; пространство, занимаемое обществом, предоставило материал для создания категории пространства» [10, с. 146].

Здесь следует сделать оговорку, что речь идет именно о коллективных представлениях: пространственно-временная реальность «на самом деле» оказывается недоступной для нашего восприятия, однако представления о ней заставляют нас готовыми уже при рождении. Так, социальный хронотоп аккумулирует коллективные представления о пространстве и времени, отражая уникальные характеристики окружающей действительности и позволяя участникам социальных процессов сформировать целостный образ мира.

В контексте социологического знания категория «хронотоп» не получила широкого распространения, однако вопросы пространственно-временной организации социума имманентно присутствуют

практически во всех теориях общества. Объединяя в себе предельные параметры бытия, социальный хронотоп, как категория, служит продуктивным инструментом анализа социума на уровне структуры и практик, так как позволяет учесть максимально широкий спектр характеристик и избежать различного рода детерминизма (экономического, религиозного и др.) в силу всеохватности категории. Наиболее перспективными направлениями использования категории «социальный хронотоп» представляются следующие: анализ цивилизационных различий, переосмысление общепринятых типологий динамики общественного развития, изучение трансформации человеческой субъектности в системе социальных координат и поиск наиболее продуктивных оснований для конструирования коллективной идентичности макросоциальных общностей. Социальный смысл хронотопа заключается не только в совпадении индивидов друг с другом в физическом пространственно-временном отношении, но и в совпадении смыслов при выстраивании картины мира и позиционировании себя в нем. Представления о пространстве и времени, укорененные в качестве когнитивно-перцептивной рамки нашего сознания, всегда оказываются эмоционально и ценностно нагружены. Именно эта нагруженность и составляет качество пространственно-временной реальности, воплощенной в уникальном хронотопе.

Кроме того, социальный хронотоп, как аккумулят предельных оснований бытия, позволяет анализировать стремительно распространяющиеся мейнстримы социально-гуманитарного знания с точки зрения масштаба их объяснительного потенциала. Возможно ли с помощью определенной концептуальной модели вывести общий знаменатель для всего разнообразия симптомов современности или же ее применимость ограничивается локальной проблематикой?

Библиографические ссылки

1. Ухтомский АА. *Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях*. Санкт-Петербург: Петербургский писатель; 1996. 528 с.
2. Бахтин ММ. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. В: Бахтин ММ. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература; 1975. с. 234–407.
3. Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство; 1986. 445 с.
4. Шпенглер О. *Закат Европы*. Франковский АА, переводчик. Alterozoom [Интернет]. 2019 [протитировано 10 мая 2021 г.]. Доступно по: <https://alterozoom.com/ru/documents/14844.html>.
5. Кемеров ВЕ. Социальный хронотоп и трансформации современного обществознания. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки*. 2013;4:172–185.
6. Гуревич АЯ. *Избранные труды. Средневековый мир*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2007. 560 с.
7. Шавердо ТМ. Темпоральное измерение социальности в условиях цифровой трансформации (на примере сферы образования). *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2019;4:125–130.
8. Леви-Брюль Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. Москва: Педагогика-Пресс; 1994. 607 с.
9. Августин Аврелий. *О Граде Божием*. Минск: Харвест; 2000. 1296 с. Совместно с издательством «АСТ».
10. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии (заключение). *Социологическое обозрение*. 2018;2:122–154.

References

1. Ukhtomskii AA. *Intuitsiya sovesti. Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na polyakh* [Intuition of conscience. Letters. Notebooks. Notes in the margins]. Saint Petersburg: Peterburgskii pisatel'; 1996. 528 p. Russian.
2. Bakhtin MM. [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: Bakhtin MM. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975. p. 234–407. Russian.
3. Bakhtin MM. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo; 1986. 445 p. Russian.
4. Shpengler O. [Decline of the West]. Frankovskii AA, translator. Alterozoom [Internet]. 2019 [cited 2021 May 10]. Available from: <https://alterozoom.com/ru/documents/14844.html>. Russian.
5. Kemerov VE. Social chronotop and transformation of modern social knowledge. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3. Social Sciences*. 2013;4:172–185. Russian.
6. Gurevich AY. *Izbrannye trudy. Srednevekovyi mir* [Selected works. Medieval world]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; 2007. 560 p. Russian.
7. Shaverdo TM. The temporal dimension of sociality in a digital transformation. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo*. 2019; 4:125–130. Russian.
8. Levi-Bryul' L. *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Moscow: Pedagogy-Press; 1994. 607 p. Russian.
9. Avgustin Avrelii. *O Grade Bozhiem* [About the city of God]. Minsk: Harvest; 2000. 1296 p. Co-published by the «AST». Russian.
10. Dyurkgeim E. Elementary forms of religious life. The totemic system in Australia (conclusion). *Sociological Review*. 2018;2:122–154. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2021.
Received by editorial board 04.06.2021.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Леонид Авксентьевич
ГУЦАЛЕНКО

Leonid Avksent'evich
GUTSALENKO

В июле отметил 90-летний юбилей известный ученый и журналист, многолетний сотрудник кафедры социологии факультета философии и социальных наук БГУ, доктор философских наук, профессор Леонид Авксентьевич Гуцаленко.

Родом Л. А. Гуцаленко из Черкасской области Украины. Воспитывался в большой крестьянской семье. Его детские годы выпали на военное лихолетье. Поэтому программу средней школы он проходил в Украине, России, Грузии, а завершал образование в Беларуси. Трудовую деятельность будущий философ начинал в 1948 г. на Бобруйском деревообрабатывающем комбинате в качестве грузчика. В 1955 г. успешно окончил отделение журналистики филологического факультета БГУ. По распределению был направлен на работу в Гродненскую область.

Талант будущего ученого мужал в корреспондентских заботах, встречах с героями материалов, анализе проблем, с которыми повседневно сталкивались жители нашей республики. В 1955–1971 гг. Леонид Авксентьевич постигал премудрости про-

фессии, работая журналистом в районной, городской, областной и республиканской печати (ответственным секретарем, заместителем редактора районной газеты, литературным сотрудником областной газеты, заведующим редакцией БЕЛТА). Журналистика приучила его много трудиться, привила ответственное отношение к печатному слову, умение уважать и ценить чужое мнение.

Правда жизни, усвоенная Л. А. Гуцаленко в нелегком журналистском деле, стала хорошим фундаментом для будущего философа и социолога. С января 1971 г. Л. А. Гуцаленко переходит на преподавательскую работу на кафедру философии гуманитарных факультетов БГУ. В этом же году защищает кандидатскую диссертацию на тему «Диалектический характер эстетического идеала». В 1976 г. ему присвоено звание доцента. Запоминающейся для него стала командировка на Кубу весной 1976 г. Леонид Авксентьевич входил в состав делегации, прибывшей по случаю заключения соглашения о сотрудничестве с Камагуэйским университетом и обмену опытом.

Профессор Л. А. Гуцаленко стоял у истоков создания философско-экономического факультета БГУ и кафедры социологии, на которой он работал с 1991 г. до выхода на пенсию в 2015 г. В 1993 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Философско-методологические проблемы становления универсального человека». В 1996 г. ему присвоено звание профессора. Леонид Авксентьевич подготовил пять кандидатов наук.

На протяжении длительного времени Л. А. Гуцаленко руководил методической секцией при кафедре социологии, был заместителем заведующего кафедрой, а также заместителем декана философско-экономического факультета по научной работе. Профессор вел научные исследования по социально-философским вопросам развития человека, субстанциональной роли личности в возникновении и развитии социума, социальным технологиям. Центральная тема его творчества – человек.

Ученый опубликовал более 200 научных работ, в том числе монографии «Диалектика воплощения прекрасного» (1973), «Универсальное развитие человека» (1988); является соавтором учебников «Социология» (1998), «Философия» (2004), «Социология. Методология отраслевых и оперативных

исследований» (2005), «Социология конкуренции» (2007), «Человек – мера добра и зла» (2011; издание также вышло на английском языке). Статья Л. А. Гуцаленко «Социальные инновации и квазиинновации в человеческом измерении» была опубликована в ведущем социологическом издании Российской академии наук – журнале «Социологические исследования» (2011, № 7), привлекла внимание читателей новизной и остротой постановки проблемы, вошла в научный сборник «Новые идеи в социологии» (2013). Венцом его научного подвижничества стала монография «Человек – мера добра и зла».

За большие заслуги в научно-педагогической деятельности профессор был удостоен в 2009 г. высшей университетской награды – звания лауреата премии имени В. И. Пичеты в области гуманитарных наук.

Л. А. Гуцаленко – мудрый учитель, отзывчивый и добрый человек, вдумчивый и трудолюбивый ученый, который пользуется авторитетом и уважением среди коллег. В 2011 г. ему присвоено почетное звание заслуженного работника БГУ.

Дорогой Леонид Авксентьевич, желаем Вам крепкого здоровья и активного долголетия!

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.334.2:338.48(075.8)

Социология туризма [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 05 «Социология» / БГУ ; сост. А. А. Похомова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 60 с. : ил. Библиогр.: с. 57–60, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/267574>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.09.2021, № 008806092021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «Социология», учебной программой по дисциплине «Социология туризма» и предназначен для студентов специальности 1-23 01 05 «Социология» очной формы получения 1-го высшего образования. Содержание ЭУМК включает в себя тексты лекций, темы и задания семинарских занятий, список контрольных вопросов по дисциплине, тематику эссе и исследовательских проектов, рекомендуемый список литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н. Vivat universitas! 100 лет институционализации социологии в Белорусском государственном университете</i>	4
---	---

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Бабосов Е. М. Ф. М. Достоевский – великий человеколюбец, человекознавец, человекодоброжелатель, мудрец и провидец</i>	13
<i>Чарота И. А. Кому и почему ценен Ф. М. Достоевский?</i>	24

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Поплавский Т., Богуш Т. А. Восточноевропейский и прибалтийский контекст трансформационных процессов</i>	31
<i>Михайловский В. С. Три проблемы неомарксизма, или Что необходимо знать при использовании неомарксистского подхода</i>	38
<i>Смирнов В. Э. Номенклатура как социальный институт советского общества (к дискуссии в журнале «Социологические исследования»)</i>	47

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Неделевская И. Г. Социальная топология науки в национальном и транснациональном контекстах: случай социальных наук</i>	55
<i>Белов А. А., Борейко С. А. Уровень воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь и перспективы его повышения</i>	64
<i>Мартинович В. А. Средства коммуникации новых религиозных движений в Республике Беларусь</i>	75

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Титаренко Л. Г., Карапетян Р. В. Уровень овладения цифровыми технологиями в трудовой сфере: опыт эмпирического исследования в Минске и Санкт-Петербурге</i>	84
<i>Симхович В. А., Наумов Д. И. Социальный оптимизм как эпифеномен субъективной оценки качества жизни белорусского студенчества</i>	93
<i>Шавердо Т. М. Объяснительный потенциал категории «хронотоп» в исследовании социального</i>	104

ЮБИЛЕИ

<i>Леонид Авксентьевич Гуцаленко</i>	113
<i>Аннотации депонированных в БГУ работ</i>	115

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N. Vivat universitas! 100 years of institutionalisation of sociology at the Belarusian State University</i>	4
---	---

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Babosov E. M. F. M. Dostoevsky – great human-lover, expert in human, well-wisher of human, sage and visionary</i>	13
<i>Charota A. I. To whom and why F. M. Dostoevsky is precious?</i>	24

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Popławski T., Bogush T. A. The Eastern European and Baltic scope of transformation processes</i>	31
<i>Mikhailouski V. S. Three problems of neo-Marxism, or What you need to know before using a neo-Marxist approach</i>	38
<i>Smirnov V. E. Nomenclature as a social institution of Soviet society (to the discussion in the journal «Sotsiologicheskie issledovaniya»)</i>	47

ARTICLES AND REPORTS

<i>Nedelevskaya I. G. The social topology of science in national and transnational contexts: the case of social sciences</i>	55
<i>Belov A. A., Boreiko S. A. The level of replacement of employees with PhD degrees in the Republic of Belarus and the prospects of its improvement</i>	64
<i>Martinovich V. A. Means of communication of new religious movements in the Republic of Belarus</i>	75

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Titarenko L. G., Karapetyan R. V. Skilling digital technologies in the labour sphere: experience of empirical research in Minsk and Saint Petersburg</i>	84
<i>Simkhovich V. A., Naumau D. I. Social optimism as epiphenomenon of subjective assessment of Belarusian students' life quality</i>	93
<i>Shaverdo T. M. The explanatory potential of the «chronotope» category in social research</i>	104

JUBILEES

Leonid Avksent'evich Gutsalenko	113
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	115

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 3. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.09.2021.
Тираж 120 экз. Заказ 385.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 3. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editor *A. Y. Leschinskaya*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 30.09.2021.
Edition 120 copies. Order number 385.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 2014 March 3.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021